

Владимир Брагинский

АВТОБИОГРАФИЯ
СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

1950
ГОД

Владимир Брагинский

**АВТОБИОГРАФИЯ
СОВЕТСКОГО
ЧЕЛОВЕКА**

Москва — «Медиум»
2018

УДК 82-94

ББК 84

Б 87

Б 87 Брагинский В. М.

Автобиография советского человека. — М.: «Медиум», 2018. — 304 с., 16 с. ил.

ISBN 978-5-85691-090-1

Эта книга написана человеком большой и интересной судьбы, одним из немногих живущих ветеранов Великой Отечественной войны.

УДК 82-94

ББК 84

На обложке: В. А. Фаворский.

«Октябрь 1917 года». Ксилография, 1928.

Фрагмент фронтисписа к пьесе А. Глобы «Фамарь». 1923.

© Брагинский В. М., 2018

© Издательство «Медиум», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Мне уже перевалило за 90. Стою на пороге перехода в «мир иной». Тем временем на моих глазах в сознательную жизнь входит новое молодое поколение, в руки которого скоро перейдет судьба нашего великого и несчастного отечества.

Что это за поколение? Сумеет ли оно вывести Россию из нынешнего политического и экономического тупика и сделать то, что не смогло сделать мое молодое поколение: превратить Россию в счастливое, процветающее демократическое государство?

Одолевают сомнения. Нынешнее поколение 17–30-летних живет уже в новой стране. Их представления о советском прошлом, о событиях, предшествовавших Второй мировой войне, о самой той войне, победа в которой вознесла СССР в число великих мировых держав, и о последующих событиях, которые привели эту державу к краху, у большинства весьма смутные и зачастую искаженные. Об этом свидетельствуют опросы социологов. Особенно поразил меня опрос «Левада-Центра», проведенный накануне 22 июня 2018 года. Он выявил, что сегодня только 9% россиян убеждены, что огромные потери Советского Союза в Великой Отечественной войне вызваны политической сталинского руководства с потерями не считаться! В 1997 году так считали 34% опрошенных. За 20 лет сокращение в 4 раза.

Тогда кто же виноват в наших военных потерях, которые кратко превосходили потери как наших противников — гитлеровских

войск, так и наших союзников, тоже воевавших против них? А также и в потерях американцев в их ожесточенной войне с японцами на Тихом океане? Если это не вина сталинского руководства, так что же, мы сами виноваты? Виноваты в чудовищных поражениях Красной армии в 1941 и 1942 годах? А Победа — заслуга «великого полководца» — генералиссимуса Сталина?

Чтобы дать ответ на эти вопросы моим детям, внукам и правнукам, я написал «Автобиографию советского человека» — рассказ о моей собственной жизни и опыте того времени.

Незнание подлинного прошлого, без которого не построить счастливого будущего, — не вина нынешнего молодого поколения, но его беда. Вина за это лежит на официозной пропаганде, которая непрерывным бурным потоком льется с экранов телевизоров, со страниц газет, а в последнее время и в недавно свободном от нее интернете. Слушая эту пропаганду, я узнаю ее советское лицо. Это, по сути, та же пропаганда, которая формировала в детстве и юности мое молодое поколение. Это она превратила нас в «винтики» государственного механизма СССР, беззаветно преданные партии Ленина–Сталина и ее великому вождю Иосифу Джугашвили.

Мое поколение, родившихся между 1920 и 1927 годами, как и нынешняя молодежь, имело искаженное советской пропагандой представление о прошлом нашей страны: о дореволюционной России, о Первой мировой войне, Февральской и Октябрьской революциях, Гражданской войне, коллективизации и индустриализации... Вступавшим в сознательную жизнь накануне и в ходе Второй мировой войны, «Плохая им досталась доля: Немногие вернулись с поля» Великой Отечественной. Возрастные группы военнослужащих 1920–1924 годов рождения, на фронтовую долю которых выпали поражения и отступления Красной армии в 1941–42 годах,

понесли чудовищные потери. Из каждых десяти домой вернулось только трое. Фронтовикам 1925–26 годов рождения тоже досталось немало. Это их по прихоти Сталина, не считаясь с потерями, бросали брать города к юбилейным датам.

Значительно меньше пострадал 1927 год. Военнообязанные этого года рождения вошли в историю войны под названием «последний военный призыв». Этот призыв проводился в самом конце 1944 года, когда всем нам уже исполнилось по 17 лет. Этот призыв не был предназначен для фронта. Срочную службу его солдаты отбывали в тылу, сменив более старшие возрасты для выполнения поставленной Сталиным задачи на 1945 год: «Добить фашистского зверя в его собственном логове». Зато им, 17-летним, пришлось нести срочную службу по пять и более лет, чтобы поддержать на должном уровне численность армии после понесенных ею потерь и демобилизации отслуживших свое фронтовиков.

Правда, многие из родившихся в 1927-м, кому исполнялось 17 в первой половине 1944 года, на волне всеобщего патриотизма шли в армию добровольцами до объявления призыва. Солдатами их на фронт не посылали. Практически все они были направлены в военные училища. Часть, выпущенная офицерами до окончания войны, успела принять участие в самой завершающей ее стадии. Я был одним из них. Несмотря на то, что мне летом 1944 еще не было 17-ти, а 16-леток тогда в армию уже не брали, по «протекции» отца — кадрового офицера, в то время находившегося на излечении в Центральном военном госпитале в Москве, меня зачислили в армию добровольцем сразу после окончания 10-го класса.

После восьми месяцев учебы в Военном институте иностранных языков Красной армии (ВИИЯКА), получив звание младшего лейтенанта, я был командирован в апреле 1945 года военным

переводчиком в штаб Первой армии Войска Польского, воевавшей в составе Первого Белорусского фронта. Так как во время завершающей битвы той войны за Берлин я находился в штабе армии, сравнительно далеко от передовой, мой фронтовой опыт не представляет интереса.

А вот моя военная специальность — переводчика со знанием английского языка — позволила мне, не по рангу, принимать участие в конце войны, и особенно после ее завершения, во время работы в разведывательном управлении штаба Группы советских оккупационных войск в Германии, в таких событиях и получить доступ к такой информации, которые были недоступны не только основной массе армейских офицеров, но и вообще большинству советских граждан.

Служба в оккупированной Германии у многих молодых офицеров, участников освободительного похода в Восточную Европу, послуживших в советских войсках, стоявших в освобожденных и оккупированных европейских странах, за время пребывания там, несмотря на жесткие ограничения в общении с местным населением и на выходы за пределы колючей проволоки, ограждавшей наши гарнизоны, развеяла многие мифы советской пропаганды о жизни людей в капиталистических странах. Неудивительно, что в глазах Иосифа Виссарионовича мы, молодые офицеры, и действующие, и демобилизованные, представляли потенциальную проблему для режима.

Демобилизованные возвращались домой с новым мировоззрением, новыми стремлениями. Как правило, старались получить образование, прерванное начавшейся войной. Поступая в вузы по льготной квоте для фронтовиков, они вносили в студенческую среду новые веяния, надежды на то, что после войны настанет новая,

более счастливая жизнь, которую они завоевали в тяжелых боях, а советские люди в тылу беззаветным тяжелым трудом. Но время шло, и надежды таяли.

После Победы Сталину больше не были нужны не только отвоёванное свое офицеры. Ему вообще больше были не нужны «братья и сестры», которых в июле 1941-го он по радио просил о поддержке. Сталину снова были нужны «винтики». На страну-победительницу опустилась мрачная туча реакции. В студенческой среде за бывшими фронтовиками сотрудникам служб госбезопасности (а в те времена в каждом вузе на административных должностях, начиная с проректора, сидели таковые) было поручено наблюдать особо. Вскоре среди них прошли аресты и отчисления из институтов. Немало из них, как тот же капитан-фронтовик Солженицын, оказались в лагерях ГУЛАГа. Прошли чистки и в армии. «Неблагонадежных», по мнению политотделов, увольняли с «волчьим билетом». С ним нельзя было устроиться на приличную работу в больших городах страны. Приходилось разъезжаться по периферии. Сталин умело подавил возможную военную фронду в зародыше. Недаром до сих пор ходят упорные слухи, что в молодости он сотрудничал с царской охранкой.

Демобилизованных солдат-колхозников вернули на положение полукрепостных в свои колхозы, которые они не могли покидать, не имея паспортов гражданина СССР. Демобилизованные солдаты-рабочие вернулись к тяжелому плохо оплачиваемому труду по восстановлению разрушенной страны. Им бы прокормить оголодавшие за войну семьи.

Я не сгущаю краски. За годы, прошедшие после возвращения из Германии в 1946 году, я еще 10 лет служил в армии. Из них лишь три года в Москве, заканчивая образование в ВИИЯКА. В 1949 году,

получив диплом «переводчик-референт», по обстоятельствам, характерным для того безвременья, несмотря на высшее военное образование, я отправился служить командиром взвода курсантов в Военное авиационное училище летчиков, находившееся на окраине городка Батайск под Ростовом.

В 1951 году после полугодического участия в качестве военного переводчика в войне в Корее, по возвращении в свое училище, вместо должности командира взвода получил должность преподавателя истории военного искусства. Это, конечно, больше соответствовало моему образованию, чем командование взводом. Но по полученной в ВИИЯКА специальности переводчик-референт я смог поработать только после выхода на пенсию, с 1993 года по настоящее время. А тогда я читал свой курс на всех четырех курсах училища, разбросанных по четырем военным аэродромам Северо-Кавказского военного округа. Штаб училища и первый курс находились на окраине Батайска. Второй курс в Сальских степях, у поселка с гордым наименованием зерноград (ранее он назывался Верблюды). Третий курс в тогдашнем захолустье Ростовской области, ныне знаменитой на всю Россию станице Куцевская. Четвертый — на окраине столицы Донского казачества — Новочеркасске.

В тех краях я вживую знакомился с жизнью советской провинции в 50-х годах XX века. Реальную жизнь казаков-колхозников я знал не по дешевой агитке — кинофильму «Кубанские казаки». Я жил среди них и в Верблюде, и Куцевке, из-за отсутствия служебных квартир для офицеров, снимая у них жилье. Ел с ними за одним столом, а их женщины покупали для меня, и по моим настоячивым уговорам и для своих детей, на мой немалый, по сравнению с их доходами, офицерский оклад продукты на местных рынках,

потому что в магазинах по дешевым государственным ценам ничего не было, кроме соли, спичек, консервов и водки. Как жили заводские рабочие-казаки я видел в казачьей столице Новочеркасске. Мясо там и в ростовских магазинах было только до тех пор, пока не были съедены лошади Новочеркасской кавалерийской дивизии, которую превратили в мотострелковую. То были не современные ряженные «казаки», которые храбро разгоняли нагайками в Москве демонстрацию подростков. Это были коренные потомственные казаки. Чтобы разогнать их демонстрацию в Новочеркасске в 1962 году против невыносимых условий жизни и работы, Политбюро ЦК КПСС во главе с Хрущевым пришлось приказать расстрелять ее. Только по официальным данным было убито 46 человек, ранено — 67. По свидетельствам очевидцем, в частности будущего генерала Лебеда, видевшего тогда это побоище с друзьями-мальчишками, убитых и раненых было гораздо больше, среди них — дети и женщины. Семеро «зачинщиков» были приговорены к смертной казни, 22 поучили длительные тюремные сроки. В 1996 году все участники протеста были реабилитированы.

После демобилизации с мая 1956 года я 37 лет проработал во Всесоюзном акционерном обществе «Интурист». За это время написал и защитил кандидатскую диссертацию как раз по периоду подготовки и начала Второй мировой войны, побывал во многих зарубежных странах, и не только в краткосрочных командировках. В Болгарии, на Кубе и в Японии я проработал по несколько лет. И не в составе советских дипломатических или торговых миссий, а вне их стен, непосредственно среди местного населения. Встречался и беседовал с государственными чиновниками, журналистам, бизнесменами и просто с людьми. Советские мифы пали окончательно.

Так что, с высоты опыта свидетеля и участника тех событий, мне есть что рассказать моим молодым соотечественникам. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (*Евангелие от Матфея, из проповеди на горе Елеонской*).

ДЕТСТВО

1927 - 1940

Согласно официальному свидетельству о рождении, я появился на «этом свете» в Москве 31 октября 1927 года. Этот факт я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, так как при сем событии не ощущал своего перехода из небытия в какое-то новое состояние. Впервые я выглянул на «этот свет» уже позже, вероятно где-то в середине 1928 года: впереди полумрак, сверху спускается темный кусок тяжелой материи с бахромой из круглых шариков-помпончиков. Меня в этом полумраке физически нет. Его и свисающую материю с помпончиками я вижу как бы из другого измерения...

Уже в сознательном возрасте я выяснил, что полумрак — это номер в гостинице «Метрополь», а материя с помпончиками — портьера, отделявшая стоявшую в алькове кровать от остальной части комнаты.

В «Метрополе» жили мои дед и бабушка, которых поселили там после переезда из Петрограда в Москву советского правительства и правительственных учреждений в 1918 году. В то время дед занимал некую руководящую должность в Профинтерне — международном интернационале рабочих профсоюзов, созданном по аналогии с Коминтерном.

Дед был профессиональным революционером. Родившись в 1865 году в Таганроге, он уже гимназистом посещал марксистские кружки, а в 1885 году вступил в подпольную революционную организацию «Народная воля». В 1886 году его арестовали и приговорили за революционную деятельность к 5 годам ссылки в Якутию. Отбывая наказание в селе Монастырка, он принял участие в вооруженном протесте ссыльнопоселенцев против произвола властей, за что получил дополнительно 20 лет каторжных работ, которые отбывал в легендарном Акатуе и Вилуйске. В 1894 году вышел царский манифест, заменивший политкаторжанам каторжные

работы поселением. Тогда дед переехал на жительство в Читу. Там он женился на моей бабушке, и в 1895 году у них родился сын Михаил — мой будущий отец.

Биографию бабушки я так и не узнал. В автобиографии отца, в его личном деле, которое мне передали из Центрального военного архива в 2000-х годах, я прочел, что она тоже была революционеркой. 17-летней гимназисткой была арестована в Одессе и выслана на поселение в Читу. То ли из-за болезни (у нее была тяжелая форма сахарного диабета), то ли из-за банальной неприязни свекрови к невестке — моей матери — она никогда не навещала нас и не выходила встречаться с нами, когда я с матерью навещал деда. Так я ее ни разу и не увидел в течение своей сознательной жизни вплоть до ее смерти в 1938 году.

В начале XX века деду разрешили вернуться в европейскую часть России. Вместе с женой и сыном он переехал под надзор полиции в Одессу. Там он продолжал революционную работу, вступив в партию социалистов-революционеров (эсеров). В 1902 году, во избежание очередного ареста, семья уже с двумя сыновьями эмигрировала во Францию. Обосновавшись в Париже, дед выступал там представителем организации эсеров. В 1905 году, после известного царского манифеста «о свободах», дед вернулся в Петербург. Бабушка с детьми оставалась в Париже до 1908 года. Там мой отец учился в лицее и вывез из Парижа великолепное знание французского языка, как и его младший брат Александр. Даже взрослыми оба они при встречах говорили между собой только по-французски.

Мой второй выход в «этот свет» состоялся, по моим нынешним расчетам, вероятно уже в 1929 году: яркий электрический свет, мать вынимает меня из теплой ванны. Я ору. Отец, в белой нижней рубашке, с подтяжками на плечах, заворачивает меня в простыню и, стараясь перекрычать меня, запевает:

*Мы — красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ —
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо и смело в бой идём!..*

И я замолкаю.

К этому времен отец, профессиональный военный, служил в Москве. Начало его военной карьеры относится к Первой мировой войне. В 1914 году он, студент первого курса Петроградского университета (с началом Первой мировой «патриоты» переименовали Петербург в Петроград), бросил учебу и записался «вольноопределяющимся» в армию, получив назначение рядовым в лейб-гвардии Финляндский пехотный полк. В 1915 году он поступил в Павловское военное училище. Поскольку юнкером в офицерское училище принимали только православных, отец, выходец из еврейской семьи, принял крещение. Для семьи атеистов, интернационалистов-революционеров это не представляло какой-либо нравственной или идеологической проблемы. После крещения отец получил в документах необходимую запись: «православный, русский», каковым он и был по своему воспитанию,

образованию, культуре и образу жизни. Ему даже сменили в документах отчество на Михайлович вместо дедовского имени Марк.

По окончании училища в феврале 1916 года он получил чин прапорщика, затем подпоручика, и должность командира роты в запасном пехотном полку, стоявшем в Петрограде. Здесь его застала Февральская революция 1917 года, в которой со своим полком он принял активное участие. «Во время Октябрьской революции, — писал он в официальной автобиографии, — был в Комитете 2-й армии в Несвиже, в замке Радзивилла. В ночь с 25 на 26 октября 1917 года, после получения из Петрограда известий о переходе власти в руки Советов, я выехал в Петроград, где комендантом города был прикомандирован к 1-му запасному пехотному полку, в котором пробыл до демобилизации царской армии». Однажды он мне рассказывал, как добирался в Петроград из Несвижа: поезд был забит солдатами, бегущими с фронта. Пассажиры заперлись по купе. В одном из купе ему удалось просунуть плечо в приоткрытую дверь. Сидевшие там «буржуины», увидев золотой погон, тут же впустили его в купе в качестве защитника от «солдатни».

После расформирования полка и демобилизации, отца, с его знанием французского, охотно взяли в недавно созданный советский Народный комиссариат по иностранным делам в секретариат первого советского наркома по иностранным делам Чичерина. Жил он в это время со своими родителями и младшим братом.

Дед вплоть до Февральской революции продолжал революционную деятельность в партии эсеров, зарабатывая на прокорм семьи службой юрисконсультom в нефтяной компании братьев Нобилей. За это время его дважды, в 1907 и 1911 году, арестовывали и высылали из Петербурга, куда он снова нелегально возвращался. И Февральскую, и Октябрьскую революции он встретил в Петро-

граде. После Октябрьской революции, разочаровавшись в политике партии левых эсеров, дед порвал с ними и в 1918 году вступил в РСДРП(б) (Российскую социал-демократическую партию большевиков), переименованную в марте 1918 года в РКП(б) (Российскую коммунистическую партию большевиков).

Надо сказать, что революционную биографию деда я знал лишь фрагментарно. Мне, даже уже в сознательном возрасте, ни дед, ни отец о ней не рассказывали. Причиной этому было то, что старые революционеры, не входившие в созданный Лениным в 1895 году «Союз за освобождение рабочего класса», а затем в РСДРП, носили на себе клеймо второсортности. Еще в дореволюционное время Ленин принижал и замалчивал роль других революционных организаций, особенно «Народной воли», которая в XIX веке была более крупной, мощной и разветвленной в России организацией, чем его «Союз...». При этом обе организации в конце 90-х годов XIX века были разгромлены царской охранкой, а большинство членов и той и другой вместе отправились по этапу на каторгу и ссылку. В советской историографии «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» вообще представлялся как основоположник подлинного революционного движения. «Народная воля» упоминалась в основном как террористическая организация, наносившая вред революционному рабочему движению. Хотя террор в «Народной воле» был лишь вспомогательным средством борьбы. Основной революционной силой народовольцы считали крестьянство при поддержке фабричных рабочих, что тоже противоречило марксистско-ленинской доктрине.

Все же до середины 30-х годов XX века к революционерам из «неленинского» призыва власти относились с определенным пиететом. Все они состояли в едином «Всесоюзном обществе политкаторжан

и ссыльнопоселенцев». Но в 1935 году Сталин, заявив: «Если воспитывать людей на народовольцах, то воспитаем террористов», приказал распустить и закрыть это общество. На народовольческую тематику был наложен полный запрет. Единственной правильной идеологией стал «Краткий курс истории ВКП(б) под редакцией самого «отца народов».

Вероятно, мои взрослые не хотели загружать в мою патриотическую пионерскую душу информацию, не совпадавшую с генеральной линией ВКП(б), изложенной в «Кратком курсе...». Ведь мое детство пришлось на самые страшные годы сталинского «Большого террора», а в школе я был воспитан под лозунгом: «Пионеры! К борьбе за дело Ленина–Сталина будьте готовы!». И подняв над головой согнутую в локте руку в пионерском салюте, я с восторгом рапортовал: «Всегда готовы!». Помню, как я не спал ночь перед приемом в пионеры, переживая, что завтра я буду иметь право при исполнении «Интернационала», бывшего тогда гимном СССР, стоять под пионерским салютом. Мой горячий патриотизм доходил до того, что в своих мечтах перед сном я заслонял грудью от вражеской пули то Ворошилова, то Буденного (до Сталина я не поднимался). Лежавшего с тяжелым ранением в военном госпитале, меня, конечно, навещала моя тайная любовь с первого класса Галя Стражевская.

Увидел я ее через 30 лет на встрече одноклассников и не узнал. Вместо стройной, гибкой девочки–гимнастки на диване сидела румяная грузная квашня. И старая любовь не шевельнулась в моем сердце.

Отец проработал в Наркоминделе всего с ноября 1917 до февраля 1918 года. В том феврале германские войска начали наступление на Петроград, почти не встречая сопротивления разбегавшей-

ся демобилизованной царской армии. С севера на город двинулись белоэстонские войска и белогвардейцы генерала Юденича. В этой обстановке отец вступил в Красную гвардию. В должности начальника штаба Гдовского района он принимал участие в боях с немцами и армией Юденича. Петроград удалось отстоять. Но близость города к фронтовой зоне побудила перенести столицу и правительственные учреждения в 1918 году в Москву, куда выехали и родители отца.

После заключения Брестского мира с Германией, будучи краскомом (красным командиром) только что сформированной Красной армии, отец в октябре 1918 года был направлен на учебу в открывшуюся в Москве Академию Генерального штаба. Но долго поучиться не удалось. Летом 1919 его послали на фронт борьбы с польской интервенцией в качестве командира Донской казачьей кавалерийской бригады. Затем на польском фронте он служил начальником разведки стрелковой бригады. В феврале 1920-го вернулся в академию. Но летом 1920-го — опять на фронте, на этот раз против армий Врангеля. Перед самым штурмом Перекопа и освобождением Крыма свалился с тифом и был эвакуирован в Москву. После выздоровления снова приступил к учебе в академии. И опять не сумел ее закончить. В июне 1921 года его отправили в Одесскую губернию на борьбу с бандитизмом. Академию, наконец, удалось закончить в 1922 году.

Как я узнал позднее, отца за заслуги в Гражданской войне дважды представляли к ордену Боевого Красного Знамени, но безрезультатно. Ни отказа, ни утверждения не последовало. Полагаю, что отказать не было оснований, а утвердить награждение беспартийного военспеца, бывшего офицера царской армии пролетарским орденом инстанции не решились. Поэтому предпочли промолчать.

Единственной наградой ему было личное наградное огнестрельное оружие — пистолет «Маузер», на рукоятке которого была прикреплена серебряная дощечка с гравировкой: «Стойкому защитнику пролетарской революции».

После окончания академии его посылают в Ереван для помощи в формировании и подготовке армянской стрелковой дивизии, затем и корпуса. В 1923 году он возвращается в Москву на работу в Разведывательное управление РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), затем назначается консультантом по иностранным армиям в Организационно-мобилизационное управление РККА. С этого времени он получает постоянную прописку в Москве. В 1925 году он тяжело заболел. После перенесенного брюшного тифа на врангелевском фронте он заработал на всю жизнь порок сердца. После трех месяцев госпиталей его с оперативной работы переводят в 1926 году на более легкую — в Управление высших учебных заведений Красной армии, в отдел по военизации гражданских вузов. В 1927 году в гражданских вузах СССР были введены должности военных руководителей, и отец работал таковым в 1927 и 1928 годах в Академии коммунистического воспитания имени Крупской, а с 1929 по 1932 год — в Государственном электромашиностроительном институте.

Только что, закончив одну войну, страна уже готовится к следующей. Военная подготовка студентов гражданских вузов в то время была весьма серьезной. Летом студентов-мужчин вывозили в военные лагеря, одевали в военную форму, вооружали боевым оружием, обучали владению тяжелой военной техникой. Ежегодно во время учебы в институте они два-три месяца под руководством кадровых командиров фактически полноценно проходили срочную службу.

В эти годы он женился на моей будущей матери и получил комнату в огромной коммунальной квартире № 26 на пятом этаже старинного доходного дома № 8 по Савеловскому переулку, выходившему на Остоженку недалеко от Пречистенских ворот.

В этой квартире ранее, по-видимому, проживал сам владелец дома. Только при ней была ванная комната. А перед входной дверью — обширная площадка с белым мраморным полом и огромным окном. На других этажах, где останавливался старинный лифт, ни больших площадок, ни окон не было. Кабина лифта с зеркалом была отделана деревянными лакированными панелями, к полу была привинчена небольшая банкетка, обитая коричневым плюшем. Несмотря на почтенный возраст, в отличие от современных лифтов, наш лифт на моей памяти ни разу не ломался. У нашей квартиры было еще одно преимущество: английский замок на входной двери открывался с помощью двухкопеечной монетки, так что не имевшие ключей дети могли не беспокоить жильцов звонками.

Квартиру эту после революции разгородили на небольшие комнаты, оставив одну двухкомнатную квартиру. В эту коммуналку заселился самый разнообразный люд. Слева от входной двери была небольшая каморка, в которой жила нелюдимая брюнетка по фамилии Крамер. Напротив ее комнаты стояла в углу у окна фанерная кабина для телефона, исписанная по стенкам номерами телефонов, по которым звонили жильцы.

С комнатушкой брюнетки соседствовала наша комната — тринадцатиметровая кишка с двойной входной дверью. Пространство между дверями служило для складирования домашнего скарба. Почти вся мебель в комнате осталась от прежнего хозяина. Справа от входа весь простенок занимал огромный резного дерева буфет. Слева — несколько отодвинутый от стены, чтобы образовать

небольшое узкое пространство, стоял шкаф с зеркалом. На задней стенке шкафа на гвоздях висели верхние носильные вещи, а в пространстве между его задней стенкой и стеной комнаты складировались различные домашние вещи. Когда я подросток, то обнаружил в этом темном пространстве настоящие сокровища: отцовскую боевую шашку, привезенную с Гражданской войны, и трофейную парадную офицерскую саблю с вензелем Александра III в блестящих металлических ножнах. Когда дома не было взрослых, я потихоньку вытаскивал их для своих игр и потом аккуратно водружал на место.

В 50-е годы, когда я, служа в армии, находился вне Москвы, мать, без моего разрешения, боясь хранить дома холодное оружие, тайно выбросила шашку и саблю в Москву-реку.

Возле буфета у правой стенки стоял легкий диванчик, перед ним — большой обеденный стол. У противоположной стены на деревянных козлах лежал большой толстый матрац (спальное место отца) и висел небольшой коврик (единственное приданное матери). В головах, на тумбочке, стоял добытый отцом уже значительно позже ламповый радиоприемник «ЭЧС-2», антенна для него стояла на шкафу с зеркалом.

Взятое напрокат пианино было поставлено поперек комнаты, отделяя столовую и отцовскую спальню от нашего с матерью участка комнаты. За стенкой пианино стояла моя детская кроватка с поднимавшейся сеткой, чтобы я не выпадал из нее. Она мне настолько нравилась, что когда опасность падения уже миновала, я упросил ее оставить. Угол напротив моей кровати занимал тоже резного дерева старинный трельяж. У противоположной стены стояла огром-

ная карельской березы с бронзовыми украшениями кровать, на которой спала мать. У высокого единственного окна стоял овальный стол, выделенный для моих игр. Позже отцу в академии выдали современный письменный стол и книжный шкаф, украшенные пятиконечными воинскими звездами. Шкаф поставили у задней стенки маминой кровати тоже поперек комнаты, окончательно превратив нашу «кишку» в подобие двух комнат.

Окно выходило в каменный колодец заутка двора нашего дома. Из-за этого к нам в комнату никогда не заглядывало солнце. Следствием этого было слегка искривленная рахитом левая часть моей грудной клетки. Дневного света хватало только на нашу с матерью спальню и на мой игровой стол. В отцовской спальне-столовой всегда был полумрак.

Напротив нас в большой светлой комнате жили супруги Вайсберги. На подоконнике у них стоял предмет моего вожделения — большой аквариум с золотыми рыбками, водорослями, гротами и ракушками. Мне разрешалось смотреть на рыбок и даже подсыпать им корм. В соседней с нами комнате (когда-то, по-моему, она не была разделена перегородкой с нашей комнатой) с двумя окнами, выходившими во двор, жил товарищ моих детских игр Юлька Зингер со своей матерью, краснощекой толстушкой Анной Яковлевной и отцом — главным редактором журнала «За рулем» — Наумунылычем (Наумом Эммануиловичем). Дальше коридор сужался. За стеной, сужавшей коридор, шел влево проход, в конце которого на антресолях вела широкая винтовая лестница со ступеньками, отделанными по краям золотистыми металлическими планками. На антресолях в помещении под чердаком находилась та ванная комната с водяной колонкой, отапливаемой дровами, в которой состоялся мой второй выход в «этот свет». Кроме того, там была еще одна

жилая комната, где жил взрослый парень Колька с матерью. Молва приписывала Кольке членство в воровском сообществе. Не знаю, правда ли это, но в квартире он вел себя вполне прилично.

Справа, у входа на лестницу, была дверь в двухкомнатную квартиру еще одного члена нашей детской команды — девчонки по имени Мура. Парадную огромную комнату там занимал черный блестящий рояль. На его крышке стоял предмет нашего общего восхищения: литой стеклянный шар, внутри его был домик. Если слегка встряхнуть этот шар, то в нем поднималась снежная метель.

В этом же проходе находилась темная комната, но с электропроводкой, по-видимому, хозяйская кладовка. В ней жили по очереди мои няни, которых я совершенно не помню, а потом, когда я подрос — наша домработница Маша, пожилая неграмотная деревенская женщина. Я частенько сиживал в ее каморке, слушая ее религиозные сказки. Других она не знала. Несмотря на то, что мать вообще никогда не работала, — кроме пары военных лет, когда она надомницей шила на машинке солдатские варежки с двумя пальцами — большим и указательным, которыми, обхватив цевье винтовки или автомата, можно было нажать на спусковой крючок, — у нас почти все время были «помощницы по хозяйству».

Дальше, в узкой части коридора, слева располагалась огромная, метров 15, уборная с одним унитазом. Помимо основной функции, она также выполняла задачу хранилища громоздких вещей жильцов. Почти напротив нее была дверь в комнату, где жил еще один наш приятель — Витька Петухов с родителями. Коридор завершался довольно большой светлой кухней, окно которой выходило во двор, через которое часто раздавались призывные крики матерей: «Витя (или Вася) — домой!». У входа на кухню был единствен-

ный на квартиру умывальник. По утрам к нему и к уборной выстраивалась очередь спешивших на работу жильцов. В углу кухни около окна была дверь еще в одну комнату, видимо для кухарки. В ней жил высокий симпатичный мужчина, всегда первым успевавший к умывальнику. На кухонных столах целыми днями шумели керосинки, керогазы и примусы.

Однажды ночью мне потребовалось в туалет. Выйдя из комнаты, я натолкнулся на двух красноармейцев в длинных до самого пола шинелях, с винтовками с примкнутыми штыками. Со стороны кухни двое военных с петлицами командиров НКВД (в знаках различия я хорошо разбирался с раннего детства) и наганами на боку вели жильца комнаты при кухне. Двое красноармейцев замкнули шествие перед нашей комнатой. Ни одна дверь в нашей квартире в это время не приоткрылась. Кроме меня свидетелей не было. Больше симпатичный мужчина домой не вернулся. Его комната оставалась запертой. В нее никого на моей памяти не поселили.

До 1935 года мои воспоминания походили на отдельные моментальные фотографии из семейного альбома. Вот я стою с матерью в мощенном булыжником дворе в очереди не то за мукой, не то за крупой перед коричневыми воротами лабаза — военного «распределителя». В ожидании выдачи продуктов я рассматриваю на голубом небе быстро бегущие перистые (помню именно перистые) белые облака. Очевидно, это 1930 или 1931 год. В стране голод, поскольку даже высшему комсоставу РККА выдают продукты по карточкам в закрытом «распределителе».

Отец к тому времени носил в петлицах два ромба — звание комдива (командир дивизии). Это было третье по старшинству воинское звание

в РККА. Впереди шли комкор (командир корпуса) с тремя ромбами, затем командарм (командующий армией) — четыре ромба.

А вот мы сидим с отцом и матерью летом за деревянным столом военной столовой. Перед нами обед и три тарелки манной каши, наверное, подававшихся на завтрак, на котором мы не были. Мимо идут два молодых парня.

— Ребята, кушать хотите? — спрашивает отец и пододвигает им тарелки с манной кашей, которые они моментально поглощают. Это гороховецкие военные лагеря в Нижегородской области. Тоже голодные 30–31-е годы. Иначе зачем же предлагать молодым ребятам манную кашу?

Следующая «фотография»: я гуляю с няней на бульваре около памятника Гоголю. Это еще не ныне стоящий там истукан «от советского правительства». Гоголь сидит на пьедестале, сгорбившись, накинув на плечи пелерину. Я еще совсем маленький, так как могу, как с горки, скатываться между лап чугунных львов, лежащих у подножья памятника. А вот мы с Витькой Петуховым с жутким грохотом носимся по коридору на железном трехколесном велосипеде. Но никто из соседей нас не гоняет. А на следующий (вероятно) день я опять на Гоголевском бульваре с завистью наблюдаю за мальчишкой на блестящем красном трехколесном велосипеде с никелированными крыльями над колесами на дутых шинах, с настоящим клаксоном и фонариком. А вот мы с отцом идем вниз по Остоженке в парикмахерскую. Меня сажают на доску, положенную на ручки кресла. Мастер лихо щелкает ножницами и... отхватывает кусочек кожи от моего левого уха. Общая паника. Отец успокаивает побелевшего парикмахера. У меня останавливают кровь, а мне совсем не больно.

А вот, вытащив из маминого кошелька несколько медяков, я с приятелями из нашего двора бегу на Остоженку. Каждый день туда приходит с деревянным коробом лотошник. Под стеклянной крышкой — россыпь разноцветных конфет по 3, 5, 10, 15 копеек. Самая дорогая — «Мишка» с картиной Шишкина на фантике — целых 20 копеек. Фантики мы коллекционируем. Это — валюта. Дубликаты можно поменять на такие, каких у тебя нет. Иногда за один фантик приходится отдать несколько. На них можно купить и другие ребячьи сокровища. Например, стеклянные шарики, точилку для карандаша и многое другое.

А вот отец завел меня в кафе-мороженое. Я впервые наслаждаюсь белыми шариками, усыпанными красными ягодами смородины, и стаканом чистой газированной воды. Сколько потом я ни пытался повторить этот опыт, более вкусного мороженого я так никогда и не поел.

Большой двор нашего дома был местом сбора ребят для игр в лапту (прообраз нынешнего бейсбола), в прятки, салочки, футбол... Здесь же формировался боевой отряд для отражения набегов ребят из соседних дворов или для своих набегов. Зимой можно было прыгать в сугробы с трансформаторной будки и крыши сараев, которые тянулись вдоль забора, отделявшего наш двор от школьного двора.

Дом наш стоял у сравнительно крутого спуска переулка. Снег из Москвы в те времена не вывозили и он ровным толстым слоем покрывал всю булыжную мостовую. Дворники лишь сгребали свежесвыпавший снег в сугробы у тротуаров. Спуск был любимым местом катания на санках, лыжах, коньках, фанерках, металлических тазах — у кого что было. Изредка приходилось уступать дорогу ломовым телегам и пассажирским извозчикам. Весной, когда таял снег,

по спуску бежали веселые ручейки, по которым мы пускали бумажные кораблики или просто щепочки, мечтая о времени, когда все просохнет и можно будет сбросить ненавистные резиновые калоши.

В 1931 году было завершено строительство Дома Совнаркома на набережной Москвы-реки, который тогда называли «Дом правительства», а ныне с легкой руки Юрия Трифонова — «Дом на набережной». Деда с бабушкой из «Метрополя» переселили в этот дом, в две большие комнаты в четырехкомнатной квартире, которую они делили с семьей известного тогда старого революционера Усиевича. Дом имел все современные удобства, и мы смогли отказаться от нашей дровяной ванны. Раз в неделю мы ходили в гости к деду и мылись в ванне с горячей водой. В то время современного Большого Каменного моста еще не было. Старый каменный мост на нескольких каменных «быках» вел с улицы Ленивка прямо к воротам дома, около которых ныне стоит Театр эстрады. В те годы в этом здании располагался первый детский кинотеатр. Билет туда стоил 10 копеек, как на трамвай. С этого моста мы с отцом ходили наблюдать весенний ледоход.

В 1932 году отца переводят преподавателем тактики в Военную Академию им. Фрунзе (называвшейся ранее Академией Генерального штаба, которую он окончил в 1922 году). В 1932, 1933 и 1934 годах он каждое лето уезжал в какие-то секретные экспедиции на Дальний Восток. Из поездок он привозил различные «туземные» сувениры. Из них в моей памяти остались: невероятно вкусная селедка-иваси ручного посола и «ичиги», удобные, теплые и мягкие тунгусские сапожки из оленьей шкуры на лосевой подошве, расшитые красными и синими нитями. Я износил их до дыр. Только

в послевоенные годы, прочитав отцовские дневники и отпечатав фотографии с десятков стеклянных негативов, привезенных им из поездок, я получил представление о его путешествиях. А в 2000-х годах из документов, хранящихся в его личном деле в Центральном военном архиве, узнал о цели этих путешествий.

В конце 1931 года командование ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии) обратилось в Штаб РККА в Москве с просьбой: «в связи с отсутствием в штабе ОКДВА и в ее частях достаточно опытных специалистов поручить московским военным специалистам составить военно-географическое описание Дальневосточного театра военных действий» на случай войны с Японией.

В 30-е годы японская армия, вторгшаяся в Китай, овладела всей территорией Манчжурии, создала там марионеточное «независимое» государство Манчжоу-Го и вышла на советско-китайскую границу. Обстановка там сложилась крайне напряженная. Постоянные нарушения границы, мелкие вооруженные столкновения. Героем того времени у мальчишек был пограничник Карацупа со своей немецкой овчаркой по кличке Индус.

Приказом начальника штаба РККА работа по определению границ, рекогносцировке и описанию потенциального театра военных действий была поручена Военной академии им. Фрунзе. Летом 1932 года отца включают в состав экспедиции, направляемой на Дальний Восток. Руководителем экспедиции был назначен начальник Восточного факультета академии Куцнер. Руководителями четырех рекогносцировочных партий, сформированных из слушателей академии, — преподаватель факультета Цветаев, адъютанты Богданов, Бобров и мой отец.

За летние месяцы 1932, 33 и 34 годов они на лошадях, пешком, на лодках, которые арендовали у местных жителей, обследовали,

ведя топографическую съемку местности, Хабаровский край, включая Сихотэ-Алинь, и Приморский край вплоть до Советской гавани на севере. Осенью 1932 года работа экспедиции получила самую высокую оценку. Приказом РВС (Революционного военного совета) ОКДВА за проделанную работу руководители экспедиции были награждены «ценными подарками». Отцу достался серебряный портсигар с гравировкой: «Тов. Брагинскому от РВС ОКДВА». Приказом по академии всему составу экспедиции была объявлена благодарность, руководителей наградили денежной премией по 250 рублей, слушателей — по 100 рублей. Приличные по тому времени деньги.

По итогам летнего сезона 1933 года начальником штаба РККА академии было поручено в зимний период составить черновое военно-экономическое и военно-политическое описание Дальневосточного театра военных действий с тем, чтобы летом его авторов командировать снова на 2–3 месяца на Дальний Восток «для проверки и уточнения на месте». Сдать уточненное описание поручалось к 15 сентября 1934 года.

Я с матерью в годы, когда отец был в экспедициях, летом тоже уезжал из Москвы. В памяти сохранились эпизоды двух поездок: в 1933 году в городок Оханск, где в биосферном заповеднике работала родная сестра матери Ксения Владимировна с мужем Доброхотовым Владимиром Ивановичем и дочерью Ольгой на пару лет старше меня. Там мы жили в большом бревенчатом доме за городом, который стоял среди огромного поля. При доме был большой хоздвор с навесом, где хранилось сено. Туда мы с Ольгой и ее местным приятелем прятались для игр. Запомнились два эпизода, которые и сейчас я вижу в памяти в красках. Жаркий солнечный

день. Неподалеку от дома остановилось на отдых воинское подразделение. Несколько красноармейцев в выгоревших добела гимнастерках с винтовками на ремнях подходят к дому и просят напиться. Пока взрослые выносят им холодную колодезную воду, я люблюсь солдатами и их оружием. Другой день. Тяжелые темно-фиолетовые тучи наползают на еще голубую часть неба, где пока светит солнце. В них уже поблескивают вспышки молний и глухо ворчат раскаты грома. Мы бегаем к бочке с дождевой водой и наполняем резиновые игрушки с дырочками в брюшках. У меня — носорог. Набрав воды, мчимся к дому и поливаем бревна, чтобы дом не загорелся от молнии. Как только тучи наползают на солнце — прячемся в дом, наслаждаясь безопасностью.

В 1934 году мы — в Старом Осколе. В домике на окраине. Почти каждый день, если хорошая погода, ходим на речку, на прекрасный песчаный пляж под высоким крутым песчаным обрывом. Там гнездятся сотни ласточек, непрерывно шныряющих в свои норы-гнезда с пищей для птенцов. Я самостоятельно учусь плавать. Сначала ныряю и плыву под водой. Постепенно начинаю держаться и на поверхности.

Биографии деда и бабушки по материнской линии я знаю еще хуже, чем биографию бабушки по отцовской линии. В то наше смутное и неблагополучное время, в случае если у тебя не было железного пролетарского происхождения, люди предпочитали не углубляться в исследование своего генеалогического древа. Не дай Бог среди предков обнаружить какие-то чуждые социальные или национальные элементы. Надо будет вносить их в подробнейшие анкеты того времени и тем, возможно, поставить крест на своих жизненных устремлениях и планах.

Так что о своем втором деде я знаю только то, что Владимир Шульман, судя по фамилии и занимаемой им до революции должности — инспектора учебных заведений Самарской губернии (он умер в 1921 году), был из обрусевших немцев Поволжья. Бабушка — Вера Арсентьевна Местертон была учительницей и происходила из семьи мелкопоместных ирландских дворян, в незапамятные времена перебравшихся в Россию «на ловлю счастья и чинов». Она умерла в 1936 году. С ней мне также не довелось пообщаться. Несмотря на столь большое смешение различной крови, в церковной книге приходской самарской церкви, к которой принадлежала семья моей матери, все они были записаны русскими православными мещанами.

Достоверность этой информации мне подтвердил сотрудник КГБ, офицер особого отдела моей воинской части в 1953 или 54 году. В сильном подпитии на одной из вечеринок, он, сидя рядом со мной, разоткровенничался: «Евреев я не люблю, — дышал перегаром он мне на ухо. — Но ты к ним не относишься. Ведь мать у тебя русская, православная. Мы все проверили».

Много новых и важных событий принес в нашу жизнь 1935 год. В апреле отца перевели на работу в элитное Разведывательное управление РККА. Возможно поэтому мы с матерью впервые летом поехали в военный санаторий под Одессу. Там я первый раз увидел море и влюбился в него.

В 1942 году даже пытался поступить в военно-морскую спецшколу, но не прошел медкомиссию по зрению.

Санаторий был переполнен и нас вместе с еще несколькими женами комсостава и их детьми поместили на длинной веранде главного корпуса, завешанной полосатыми парусиновыми полотнами. Каждому досталась железная солдатская койка и тумбочка.

Для меня этого было вполне достаточно. Там я только спал. Санаторий стоял посреди большого заросшего парка, где было множество уединенных уголков, спрятавшись в которых можно было воображать себя индейцем в зарослях или пограничником в за-саде... Но главным было море. К счастью, мать ни в коей мере не ограничивала мою свободу передвижения. Я сам, когда хотел, спу-скался к морю. Слева от спуска тянулся «культурный» пляж, совер-шенно меня не интересовавший. Я уходил направо, в живописное нагромождение скал на берегу и в море. Бродить между ними по мелководью в озерцах, лагунах и проливах с песчаным дном, кое-где пускаясь вплавь, наблюдать за жизнью мелких морских обита-телей — что могло быть интереснее?

Примерно в середине нашего пребывания на территории са-натория произошел оползень. Вначале на площадке перед глав-ным корпусом на пути к морю появилась трещина, которую легко можно было перепрыгивать. Потом часть площадки за трещиной начала опускаться. Вызванные специалисты ежедневно следили за процессом — нет ли угрозы главному корпусу. Эта часть пло-щадки сползла вниз метров на 10. Морское дно, наоборот, взду-лось, обнажив целые холмы поддонных пород из глины синего цвета. Чтобы наблюдать за оползнем, специалисты закрепили на обрыве веревочные лестницы. Ими я втайне пользовался, что-бы спускаться к морю и обследовать мое любимое место между скал. Новый рельеф дна застал врасплох прибрежных морских обитателей. Многие из них оказались в ловушках, отрезанными

от выхода в открытое море. Тех, кто давался в руки, я относил на чистую воду.

К концу нашего пребывания в санаторий на несколько дней приехал отец. По этому случаю мне было разрешено ложиться спать позже. Вечерами я в тени за пределами освещенного круга наблюдал за танцами взрослых под патефон. До сих пор помню мелодию и даже все слова постоянно повторявшейся танцевальной песенки «Марфуша».

Перед отъездом в Москву мы на несколько дней остановились в Одессе, в старинной гостинице «Лондонская» на Приморском бульваре. В один из этих дней, гуляя по бульвару, отец остановился около мальчишки-чистильщика. Доведа сапоги до блеска, пацан предложил дополнительную услугу, «чтобы пыл не садился». «Давай», — согласился отец. Плюнув на носки сапог и растерев плевков щетками, мальчишка протянул грязную ладошку за дополнительной мздой. Рассмеявшись, отец дал ему пару папирос из своего наградного серебряного портсигара.

ВМоскве в тот год мне предстояло поступать в школу. Меня записали в школу № 32 имени П. Н. Лепешинского — одну из двух опытно-показательных школ Москвы. Школьный двор, как я уже писал, примыкал к забору нашего двора. Но чтобы попасть в него, надо было выйти из Савеловского переулка на Остоженку, повернуть направо, пройти один квартал до 2-го Обыденского переулка, пройти по нему до уровня нашего дома, где напротив действующей церкви находились ворота школы. 32-я школа пользовалась в Москве большой популярностью среди советской элиты. В ней, например, учились все сыновья А. Микояна. Самый младший — Алеша — в параллельном 1-м «А» классе. Там же учился родствен-

ник Л. Кагановича и великого баса Большого театра А. Пирогова. В моем 1-м «Б» учились: Склянка, бойкая девчонка, не дававшая спуска мальчишкам класса. Она была внучкой бывшего в период Гражданской войны и в первые годы советской власти первого заместителя председателя Реввоенсовета республики Э. Склянского (председателем был Л. Троцкий); родственник известной тогда революционерки и советской общественной деятельницы по фамилии Сталь, Джон Рид Сванидзе — сын брата первой жены Сталина Екатерины Сванидзе — мальчик трагической судьбы.

Его родителей арестовали в 1938 году, и они сгинули без вести. Вряд ли кто-нибудь решился бы на арест родственников любимой первой жены Сталина без его на то приказа. Джона тогда не тронули. По звериному сталинскому закону детей «врагов народа» разрешалось арестовывать с 14 лет. Джона приютила его няня, Лидия Трофимовна. В то время мы с ним дружили, и я несколько раз навещал его в маленькой квартирке няни в доме, на месте которого теперь высится здание магазина «Детский мир». Арест родителей сильно повлиял на его психику. Он все время боялся, что за ним тоже вот-вот «придут». Пришли за ним в 1943-м, когда ему исполнилось 15 лет. Поместили в тюремную психиатрическую больницу в Казани. В 1948 году выслали в Казахстан работать на медные рудники. После смерти Сталина он вернулся в Москву, окончил Институт стран Азии и Африки, защитил кандидатскую. Тяжелая психическая травма вылилась в шизофрению, от которой он и умер еще молодым.

Помимо детей знаменитостей в школу принимали и детей жителей микрорайона из так называемых «простых» семей. Но никакой дискриминации не существовало. Нас воспитывали в духе «равенства и братства», независимо ни от социального, ни материального

положения родителей, ни от национальности. В нашем классе учился настоящий интернационал: Вовка Быков, самый сильный парень в классе, как и большинство учеников, был русским. Общеизвестным самым умным — Левка Фейгин и еще три-четыре человека — евреями. Галя Стражевская — украинкой, Рина Межебовская — полькой, Джон Сванидзе — грузином, самая красивая девочка в классе Ира Хабахпашева — осетинкой. Но это я сейчас могу определить их национальность. Тогда же, в годы учебы, этого вопроса для нас просто не существовало. Впервые я столкнулся с национальным вопросом только во время эвакуации в Самарской области.

Первый школьный день. Я уже сижу за партой. Дверь в класс открывается и входит мой приятель по прогулочной группе Сашка Пищик. Прогулочные группы в 30-е годы были в моде у московской интеллигенции как замена дефицитным детским садам. Их организовывали, как правило, бывшие гимназические учительницы или гувернантки. Наша руководительница была пожилой немкой. Нас приводили в ее квартиру на Пречистенке утром. Она читала нам сказки, разучивала немецкие песенки, водила на прогулку, кормила обедом. Окна ее квартиры выходили на старинный особняк на противоположной стороне Пречистенки. По-моему, это был нынешний Дом ученых. Тогда я был уверен, что именно в этом особняке жил стойкий оловянный солдатик и его балерина из сказки Андерсена.

Сашка сел на свободное место за мою парту. С тех пор это был мой самый верный и преданный друг до самой своей преждевременной смерти в 1952 году от саркомы. А я даже не смог его проводить в последний путь, так как в это время служил в удаленном

провинциальном гарнизоне на окраине тогда захолустной, а ныне прославившейся на всю Россию станицы Куцевская.

Прозвенел первый звонок, и учительница раздала нам буквари. Я уже свободно читал и, открыв букварь, углубился в его чтение, совершенно забыв, где я нахожусь. И очнулся только от окрика «училки». Вообще с учительницей начальных классов 1-му «Б», в который я попал, не повезло. Елизавета Николаевна явно не входила в число отборных учителей 32-й школы. Педагогического опыта ей очевидно не хватало. Класс делился на любимчиков и отверженных, к числу последних относился я. За четыре года начальной школы я претерпел от нее немало несправедливостей и обид. Но все это компенсировалось общей атмосферой школы и великолепной внеклассной работой, которую вел родительский комитет. Его возглавляла жена Анастаса Микояна Ашхен — милейшая, скромная женщина, которая, однако, использовала свое положение при организации различных школьных мероприятий.

Например, во время организуемых ею для наших классов загородных экскурсий по Подмосквовью, никто из родителей, у которых имелись служебные машины, не мог отказать ей в просьбе предоставить их для наших поездок. На школьные вечера к нам приходили герои Гражданской войны, в том числе, однажды, легендарная Анка-пулеметчица, прославленная фильмом «Чапаев». Бывал у нас со своими рассказами знаменитый полярный летчик Водопьянов. Пел Пирогов и выступали другие известные артисты.

Во время службы в Разведуправлении отца по утрам у подъезда ждала машина. Я подружился с его шофером — симпатичным молодым парнем. Чтобы посидеть с ним в машине, пока выйдет отец, я старался выйти в школу пораньше. Шофер развлекал меня

тем, что каждый день подкладывал под освещение приборной доски различного цвета прозрачный пластик, чем вызывал мой восторг и удивление. Иногда он подвозил меня в школу, но только до угла Обыденского переулка. К школе никого из учеников, независимо от положения родителей, на машинах никогда не подвозили.

В конце 1935 года в армии были введены новые воинские звания. Отцу вместо звания комдива, присвоили звание полковника, понизив сразу на два звания. С начала 1936 года вместо двух ромбов в петлице с черным кантом он носил вначале три, а затем, с введением звания «подполковник», четыре шпалы в малиновой петлице с золотым кантом, означавшим «командный состав».

В Разведывательном управлении отец прослужил до мая 1937 года. В мае репрессии, которые Сталин обрушил на комсостав РККА, докатились до РУ. Практически весь офицерский состав управления был арестован. Отца сняли с должности, и четыре месяца он находился «в распоряжении Управления по начсоставу РККА». Все это время его судьба висела на волоске. Как мы узнали позже, на него тоже был написан донос одним из сотрудников управления. Однако сочетание трех факторов спасло его от судьбы большинства офицеров управления. Во-первых, как беспартийный он не составлял конкуренции на карьерной лестнице. Во-вторых, никого не могла заинтересовать наша 13-метровая полутемная комнатуха в коммуналке. Часто именно хорошая квартира служила причиной репрессий, так как поступала в распоряжение палачей из НКВД, как и имущество арестованных, которого у нас не было. В-третьих, уж слишком абсурдным было обвинение в доносе: «...не верит в справедливость ареста и суда над троцкистскими изменниками Родины, заявляя, что невозможно себе представить, что «люди могут прийти до такой низости». Да и дед использовал

свои революционные связи, чтобы помочь отцу. Видимо поэтому после четырехмесячного разбирательства его назначили с понижением преподавателем тактики, но не в академию им. Фрунзе в Москве, а на Высшие курсы комсостава «Выстрел» в город Солнечногорск.

По малолетству все эти тревобления скользили мимо меня, и моя жизнь шла обычной чередой. Более того, летние месяцы 1936, 37, 38 и 39 годов были, пожалуй, самыми радостными в моей жизни. Все эти годы мы с матерью на лето выезжали в Крым. В Судаке снимали комнату с пансионом в домике семьи латышей по фамилии Рымша. Дом стоял у дороги, ведущей к морю, минутах в 15 ходьбы от пляжа. Дворик дома, огороженный вместо забора кустарником, в котором бродили куры, жил черный беспородный пес по кличке Пират и кошка с выводком котят, выходил к обрыву, под которым лежала Айсавская долина. Она принадлежала местному колхозу, и вход туда посторонним был запрещен. Мать, однако, сумела договориться с сельсоветом о пропуске при условии, что я не буду рвать фрукты и виноград. Мне было разрешено, без ограничений, лакомиться только ягодами «шелковицы» (тутового дерева).

По утрам мы ходили на море. Пыльная дорога шла туда мимо колхозного конного двора и заканчивалась метров за 200 от моря платановой аллеей. Кроны вековых платанов, смыкаясь наверху, образовывали зеленый тенистый тоннель. На стволах деревьев жили десятки цикад, спящих днем и устраивавших концерты своим стрекотанием по вечерам. Аллея выводила на золотистый песчаный пляж.

Направо начинался огороженный забором пляж санатория летчиков. Налево шел «дикий» пляж, где располагались неорганизованные отдыхающие. Их было очень мало, и пляж был совершенно

свободен. Для матери я втыкал в песок несколько веток, на которых натягивали простынку для тени. В отличие от Одессы, в Судаке мать следила за моим режимом купания и вообще режимом дня. Правда, находиться на солнце сколько угодно мне не возбранялось. Все лето я ходил в одних трусах и босиком. Через десяток дней подошвы грубели настолько, что обувь была уже вообще не нужна. Только голову мать требовала прикрывать — первый год детской белой панамкой, потом моей любимой соломенной тюбетейкой. На пляже я периодически смачивал волосы водой.

Дно судакской бухты тоже было песчаным. А вдоль кромки воды тянулась полоса обточенных морским прибоем разноцветных блестящих камушков, стекляшек, мелких ракушек, которые я собирал. Но высохнув, камушки и стекляшки теряли блеск. По совету «знатоков» я принялся полировать их, складывая в тряпочку, и после долгого трения они снова становились блестящими. Я уже хорошо плавал и, получив разрешение на купание, заплывал подальше от берега, где нырял и кувыркался, потом ложился на спину и отдыхал на поверхности плотной морской воды, как на кровати. Поближе к берегу я опять нырял и собирал на дне рачков-отшельников. И очень любил с открытыми глазами ходить по дну, держа в руках тяжелый камень, раздвигая сине-зеленые, пронизанные золотистыми солнечными полосами водяные «занавески».

На берегу, потеряв воду в своих ракушках, рачки-отшельники покидали их, и я отправлял их обратно в море, надеясь, что они снова нарастят себе домик-ракушку или заползут в пустую. Из опустевших ракушек с помощью матери изготавливались ожерелья, которые я дарил женщинам. В первый год это были снимавшая вторую комнату в доме Рымши моложавая мать с 16-летней дочерью и ее подругой. К обеду мы возвращались домой, посидев минут пятнадцать

на скамейке в платановой аллее. После обеда был обязательный часовой отдых в постели.

Потом я отправлялся в Айсавскую долину. Недалеко от спуска из нашего дома находился заросший всяческой зеленью небольшой пруд. В нем жила масса лягушек, закатывавших каждый вечер свои лягушачьи концерты. Когда я подходил к пруду и усаживался на берегу, они ныряли в зеленую воду. Через некоторое время любопытство брало верх, и они выглядывали посмотреть, что же происходит. По поверхности пруда носились водомерки и еще какая-то водяная живность. Над водой висели, трепеща крылышками, разноцветные стрекозы в ожидании зазевавшейся мошки. Зачерпнув воды в стеклянную банку, можно было выловить несколько головастиков, отнести их домой и следить, как они превращаются в лягушат. Лягушат я потом относил обратно в пруд.

Часть долины до берега протекавшей по ней речки не была культивирована. Я часами бродил в диких зарослях. Позже, не помню кто, изготовил мне большой марлевый сачок и я начал ловить бабочек для школьной коллекции. Их в долине было несметное множество. Причем не только обычных капустниц и крапивниц, но и неизвестных мне разноцветных красавиц. Долго время я охотился за большим великолепным махаоном с крылышками светло-бежевого цвета, расписанными голубыми узорами. В конце концов и он занял свое место в моей коллекции. Коллекцию бабочек дополнила коллекция стрекоз и жуков. Должен признаться, что коллекцию бабочек в школу я не отдал. Слишком красивой она была. Собирал в долине я и гербарий субтропических растений. Его получила биологичка Мария Ивановна.

Другим развлечением был прокат велосипедов в санатории летчиков. Я быстро освоил велосипед и носился по санаторному парку.

Однажды, заложив слишком крутой вираж, я вместе с велосипедом лег на скорости на песчаную дорожку и ободрал себе весь левый бок. В медпункте санатория мне оказали первую помощь и отправили в сельскую больницу на противостолбнячный укол. Но уже через пару дней я снова сел на велосипед. Походы в развалины древней генуэзской крепости, которая стояла у моря на высоком холме, господствуя над прибрежным районом Судака, тоже входили в число развлечений. Дальше по берегу располагались аккуратные домики немецкой колонии. С правой стороны судакскую бухту замыкали скалы «Нового света» — бывшего имения князей Голицыных, родоначальников русского шампанского. Однажды мы съездили туда на экскурсию. В скалах были вырублены длинные тоннели, в которых в огромных дубовых бочках вызревало вино. Чтобы попасть туда, надо было пройти по узкой каменистой тропе вокруг скалы над морем.

— Да, с детьми тут будет трудно, — прокомментировал один из мужчин.

— Еще неизвестно, кому будет легче, — не выдержал я, босиком и на четвереньках обгоняя по склону скалы балансирующих на тропе взрослых экскурсантов.

Комментариев вслед мне я не услышал. Все озабоченно смотрели себе под ноги.

По вечерам девушки — соседки по дому Рымши — брали меня с собой на прогулку по мощеной плиткой дорожке вдоль Айсавской долины, которая вела к татарскому поселку. В отсутствие наружного освещения в прозрачном воздухе ничто не мешало любоваться черным южным небом, усеянным мириадами звезд. Мои спутницы перемежали рассказы «страшных» историй показом мне различных созвездий. Пару раз в неделю им разрешалось ходить в кинотеатр

на открытом воздухе в санаторий летчиков. Не знаю, по требованию ли матери, или по своей инициативе, они всегда брали с собой меня. Садилась девчата на крайние у прохода места, а с другой стороны сажали меня, чем эффективно лишали мужчин возможности подсесть к ним.

Следующие два года вторую комнату в доме Римши снимали мать с сыном — родственники известного русского путешественника Грум-Гржимайло. Парень Грум был на два-три года старше меня, но в первый год мы отлично с ним ладили. К середине лета 1937 года к Грумам приехал на некоторое время погостить немолодой, но очень активный мужчина. Он водил нас на экскурсии по окрестностям Судака, изготовил для нас фанерные щиты, раскрашенные на пиратскую тематику, и деревянные мечи. Метательные дротики из стеблей камыша я нарезал на берегах речки, протекавшей по Айсавской долине. Нашему примеру последовали окрестные мальчишки, с которыми происходили рукопашные сражения. Он также научил нас с Грумом вырезать из древесной коры кораблики. В их корпус в качестве мачт втыкались швейные иглы. Парусное оснащение двух-, трех- и четырехмачтовых кораблей изготовлялось из бумаги или из белых тряпочек. В левой оконечности пляжа в море впадала айсавская речка, разливавшаяся по пляжу широкой дельтой. В ее протоках мы запускали наши флотилии.

Дальше, за речкой судакскую бухту замыкал Алчак — большая гора, вокруг которой шла узкая пешеходная тропа. Накупавшись, я, как правило, уходил по этой тропе на мыс Алчака, где в море была россыпь скал, когда-то рухнувших с горы, как под Одессой, но гораздо более грандиозная. Сойдя с тропы, я углублялся в этот лабиринт из огромных и мелких скал, перелезая и переплывая между которыми можно было дойти до открытого моря. Морские волны постоянно

забегали в промежутки между скалами, образуя озера, лагуны, протоки и гроты. Мир морских обитателей этого лабиринта был значительно богаче одесского. Там были даже сравнительно крупные черноморские бычки, которых можно было ловить на крючок с наживкой из мелких креветок, кишевших там же. Часто я сам ел креветок, ловя их руками и сняв мягкие панцири. Между камнями ютились разнообразные крабы. От мелких, только что народившихся, до крупных, угрожающе выставявших мощные клешни. Поймать такого можно было сзади, схватив за панцирь с противоположной от клешней стороны. Выбрав укромный уголок, я проводил в глубине Алчака даже больше времени, чем на пляже.

На следующее лето, 1938 года, с нами поехала в Судак моя двоюродная сестра Олеся Доброхотова. С Грумом они быстро составили собственную компанию, в которую не только не приняли меня, но и нагло третировали как малолетку. Меня, однако, это мало огорчало. Моей компанией было море, Алчак и Айсавская долина, которых мне хватало за глаза.

В 1938 году умерла бабушка. Чтобы объединиться с дедом, мы сдали свою комнатуху на Остоженке, переименованной в 1935-м в Метростроевскую, так как под ней прошла первая линия метро от «Парка культуры» до «Сокольников». Один из наших соседей по коммуналке работал в метро на станции «Кропоткинская». Из уважения к отцу он пригласил его на пробные испытания метрополитена. Отец взял и меня. Так что мы были одними из первых пассажиров подземки.

Дед, со своей стороны, чтобы не жить одному, сдал свои две комнаты в четырехкомнатной квартире в десятом подъезде «Дома на набережной». Взамен нам предоставили большую четырехкомнат-

ную квартиру на седьмом этаже в восьмом подъезде. В нее мы съехались с дедом.

В середине 30-х годов в этом доме было много свободных квартир. По данным нынешнего общества «Мемориал», не менее 30% жильцов этого дома в годы «большого террора» подверглось арестам. Жены этих «врагов народа» и их дети старше 14 лет тоже шли в тюрьмы или ссылки. Детей младшего возраста отправляли в детские дома. Лишь немногие, которые трезво оценивали ситуацию, успевали, бросив все, бежать из Москвы, стараясь затеряться на просторах СССР и избежать репрессий. Некоторым это удавалось.

В новой квартире нам с матерью выделили в конце длинного коридора большую, метров 18–20 комнату с балконом, который выходил на внутренний двор с видом на стрелку Москвы-реки.

Там, на стрелке, теперь стоит церетелевский монстр — «Петр Первый», переделанный Церетели из монумента Колумбу, который испанцы с «благодарностью» отказались принять от него в дар. Теперь, похоже, он сумел впарить Колумба пуэртиканцам.

Квартира была обставлена самой необходимой и самого простого дизайна казенной мебелью. Так что из старого жилья мы перевезли только самые «ценные» предметы обстановки. В нашу с матерью комнату встали ее роскошная кровать и трельяж. Отец занял соседнюю с нами 9-метровую комнатку, где все было казенное, в том числе кушетка для сна, кроме письменного стола еще из Академии им. Фрунзе. В ней отец практически только спал, да и то редко. Ездить в Москву ежедневно из Солнечногорска было невозможно. Я видел его только по воскресеньям. В этот день он традиционно водил меня в кино. На дневных сеансах было свободно,

но отец все равно предпочитал покупать билеты в ложу, где мы всегда сидели только вдвоем. Я очень любил смотреть на центральную люстру кинозала, ожидая, когда ее свет начнет медленно-медленно меркнуть. Это настраивало меня на терпеливое ожидание, когда в момент полного выключения света тут же вспыхивал экран с обязательным киножурналом «Новости дня». Сам журнал меня совершенно не интересовал с его заседаниями то партийных, то советских органов власти и с неизменными гонками тракторов и комбайнов по колхозным полям. Но он тоже был подготовкой к главному удовольствию — художественному фильму. Зимой по воскресеньям мы с отцом спускались на лед Москвы-реки и шли на лыжах до Парка культуры и обратно. В те времена река замерзала на всю зиму.

Для деда была выделена 12-метровая спальня у входа в квартиру. Там тоже было все казенное, в том числе никелированная кровать с панцирной сеткой. Здесь же он поставил стеллажи со своими книгами. Огромный старинный письменный стол с конторкой и кожаное кресло, а также книжные полки с оставшейся частью своей политической библиотеки он разместил в самой большой квадратной 25-метровой комнате углом к одному из двух окон, выходивших во двор. Она служила одновременно столовой. Там же встали наш знаменитый буфет и пианино. Обеденный стол, стулья и большая тахта были казенные. На деревянном изголовье тахты стоял телефон. На балконе — большая антенна для «ЭЧС-2».

Дед, в то время уже персональный пенсионер, с пенсией в размере 15 рублей (зарплата отца была, насколько мне помнится, где-то в районе 800 руб.) продолжал работать научным сотрудником в литературном музее Л. Н. Толстого на Кропоткинской (теперь ей возвратили старое название Пречистенка).

Справа от входной двери в небольшом коридорчике были входы на кухню, размером не менее 15 метров с газовой плитой, в ванную комнату и туалет. Металлическая дверь в углу кухни вела в шахту грузового лифта. Ежедневно лифтер поднимался по кухням подъезда и через люк в двери лифта собирал мусор, который выбрасывали в ведро, стоявшее в специальном выступе двери. Отделив свою лежанку от помещения кухни занавеской, устроилась наша домработница Маша.

Вообще здесь была совершенно иная, чем на Остоженке жизнь. При доме имелась прачечная, куда жильцам давались пропуска для сдачи белья в стирку, глажку и даже для накрахмаливания. На крыше был детский сад. Во дворе, в тылу детского кинотеатра — столовая для старых большевиков.

При Хрущеве ее переделали в столовую для партийной и советской номенклатуры. Номенклатурные бонзы, правда, не хлебали там щи и не жевали котлеты. В обеденное время двор перед столовой заполняли черные «Волги», «Зилы» и «Чайки». Жены и домработницы получали в алюминиевых судках обед из трех блюд, а также различные дефицитные продукты в счет завтрака и ужина. За издевательски мизерную плату этого пайка, как говорила одна из знакомых посетительниц этого заведения в конце 50-х – начале 60-х годов, хватало на всю семью и не на один день.

При доме построили также гастроном общего пользования. Помню, как в 40-х на прилавках и в витринах громоздились пирамиды банок ныне дефицитных камчатских крабов, под стеклом прилавков стояли килограммовые банки черной и красной икры. На втором этаже, над гастрономом, была парикмахерская,

на третьем — промтоварный магазин (в 30-е годы с довольно убогим по нынешним временам ассортиментом и по количеству и по качеству товаров). Замыкал комплекс «Дома правительства» один из лучших в то время кинотеатр «Ударник».

Весной 1939 года мы сдавали экзамены за начальную школу. Экзамены я сдал на отлично, но похвальной грамоты не получил, потому, что схватил тройку по поведению за драку с Толькой Казаковым. Сначала он, не помню за что, подговорил двух своих приятелей отлупить меня. Потом я, подловив его одного в школьном дворе, отлупцевал его. Так как бывшие меня ребята были не из нашей школы, Толька остался как бы в стороне. А мне Елизавета, по-моему, с большим удовольствием на прощание вклеила эту тройку. На домашнем совете мои действия были признаны правомерными, а тройка несправедливой, так что санкций за нее не последовало. Расстался я со своей первой учительницей без сожаления.

Лето я в последний раз провел в Судаке. Осенью наш теперь уже 5-й «Б» класс переместили для занятий на второй этаж, в среднюю школу. Здесь нас приняли учителя–предметники, гораздо более квалифицированные и грамотные, чем Елизавета Николаевна.

Новой привилегией стало право пользования школьным буфетом. В начальной школе мы приносили завтраки из дома и, организовано сидя за партами во время большой перемены, съедали их. Теперь можно было продолжать делать так же или ходить в буфет. С посещением буфета связан забавный случай, ставший школьной легендой. В нашем классе учился Радюкин, по прозвищу Радила. Он всегда первым срывался с места со звонком на большую перемену и мчался в буфет. В тот день, замешкавшись, он прибежал когда уже выстроилась очередь. Работая локтями, он вклинился в самую голо-

ву очереди. И тут раздался звонкий девичий вопль: «Мариванна!!! Радила без очереди!!!». Несколько секунд гробовой тишины взорвались громовым хохотом всего буфета. Мария Ивановна — учительница биологии — дежурившая по буфету, смеясь вместе с нами, за шиворот выволокла Радюкина из первых рядов очереди и отправила в самый хвост.

Но главной удачей, как мы поняли позднее, стало назначение нам классного руководителя. Наш 5-й «Б», в отличие от 5-го «А», считался трудным и буйным классом. Очевидно поэтому классным руководителем к нам назначили учителя физкультуры, бывшего офицера царской армии Тихона Николаевича Красовского. Несмотря на внешнюю суровость, твердость характера и приверженность воинской дисциплине, он очень любил детей, которых у них с женой не было. Он находился в школе с утра до вечера, а по воскресеньям весной и осенью водил нас в пешие, а зимой — в лыжные походы.

Начало учебного года в средней школе совпало с началом Второй мировой войны. 1 сентября Германия напала на Польшу. 3 сентября войну Германии объявили Англия и Франция. На Западном фронте началась так называемая «странная война»: германские и англо-французские войска стояли на границе против друг друга и играли в футбол. 17 сентября Красная армия начала так называемый «освободительный поход» в Западную Белоруссию и Западную Украину навстречу германским войскам. Польша подверглась очередному разделу.

В СССР еще более усилилась милитаризация страны. В соответствии с общим трендом усилилась и военизация школы. Тихон Николаевич (Т. Н.) параллельно с пионерской организацией построил в нашем классе организацию по военному образцу. Пионерское

звено получило параллельное название — отделение. Звеньевой — стал одновременно командиром отделения и носил на левом рукаве одну красную лычку. Отряд — стал взводом, а староста класса — командиром взвода с тремя красными лычками на рукаве. Помощник комвзвода носил две лычки, как и политрук, который готовил и каждое утро проводил политинформацию. Командный состав взвода периодически менялся.

В школе ввели программу подготовки к ПВХО (Противовоздушной и химической обороне), по которой нас обучали пользованию противогазом, правильному укладыванию его в сумку с тем, чтобы по команде «газы» быстро надеть его в зачетные секунды. Учили нас и пользованию огнетушителем, тушению зажигательных бомб и других очагов пожара, которые устраивали в ящике с песком. Изучали азбуку Морзе и передачу сообщений с помощью флажков. По другой военизированной программе БГСО (Будь готов к санитарной обороне) мы тренировались выносить раненых с поля боя, оказывать первую помощь, бинтовать раны и прочее. Официально участие в этих программах было добровольным. Но Т. Н. организовывал их столь интересно, что участие было почти поголовным. Кроме того, сдавшим зачеты, выдавались красивые значки на цепочках, которые мы с гордостью цепляли на грудь. Для подготовки к сдаче нормативов БГТО (Будь готов к труду и обороне) Т. Н. в дополнение к урокам физкультуры два раза в неделю вел спортивный кружок, а также секцию плавания в бассейне стадиона «Труд». В подвале школы он оборудовал стрелковый тир, в котором под замком хранились духовые винтовки и запас свинцовых пуль. В стрелковый кружок записались почти все мальчишки школы. Особенно любили мы «дуэльные» стрельбы: две команды по три стрелка выстраивались на исходном рубеже у входа в тир. По команде надо было быстрее добежать до стрелкового рубежа,

где уже лежали винтовки, зарядить оружие и стрелять не в свою мишень, а в мишень противника из другой команды. За каждым стрелком садился контролер, и когда твоя мишень падала под выстрелом противника — закрывал тебе глаза ладонью: убит. Побеждала та команда, у которой оставались несбитые мишени.

Навыки стрельбы, полученные в школьном кружке, весьма пригодились мне во время службы в армии. Будучи командиром взвода в 50-х годах, как лучший стрелок, я пристреливал все стрелковое оружие нашего батальона.

Еще один кружок — фото — вел лаборант физико-химической лаборатории. Я, конечно, записался во все четыре: спортивный, плавания, стрелковый и фото. На очередной день рождения родители подарили мне фотоаппарат «Фотокор», снимавший на стеклянные пластинки размером 9х12. В нашей с матерью комнате был большой стенной шкаф. Так как вещей в те времена у «среднего класса» было мало, шкаф был почти пустой. Вещи переместились в другое место, а в шкаф я оборудовал фотолабораторию. Провел свет, поставил столик и стул.

Этим шкафом-лабораторий я пользовался и после войны, вернувшись из Германии с фотоаппаратом «Цейс». Там я тогда отпечатал массу фотографий с негативов, привезенных отцом из экспедиций на Дальний Восток. По недомыслию я не предполагал, что эти материалы будут через десятки лет представлять большую ценность, как и его дневники. Дневники сохранились, а негативы и фотографии куда-то пропали после моих многочисленных переездов к великому огорчению двух милых женщин — архивариусов Центрального военного архива.

После окончания уроков я мчался домой, наскоро обедал и опять бежал в школу. Времени на гуляние во дворе дома не оставалось. Поэтому я так и не завел себе ни знакомых, ни друзей среди ребят «Дома на набережной».

Из школы домой мы часто ходили вместе с Алешей Микояном. Нам было по пути до Боровицкой площади. Дальше Алеша направлялся через площадь к Боровицким воротам Кремля, где он жил с родителями, а я шел через новый Большой Каменный мост. Старый Каменный мост снесли после постройки канала Москва–Волга, чтобы он не мешал судоходству. Когда я особенно спешил домой, то подходил к трамвайной линии, которая тогда заворачивала с Волхонки на Боровицкую площадь, и на ходу прыгал на подножку последнего вагона. Переехав мост, соскакивал, тоже на ходу, напротив дома. В те времена машин на улицах Москвы были единицы, так что прыжки эти были сравнительно безопасны. Но дома, конечно, об этих прыжках не знали.

Свободное время, если оно иногда оставалось, я посвящал своей любимой игре. Настоящих детских игрушек, кроме игрушечного пистолета, к которому мне иногда покупали пистоны для стрельбы, у меня не было. Их мне заменяли гильзы от малокалиберной винтовки, которые отец привозил со стрельбища из Солнечногорска. Их набралось у меня три коробки. Одна — с латунными гильзами золотистого цвета, другая — с медно-красными, третья — с серебристыми алюминиевыми. Они служили мне солдатиками. К тому времени я уже начитался книжек по военному искусству древних греков и римлян и строил из своих солдат греческие фаланги или римские когорты, сражавшиеся с неорганизованными толпами персов, германцев или галлов. У меня были разработаны строгие правила сражений. Войска передвигались путем перестановки

последнего ряда впереди первого. Так что, например, когорты, состоявшие из нескольких рядов, двигались и маневрировали быстрее фаланги, имевшей меньшую глубину построения.

Когда войска сближались на бросок копья или дротика, в ход шло это оружие, изготовленное из конфетной фольги, которое я метал за обе воюющие стороны. Количество бросков зависело от численности столкнувшихся формирований. Старался я соизмерять и силу бросков. Упавшего от попадания копья воина заменял другой из следующего ряда. Когда войска сходились врукопашную, в ход шел меч, тоже из конфетной фольги. Держа его двумя пальцами, я наносил поочередно удары по головам противников, тоже стараясь соизмерять силу удара. Количество ударов каждой стороны зависело от строя и маневрирования. Например, врезавшаяся в неорганизованную толпу германцев римская когорта имела преимущество в числе ударов, так как удары мечами могли наносить все четыре стороны римского строя, и оказывавшиеся в глубине разрезанной когорты толпы германцы, стиснутые своими же воинами, оставались вне сражения, как и описывалось в книгах. По большей части я не успевал завершать сражения за остававшееся свободным время. Тогда боевые порядки оставались стоять на моем игровом столе до следующего дня. И никто из домашних не смел к ним прикасаться.

После того как я прочитал о бое греческого флота с персидским при Саламине, мне взбрело в голову устроить морское сражение бумажных корабликов с применением «греческого огня». В качестве «греческого огня» выступили зажженные спички. Бумажные кораблики живописно горели на паркете. Бой закончился, как и полагалось, победой греков. И тут я с ужасом обнаружил черные следы на полу. Попытки стереть и смыть их оказались безуспешными, и мне здорово влетело от родителей. На морские бои был наложен

запрет. Но я нашел выход. Сражения были перенесены на кафельный пол в ванной комнате. Желтые пятна от сгоревших кораблей легко удалялись мокрой губкой.

Наступила зима, а с ней и пора лыжных походов. Ночью перед первым выходом я от волнения и нетерпеливого ожидания вообще не смог заснуть. Из дому приходилось выходить еще затемно, чтобы добраться до Рижского вокзала, когда уже светало. На платформе Т. Н. пересчитывал пришедших. В походы шли желающие из всех классов, от 5-го до 10-го. Стартовым пунктом походов служила станция Опалиха. По окрестным лесам, полям и холмам Т. Н. разработал целую сеть маршрутов различной протяженности и сложности. На платформе Опалиха он снова выстраивал участников и формировал два отряда: из учеников восьмого–десятого классов и пятого–седьмого. Руководителю первого отряда — доверенному и хорошо подготовленному десятикласснику — вручалась схема маршрута с указанием графика движения по времени, контрольных точек, на которых следовало оставить метки и контрольное время возвращения в Опалиху. Сам он становился во главе младшего отряда. Замыкающим у нас был безгранично ему преданный десятиклассник Кирилл Поярков. Он был единственным, у кого были настоящие финские беговые лыжи и настоящие финские лыжные ботинки — «пъексы» — предмет всеобщей зависти. У остальных лыжное снаряжение было весьма примитивным: деревянные, скорее похожие на простые доски лыжи; никаких специальных креплений; вместо них в платформу для ног продевался толстый круглый ремень, который регулировался по ширине носка валенка (лыжных ботинок ни у кого не было) сыromятными ремешками; креплениями служили клистирные трубки. Но это не мешало получать огромное удовольствие от бега по лесам и долам. С каждым воскресеньем

Т. Н. увеличивал протяженность и сложность маршрута и, начав с 5 километров, к концу зимы мы уже проходили до 10-ти.

С собой было приказано брать на спину вещевые мешки или рюкзаки, термосы с горячим сладким чаем, два кусочка рафинада для поддержания сил на маршруте и два бутерброда с вареной колбасой и сыром. И никаких изысков в виде икры, копченой колбасы или рыбы. На обратном пути разрешалось у морожениц, ходивших по вагонам, купить по одной порции мороженого. На Рижском вокзале, снова выстроив оба отряда, Т. Н. командовал: «Разойдись!».

Весной, когда почва просыхала, лыжные походы сменяли пешеходные, все по той же местности. Во время них Т. Н. обучал нас ориентированию в лесу без компаса, хождению по азимуту, определению частей света по солнцу и часам, по природным признакам. Учил основам военной топографии, съемкам местности, увеличению мелкомасштабных карт для составления крупномасштабных схем маршрутов, по которым предстояло ориентироваться при походе на местность. На окраине деревни Виледниково была построена стандартная военная полоса препятствий, которую мы учились преодолевать. Периодически Т. Н. устраивал двусторонние военные игры.

Я настолько привязался к Т. Н., что летом 1940-го отказался от поездки в свой любимый Крым, и мы сняли комнату в Виледниково, где проводил лето Т. Н., вывозя на природу свою тяжелобольную жену. Как бы в компенсацию за мое положение «отверженного» в начальной школе, я был любимым учеником Красовского. В Виледниково я продолжал общаться с ним. Во дворе дома, где мы снимали комнату, он помог мне соорудить палатку. Мы окопали противодождевой канавкой четырехугольник, вбили по его периметру колышки высотой сантиметров 30. Заплели их ветвями. Получился невысокий плетень. С двух сторон вкопали две вертикальные слегы,

на которых закрепили горизонтальную. На нее набросили большой кусок брезента, которым были укрыты вещи в грузовике во время переезда из Москвы, и натянули его над плетнем, закрепив кольшками по краям противодождовой канавки. Заднюю и переднюю стенки палатки сплели из ветвей полыни, которая в изобилии росла вокруг. Передняя стенка отодвигалась, открывая вход в палатку. Пол внутри тоже выстелили полынью, сколотили простенькие топчан и столик. В палатке я и спал и читал и играл.

Навыки ориентирования, усвоенные в весенних походах, позволяли мне без труда ориентироваться в лесу, куда я почти ежедневно ходил за ягодами или грибами или просто на прогулку. У меня даже выработалось какое-то шестое чувство ориентировки. На опушке я отмечал положение солнца и направление его перемещения в течение дня, после чего смело углублялся в лес. Когда приходило время возвращаться домой, достаточно было взглянуть куда сместилось солнце, чтобы безошибочно определить нужное направление возвращения. С этим умением я ни разу не заблудился.

Иногда, по воскресеньям, нас навещал отец. Я всегда провожал его на поезд до ближайшей к Виледниково станции Павловская слобода. После отхода поезда я шел к витрине читать газету. В первую очередь меня интересовала война на Западе и схема военных действий, которую ежедневно печатала «Правда». По молодости лет и глупости я болел за германские войска, начавшие в мае наступление в обход линии Мажино через Бельгию, и черными стрелами на схеме рассекавшие Францию. Но если мне это было простительно, то чем можно было оправдать приверженность сталинской клики к союзу с фашистской Германией, снабжавшей ее всем необходимым сырьем для войны на Западе? Ведь последний эшелон с грузом

для гитлеровцев пересек границу СССР с оккупированной немцами Польшей в ночь с 21 на 22 июня 1941 года!

На обратном пути, по дороге, которая шла через колхозные пшеничные поля, я срывал для матери васильки, обильно росшие по краям поля. Лето было жарким, и над полем постоянно висел, трепеща крылышками и распевая свою мелодию жаворонок.

В 1940 году в связи с нараставшим напряжением в международной обстановке для подготовки офицеров, владеющих иностранными языками, был создан Военный факультет иностранных языков при 2-м Московском педагогическом институте иностранных языков. Отца из Солнечногорска, наконец, перевели в Москву и назначили начальником кафедры военной подготовки Военного факультета. Иссак источник пополнения моих войск, но зато теперь отец был дома каждый день. В остальном учебный 1940/41 год шел обычным чередом. Так же работали кружки, продолжались пешие и лыжные походы, тренировки по ПВХО и БГСО, подготовка и сдача нормативов БГТО.

Учился я хорошо и легко по все предметам, кроме рисования. К нему у меня не было ни малейших способностей. Из-под моих карандашей и красок выходили только корявые уродцы. Видимо, чтобы не портить мне дневник, учительница рисования, пожилая и толстенная тетка по прозвищу Тортила, все же ставила мне четверки в четверти. Приходя в класс, Тортила плюхалась за учительский стол и сидела там, не вставая, весь урок. Пользуясь этим, я частенько отсутствовал на ее уроках, сидя под своей партой и с упоением читая там «Трех мушкетеров».

Мушкетерская эпидемия надолго захватила наш класс. Все мальчишки обзавелись длинными пятидесятисантиметровыми

линейками, на которых мы фехтовали по переменам. Однажды, вовремя боя с Борькой Мачаретом — сыном известного кинооператора, уловив момент, когда Борис якобы неосмотрительно раскрылся, я нанес ему удар в живот. «Х-х-хрясь» — моя линейка разлетелась на куски, и я тут же получил «смертельный» укол в грудь. Хитрован Борька изобрел «бронезилет», подложив под куртку учебник в твердой обложке. Но победа ему не была засчитана. Благородные мушкетеры не применяли неблагородные приемы.

Летом 1941 года мы опять выехали в Виледниково. Т. Н. на этот раз из-за болезни жены оставался в Москве, и мы поселились в доме лесника, который в предыдущие годы снимал Т. Н. Дом этот стоял на отшибе, на пригорке у опушки леса. Больше до конца войны я Т. Н. не видел.

Встретился я с ним только уже в 1946 году, после возвращения из Германии. Но это был уже не тот мой любимый учитель. Полковник Красной армии, он довольно сухо поговорил со мной, тогда младшим лейтенантом, и Сашкой Пищиком, тогда уже студентом-нефтяником у подъезда своего дома, даже не пригласив в свою квартиру. После этого мы расстались и больше не виделись. Причиной тому, наверное, было то, что во время войны, после смерти жены, он женился на сестре ученицы нашего 6-го «Б» класса — Милы Ильиной, которая была на два класса старше Милы, и он чувствовал себя с нами неловко.

С террасы дома лесника 21 июня я наблюдал великолепный закат последнего мирного дня. Огромное медно-красное солнце медленно уходило за черные верхушки елового леса, а облака над лесом еще долго горели багровым светом.

На следующий день, прослушав выступление В. Молотова, мы тотчас отправились в Москву и переночевали в своей квартире. Наутро я проснулся от воя сирены воздушной тревоги. Вскочив с постели, побежал в комнату отца и спросил его: «Что делать?». Видимо, решив, что я перепуган, он совершил совершенно необычный в наших с ним отношениях поступок. Предложил мне лечь к нему на тахту и приобнял меня за плечи. Но я-то, отличник ПВХО, был совершенно спокоен. Тогда он велел мне одеться, и мы спустились во двор к входу в бомбоубежище. По пути, отец, опытным глазом наблюдая за маневрами самолетов, летавших в районе нашего дома, определил, что тревога учебная. Пользуясь авторитетом полковника, он проигнорировал требование дежурного ПВО с противогазом на боку спуститься в бомбоубежище, на чем тот, правда, и не настаивал. И мы стояли у входа, наблюдая за имитацией воздушного боя.

После отбоя отец отправился на службу, а нам велел вернуться, «до особого распоряжения» в Виледниково. Туда я ехал в полной убежденности в скорой победе наших войск.

«Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее!»

Переживал только из-за того, что не успею принять участия в этой войне. Разве мог кто-нибудь из нас, всю сознательную жизнь готовившихся к войне, предположить, какое страшное поражение потерпит Красная армия летом 1941 года?! Миллионами жизней своих красноармейцев и командиров она в очередной раз подтвердила правоту афоризма, сформулированного еще Наполеоном Бонапартом: «Лучше армия баранов, предводительствуемая львом, чем армия львов, предводительствуемая бараном».

После уничтожения «великим вождем всех народов и лучшим другом детей и зеленых насаждений» почти всего высшего начальствующего состава РККА, готовили ее к войне в течение последних четырех предвоенных лет ворошиловские «бараны», оказавшиеся во главе Красной армии. Но не к будущей, а к прошедшей. Более того, сталинские репрессии привели к тому, что Министерство обороны и Генеральный штаб, не говоря уже о низшем и среднем звене комсостава, оказались в абсолютном подчинении партийной номенклатуры, как правило, мало что понимавшей в военном деле. Партийная установка на будущую войну заключалась в том, чтобы активной обороной в пограничном сражении измотать противника, затем главными силами перейти в наступление и разгромить врага на вражеской территории. Все стратегические разработки команды Тухачевского были выброшены за борт. На вооружение вновь была принята доктрина лихих буденовских сабельных атак при поддержке легендарных пулеметных «тачанок-ростовчанок». И именно эти «полководцы» оказались во главе советских войск в первые месяцы войны. Главнокомандующим Северо-Западным направлением был назначен Ворошилов, Западным — маршал Тимошенко, бывший перед войной наркомом обороны, Южным и Юго-Западным — Буденный.

Результат известен: 42 миллиона погибших в Великой Отечественной войне, 70 миллионов советских граждан, брошенных под немецкой оккупацией, которые после войны, с введением в анкеты графы «был ли в оккупации», так и остались гражданами второго сорта, разорение большей части европейской территории страны, германские войска под Москвой и в Сталинграде.

В деревне к нашему возвращению уже прошла первая волна мобилизации, и меня охотно приняли на работу в колхоз. Беззаботное детство кончилось.

ВОЙНА ЭВАКУАЦИЯ

1941 - 1945

В колхозе меня назначили на работу водовозом. Научили запрягать в водовозную бочку старенькую смирную лошадку и наскоро обучили на «водителя кобылы». В первую поездку на речку за водой меня сопровождала молодая девушка-колхозница. Потом я уже ездил сам. Правда, моя карьера колхозника продолжалась недолго. Генеральный штаб, который летом 1941 года возглавляли профессионалы: до июля генерал армии Жуков, а с июля маршал Шапошников, один из самых лучших штабных работников РККА, он трезво оценивал военную обстановку. По их настоянию к осени 1941 года было принято правительственное решение о начале эвакуации из Москвы предприятий, учреждений и гражданского населения, не связанных с нуждами обороны города.

В частности, эвакуации подлежал и Военный факультет иностранных языков. Его вывезли в город Ставрополь-на-Волге, где вскоре реорганизовали в Военный институт иностранных языков Красной армии (ВИИЯКА). Этого города больше не существует на карте. В 1950 году при строительстве Волжской ГЭС он попал в зону затопления Жигулевского водохранилища и был перенесен на другое место, где ныне стоит город Тольятти. Семьи сотрудников факультета эвакуировали в Самару, тогда называвшуюся Куйбышев.

Не помню, каким образом, но мы в Виледниково получили предписание в такой-то день с вещами прибыть на Московский речной вокзал для эвакуации. Заехав на квартиру, чтобы собрать вещи, мы узнали у деда, который не собирался уезжать из Москвы, что отца давно нет в Москве. Где он и что делает, дед не знал. Связи с отцом не было. Так что перед отъездом мы не смогли с ним попрощаться.

На речном вокзале нас ждал старинный колесный пароходик. Прошлепав по каналу Москва–Волга, он выплыл на волжские просторы и двинулся вниз по течению. Эта поездка, напоминавшая

мирный речной круиз, стала как бы последним приветом беззаботного детства. Нас вполне прилично три раза в день кормили в паровой столовой. Для пополнения запасов топлива, воды и продовольствия пароход причаливал ко всем крупным волжским городам вдоль маршрута. Мы выходили на берег и осматривали достопримечательности городов. Погода была прекрасная, жаркая. В каютах было душновато, и я проводил все время на палубе и приспособился там и спать на вентиляционном люке.

В Самаре нас разместили не в самом городе, а отвезли километров на 15 вниз по течению в дачную местность, на 8-ю дачную просеку, где поселили в бывшем доме отдыха «Госучреждений». Первые дни нас кормили в столовой остатками запасов дома отдыха. Скоро они закончились, столовую закрыли, а нам выдали продуктовые карточки. Паяк, выдаваемый по ним иждивенцам, был довольно скудным и поступал нерегулярно. Вскоре нас всех, включая детей, кроме самых маленьких, поставили на разгрузку дров. Отопление в доме отдыха было печным. Нас выстроили на крутом спуске к Волге, на котором стоял сам дом отдыха. С берега Волги по цепочке мы несколько дней по полешку передавали наверх дрова, которые складировались в сарае под замок. Дрова тоже были нормированы. Когда наступили холода, а осень в том году была ранней, поддерживать в легких деревянных корпусах комфортную температуру не получалось. В комнате, где жили мы с матерью, к утру в стоявшем на окне стакане замерзала вода.

Нам, правда, вскоре повезло. Из Москвы эвакуировали деда, и нас переселили из двухместной комнаты в большую трехместную в другом более теплом корпусе. В довершение везения наша комната оказалась по соседству с комнатой, в которой жил с семьей бухгалтер. Печь, топка которой находилась в его комнате, задней

стенкой выходила в нашу комнату. Бухгалтер, как и директор дома отдыха, были зрелыми мужчинами, подлежащими мобилизации. Устроившись на работу при ВИИЯКА, они оба получили «броне» от призыва. Бухгалтер отвечал и за выписку дров. У него же хранился ключ от дровяного склада. Себя он не обижал и выписывал себе дополнительную вязанку, которую, часто с моей помощью, по вечерам приносил в свою комнату. Так что зиму мы прожили в тепле.

В сентябре нас отвели в местную школу, находившуюся примерно в полчаса ходьбы. Там был совсем другой уровень преподавания, чем в московской школе, и трудностей в учебе я не испытывал.

От отца все это время не было никаких известий. Внезапно в конце ноября он приехал навестить нас, привез денежный аттестат — доверенность матери на получение его заработной платы и коробку шоколадных конфет. Через пару дней он снова уехал, но на этот раз не в безыизвестность. Вскоре мы стали более или менее регулярно получать от него письма с фронта. Позднее, изучая его личное дело, хранившееся после его смерти в Центральном военном архиве, я обратил внимание на несоответствия записей в его послужном списке с фактическими событиями первых пяти месяцев войны.

Так, до середины ноября 1941 года он продолжал числиться в штате Военного факультета иностранных языков, хотя, по свидетельству деда, его все лето и осень в Москве не было. В эвакуацию с факультетом в Ставрополь-на-Волге он не выезжал. Далее, я обнаружил в послужном списке приказ от 19 ноября 1941 года о назначении его преподавателем тактики Военной академии им. Фрунзе с пометкой: «В этой должности не работал». Вслед за этим, 19 декабря 1941 года, последовал приказ о назначении его ст. помощником начальника оперативного отдела штаба Волховского фронта. И именно в этот период между двумя приказами он навестил нас

в Самаре. В наградном листе его дела за этот период была сделана запись: «за активное участие в боях награжден медалью «За оборону Москвы».

Из всего этого я вывел вполне правдоподобную гипотезу. В те первые пять месяцев войны отец находился в дальнем и ближнем западном Подмосковье, скорее всего, с тем же заданием, что и на Дальнем Востоке. В составе или во главе рекогносцировочной группы готовил подмосковный театр военных действий к предстоящему сражению под Москвой, а в октябре-ноябре, очевидно, со своей группой участвовал и в оборонительных боях. Приказ о назначении преподавателем в академию был, очевидно, бюрократической необходимостью для вывода его из штата ВИИЯКА перед отправкой на Волховский фронт.

Постоянное чувство голода было, пожалуй, самым трудным испытанием в эвакуации, а коробка шоколадных конфет, которые помогали его приглушать, скоро кончилась. Немного выручал рынок, на котором местные жители обменивали продукцию со своих приусадебных участков на городской ширпотреб у эвакуированных. В придачу к этим неприятностям однажды вечером, спускаясь по крутой лестнице корпуса с кипящим чайником, я упал и вылил кипяток на правую руку. Боль была несусветная. Никаких противоожоговых средств, конечно, у нас не было. Врач, из числа наших эвакуированных женщин, развела насыщенный раствор марганцовки и велела погрузить руку в тазик с раствором. Через некоторое время боль унялась, но рука приняла жуткий вид. Сморщенная коричневая кожа делала ее похожей на руку египетской мумии. На следующий день я явился в класс в варежке и сообщил, что не могу писать контрольную. Классная руководительница, учитель матема-

тики, решила, что я изобрел способ избежать контрольной работы, к которой не подготовился, и заставила снять варежку. Увидев мою «мумифицированную» руку, она, зажав рот рукой, выбежала из класса. Своей рукой я спекулировал больше месяца.

Успех наших войск под Москвой в декабре 1941 года вызвал всеобщее воодушевление и надежду, что наступил перелом в войне. Ободрились и Иосиф Виссарионович со своими прислужниками. Притихшая летом и осенью 1941-го пропаганда после победы под Москвой снова начала надувать мыльный пузырь полководческого гения Сталина.

С одним из мошеннических примеров такого надувания мне пришлось столкнуться в 1955 году. Тогда я был преподавателем истории военного искусства в военном училище. Готовя лекцию о Сталинградской битве, в одном из материалов я прочитал, что в критический момент сражения под Сталинградом, когда немецкие войска прорвались к Волге севернее города, телеграмма Сталина командованию Сталинградским фронтом сыграла решающую роль в переломе хода сражения. Текста телеграммы в этом материале не приводилось. После долгих поисков я в одном из источников натолкнулся на этот текст. Подробное описание обстановки вокруг Сталинграда, которую командование фронта наверняка знало не хуже, если не лучше своего Верховного главнокомандующего, в телеграмме завершалось «гениальным» указанием, которое якобы и внесло перелом в сражение. Оно гласило буквально следующее: «Главное, не поддаваться панике и пользоваться дымами в изобилии». Точка и подпись И. Сталин.

В 1942 году Сталин решил начать наступательные операции по всему советско-германскому фронту. Возразить ему было некому.

К тому времени даже формально всю власть в стране Сталин сосредоточил в своих руках. Он был председателем Совета народных комиссаров; наркомом обороны (замами у него были политкомиссар Мехлис — полная бездарь в военных вопросах, и маршал Тимошенко, бывший перед войной наркомом обороны); главнокомандующим всеми Вооруженными силами СССР; руководителем Ставки Верховного главнокомандования; председателем Государственного комитета обороны (ГКО).

Ставка Верховного главнокомандования, куда входили профессиональные военные маршалы Шапошников, Тимошенко и генерал армии Жуков, а также псевдопрофессионалы Ворошилов и Буденный, непосредственно руководила войсками. Как и Генштаб, который возглавлял Б. Шапошников. Ставка, при этом, была подчинена ГКО. В функции ГКО входила «организация боевых действий, то есть «ведение войны на стратегическом, оперативно-тактическом и тактическом уровнях». Формально именно ГКО обладал всей военной, политической и хозяйственной властью в стране, но его состав — Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков, Берия, Каганович, позже Вознесенский — председатель Госплана и Булганин — не включал ни одного военного профессионала, но обеспечивал беспрекословное выполнение любых решений Сталина. Планы военных действий наряду с ГКО рассматривало и Политбюро ЦК ВКП(б) — после сталинских репрессий против высшего руководства РККА военные профессионалы оказались в абсолютном подчинении партийных властей.

Первыми, согласно директиве Сталина, 13 января 1942 года начали наступательную операцию по деблокаде Ленинграда Волховский и Ленинградский фронты. На Волховском фронте

2-я ударная армия прорвала оборону немцев в районе Мясного бора на участке шириной в 3–4 километра. Дивизии 2-й ударной вошли в прорыв и продвинулись на 40 км. Горловину мешка, в который втянулась армия, удалось расширить до 13 километров. Немцы непрерывно атаковали советские войска, удерживавшие эту горловину, и постепенно сжимали ее. Несмотря на это, Ставка ВГК требовала продолжать наступление. Но на главном направлении, на соединение с Ленинградским фронтом продвижение шло крайне медленно. На других направлениях к середине марта войска 2-й ударной армии углубились на 60–70 км, значительно удлинив фронт образовавшегося «мешка», по которому расходились соединения 2-й армии. Штаб армии начал терять управление войсками. Для его восстановления командование Волховского фронта сгруппировало дивизии 2-й армии в четыре оперативных группы, создав для них четыре новых штаба. Начальником штаба одной из оперативных групп, которой командовал генерал-майор Привалов, в феврале 1942 года был назначен мой отец. Заболевший командующий 2-й армии был заменен Сталиным на печально известного генерал-лейтенанта Власова. В довершение реорганизации Сталин вообще ликвидировал Волховский фронт и переподчинил его войска командующему Ленинградским фронтом, который тоже не добился серьезных успехов. До соединения Ленинградского фронта с волховской группировкой дело так и не дошло. А управление войсками лишь ухудшилось. Ленинграду еще год предстояло жить в блокаде.

Между тем, 13 марта немецкие войска вообще перерезали горловину мешка, в котором находилась 2-я армия. Но разрешения на отвод армии и прорыве на соединение с остальными войсками волховской группировки Сталин не давал. Признав на этот раз свою

ошибку, Сталин приказал восстановить Волховский фронт, вернул туда прежнего командующего генерала Мерецкова и, наконец, в мае дал разрешение на отход 2-й армии. Но поправить ситуацию было уже невозможно. Лишенная снабжения и пополнений, сражавшаяся в окружении под непрерывными бомбежками немецкой авиации, имевшей полное господство в воздухе, 2-я армия была совершенно обескровлена. Отдельные ее части и группы солдат и офицеров на свой страх и риск в мае начали прорываться из окружения. Всего из окружения вышло не более 16 тыс. бойцов. С одной из таких групп удалось выйти и отцу. К концу июня 2-я ударная армия прекратила существование. Ее командующий генерал-лейтенант Власов сдался в плен, был вывезен в Берлин, где дал согласие на сотрудничество с гитлеровцами для «совместной борьбы со сталинской тиранией».

Все это время, с февраля по конец мая, мы не получили от отца ни одного письма и очень волновались. Отнести отсутствие писем за счет плохой работы почты было невозможно. Военно-полевая почта весь период войны работала как часы, в отличие от «Почты России» XXI века.

В соответствии со славной чекистской традицией все вышедшие из окружения попадали в разработку фронтовых «особых отделов» НКВД. А вдруг они побывали в плену у немцев, которые их завербовали и забросили в наши войска со шпионскими или диверсионными заданиями? Не избежал проверки «особистов» и отец. На время проверки, с 14 мая по 4 июля 1942 года, его отстранили от оперативной работы и направили преподавателем, а затем начальником на фронтовые курсы штабных командиров. Это был далеко не худший вариант по сравнению с судьбами тысяч подвергавшихся проверкам окруженцев. Не обнаружив компромата, его 4 июля

восстановили в должности ст. помощника начальника оперативно-го отдела штаба Волховского фронта.

Катастрофа в Мясном бору не образумила Сталина. 1 мая 1942 года он издал приказ, в котором, ставя стране задачи на 1942 год, он, наряду с приветствием по случаю Первого мая, заявил: «Приказываю всей Красной армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

На сомнительную инициативу Сталина поспешило откликнуться командование Юго-Западного направления, предложившее грандиозную наступательную операцию на харьковском направлении. Предполагаю, что на очередную авантюру командующего направлением маршала Тимошенко подбил Хрущев, вечно стремившийся первым услужить Сталину, который, возложив ему на плечи ничем не заслуженные погоны генерал-лейтенанта, назначил его членом военного совета Юго-Западного фронта. Между тем, уходящий с должности по болезни начальника Генштаба маршал Шапошников, рекомендовал сменявшему его генерал-полковнику Василевскому отказаться от этого наступления. Но Василевский в то время не имел еще достаточного веса у Сталина, чтобы противостоять тандему Тимошенко–Хрущев. Одновременно начальник особого отдела Юго-Западного фронта полковник Рухле направил на Лубянку своему начальнику Абакумову категорическое возражение против планировавшейся операции. На основе данных агентурной разведки о состоянии германских войск он предсказывал неминуемую катастрофу в случае наступления на Харьков и просил передать свой доклад Сталину. Однако Абакумов по каким-то своим соображениям переслал доклад Хрущеву. Тот сумел каким-то образом убедить Абакумова не сообщать

о докладе Сталину. План наступления был утвержден. Юго-Западный фронт был усилен резервами и перешел в наступление. К 17 мая войска фронта подходили к Харькову.

Германское командование на этом направлении подготовило свою наступательную операцию. Так что наступление Красной армии натолкнулось на подготовленные к боям немецкие войска. Остановив наступление советской группировки, германское командование нанесло мощный контрудар ей в тыл. Василевский предложил срочно отвести советские войска, но Сталин не разрешил. И к 23 мая немецкие войска завершили окружение советских войск. С тяжелыми боями из окружения смогли вырваться только 10 процентов войск. Остальная группировка была полностью разгромлена. Потери ее составили 171 тысячу убитыми, в том числе несколько генералов, и 240 тысяч были взяты в плен. Потери немецких войск составили около 20 тысяч солдат и офицеров. Немцам был открыт путь на Ростов, Воронеж и Сталинград. Как тут в очередной раз не вспомнить бессмертный наполеоновский афоризм!? Жуков после войны в одном из интервью прямо обвинил Тимошенко и Хрущева в том, что они «привели немцев к Сталинграду».

Потеря в 1941–42 годах основных житниц СССР привела к значительному ухудшению положения с продовольствием в стране. Особенно это почувствовало гражданское население в тылу. Весной 42-го, когда зазеленела трава, мать, которая уже пережила голод здесь же в Самаре во время и после Гражданской войны, повела меня на сбор съедобных трав: лебеды, листьев молодой крапивы, черемши и некоторых других. Из них она искусно готовила густые и в те голодные времена казавшиеся даже вкусными щи. Со своей стороны, я подрядился на Санэпидстанции опрыскивать

противомалярийными химикатами окрестные комариные болота. Зарплату там платили мизерную, но выдали хлебную карточку служащего, по которой полагалось 400 грамм хлеба в день вместо 200 по карточке иждивенца. К сожалению, это была лишь сезонная работа, и вскоре меня уволили.

Летом очередная волна мобилизации унесла нашего электрика. Его заменил уже давно ушедший с работы старичок. Он не мог не только влезать на столбы для ремонта наружных электросетей, но с трудом добирался до щитков с электропредохранителями в корпусах. Ему в помощники нарядили меня. По штату помощник у электрика не полагался, поэтому зарплаты я не получал. Требовать часть зарплаты у старика рука не поднималась. Мастер вручил мне широкий брезентовый пояс с цепью и железные когти монтажника, обучил навыку влезания на деревянные столбы наружной электросети, познакомил с функционированием трансформаторной будки и отдал ключ от нее и от маленькой кладовки с инструментами и запчастями. В первое время он ходил со мной на вызовы и помогал советами.

Работы было много. Электросеть испытывала большие перегрузки. Практически все жильцы нашего «дома отдыха» готовили еду по своим комнатам на электроплитках. Поэтому пробки то и дело перегорали. В своем корпусе я менял, а когда кончились запасные, чинил их безвозмездно. Когда же меня вызывали в другие корпуса починить пробки, перегоревшие спирали электроплиток, вышедшие из строя розетки или выключатели, сделать дополнительную проводку, то жильцы добровольно расплачивались со мной куском хлеба, картошкой, тарелкой супа или каши. Суп я с благодарностью съедал на месте, а другую добычу уносил и по-братски делил со щенком немецкой овчарки, который жил под террасой моего корпуса

и терпеливо дожидался моего прихода. В дни, когда моей добычи не было, он уходил на промысел сам. Из одного из таких походов он не вернулся. Я льстил себя надеждой, что его подобрал кто-нибудь из местных жителей. Это был очень симпатичный песик.

Иногда случались аварии на давно не обновлявшихся наружных линиях. В сильные ветры от падающих веток рвались провода, от перепадов температур они часто провисали. Тогда в любую погоду я шел в трансформаторную будку, отключал подачу тока в сеть, влезал на столб и менял изоляторы, заново закреплял провода или соединял оборванные. Однажды я поленился тащиться отключать ток и полез на столб под напряжением. Несмотря на то, что я работал, не прикасаясь ко второму проводу, меня начинало трясти током при прикосновении даже к одному проводу. Пришлось слезть и все же идти в трансформаторную будку. Позже мой мастер объяснил мне, что мокрый от дождя деревянный столб, на котором я висел на металлической цепи и железных когтях, увеличили токопроводимость моего тела, а усталость и хроническое недоедание снизили его электросопротивление. Впредь он запретил мне работать под напряжением не только на внешних, но и на внутридомовых линиях.

Летом, после спада паводковых вод, мой школьный приятель, местный житель Марк, позвал меня помочь ему в рыбной ловле. У него после травмы не сгибалась одна нога, и одному ему было трудно выходить на Волгу рыбачить не удочкой, а браконьерской снастью — переметом. В сарае у него лежала легкая спортивная байдарка. Мы заново просмолили ее днище. Сосед по дому, которого подкармливала мать Марка, работавшая в столовой дома отдыха летчиков, из лопастей спортивных байдарочных весел смастерил настоящие распашные весла, смонтировал на байдарке две пары

уключин от обычной лодки. На таком судне мы выходили на Волгу в рыбные места, известные Марку, где устанавливали перемет. На следующий день подплывали снимать улов. Как правило, на крючках перемета оказывалось несколько молодых, длинной сантиметров по 20–30, стерлядок. Собрав улов и восстановив наживку, мы отправлялись домой. Если случалось натолкнуться на старенький паровой катер рыбоохраны, легкая байдарка на двух парах распашных весел легко уходила от преследования. И мы прятались в узких ериках песчаного острова, который как раз напротив нашей 8-й дачной просеки делил русло Волги на два рукава. Туда катер рыбоохраны зайти не мог. Я хорошо знал этот остров, потому что плавал туда загорать на чистейшем белом песке. Спрятавшись в кустах, покрывавших остров, мы дожидались ухода катера и возвращались домой. Улов делили пополам. Своих рыбок я менял у местных жителей на продукцию их огородов.

В общественном огороде нашего «дома отдыха» урожай ожидался только осенью. А пока его надо было охранять от набегов. Днем там работали или дежурили женщины. На ночь — отправляли меня. Директор «дома отдыха» вручал мне старое гладкоствольное ружье с одним патроном, снаряженным солью вместо дроби. Один раз за ночь я должен был, независимо от наличия воришек, выстрелить в воздух, чтобы в окрестностях знали: огород под серьезной охраной. За ночь мне разрешалось вырвать две-три морковки и репки, срезать несколько листов с созревшего кочана капусты и съесть. Лишь однажды я столкнулся в огороде с посторонним — молодым парнем, который увидев меня с ружьем наперевес, испуганно стал уверять, что случайно заблудился. На том мы мирно и разошлись.

С приближением немецких войск к Сталинграду возросла опасность налетов немецкой авиации на Куйбышев (Самару), куда из

Москвы были эвакуированы правительственные учреждения. Женщин вывели на рытье на территории «дома отдыха» щели бомбоубежища, сверху ее накрыли в один накат бревнами. Мне было поручено провести в бомбоубежище электричество, что я и сделал. За оврагом, у которого стоял мой жилой корпус, замаскировалась батарея зенитных орудий.

Лето было жаркое, и я перетащил скамейку за угол террасы второго этажа, напротив оврага. Там не было ни окон, ни дверей. Туда никто не ходил, и я спокойно спал там по ночам. В одну из ночей мне приснилась сильнейшая гроза. Утром, когда я проснулся, светило солнце и никаких следов ночного дождя не было видно. Оказалось, что под утро была объявлена воздушная тревога. Не знаю, учебная или боевая, но зенитчики за оврагом открыли огонь. Из-за него мне и приснилась гроза. С тех пор я стал местной достопримечательностью: «А, это тот, которого пушками не разбудишь».

Осенью 42-го меня, как и других ребят, мобилизовали на уборку урожая в близлежащий колхоз. Это был просто праздник живота: молока и картошки нам давали вволю. Работал я в бункере комбайна, перегружая зерно в подъезжавшие грузовики и подводы. Топтать золотое зерно ботинками было просто невозможно, и я работал босиком. В один несчастливый день, прыгнув с комбайна, я пропорол ступню жесткой стерней. Уже на следующее утро нога распухла и покраснела. Меня лишили молока и картошки, отправив домой. Та же женщина врач, которая лечила мне руку марганцовой, взялась лечить мою ногу подручными средствами. Но они не помогали. Опухоль и краснота поползли вверх по ноге. Спасла меня от начинавшегося заражения крови и ампутации другая женщина из эвакуированных — военврач, работавшая в куйбышевском (самарском) военном госпитале. Она раздобыла для меня только что

вошедший в медицинскую практику пенициллин. С ним я быстро пошел на поправку.

В начале учебного 1942/43 года я вступил в комсомол. Не потому, что пришло время вступать всем, а в соответствии с моими твердыми идейно-политическими убеждениями. Этой осенью прошла мобилизации молодежи 1925 года рождения. Чтобы успеть до мобилизации моего, 1927 года рождения, я решил параллельно с учебой в 8-м классе самостоятельно пройти программу 9-го класса и весной сдать экстерном экзамены за 9-й класс. Раздобыв в школе все учебники, я вечерами сидел за ними. Надо сказать, что школьные учителя с пониманием отнеслись к моей проблеме и не отказывали мне в консультациях.

А в ноябре, к всеобщему восторгу, грянуло грандиозное наступление наших войск под Сталинградом. Катастрофу на этот раз уже германской армии под Сталинградом и спланировало, и осуществило новое поколение полководцев — тех, которые первые два года войны оставались на втором плане, но за это время освоили современные методы ведения войны, правда, ценой большой крови. Прозревший, наконец, Сталин усвоил, что катастрофы Красной армии в 1942 году были делом рук военачальников «ворошиловского призыва».

Своей вины и ответственности он, конечно, не признал и в отставку с поста Верховного главнокомандующего, естественно, не подал. А пользуясь своей неограниченной властью, в конце 1942 года убрал от руководства войсками всех «ворошиловцев».

Самого Ворошилова в сентябре 1942 года он отправил командующим в штаб партизанского движения в Москве. А через полгода убрал его и оттуда, назначив председателем трофейного комитета при Государственном комитете обороны, выведя при этом

из членов ГКО. Тимошенко он в июле 1942 снял с командования Сталинградским фронтом и отправил на Северо-Западный фронт. Но тот и там провалил очередную наступательную операцию. 13 октября Сталин снял его и с этой должности, и с поста зам. наркома обороны, хотя оставил представителем Ставки. В дальнейшем Тимошенко какой-либо существенно роли в войне не играл. Для Буденного Сталин изобрел синекуру — командующего кавалерией Красной армии. Возмущенный поведением Мехлиса — представителя Ставки на Крымском фронте, который при проведении провалившейся керченской десантной операции вместо настоящей работы засыпал Сталина кляузами на руководство Крымским фронтом, Верховный разжаловал его из армейского комиссара в корпусного, снял с поста зам. наркома обороны и начальника Главного политического управления РККА. С тех пор, номинально занимая должности члена военных советов разных фронтов, Мехлис также не играл никакой роли в войне. Начиная с конца 1942—начала 1943 года во главе Красной армии встали те военачальники, которые в июле 1945-го триумфаторами прошли по Красной площади парадом Победы.

Весной 1943 года я успешно сдал экзамены за 9-й класс и получил соответствующую справку. И вскоре был мобилизован на допризывную военную подготовку. Нас, целую группу сверстников, вывезли в загородный лагерь. Обучать нас военному делу назначили офицеров, ожидавших после выписки из госпиталя отправки на фронт. Им было совершенно не интересно заниматься с нами. Оставляя по очереди одного из своих товарищей с нами, они разбредались по окрестным деревням развлекаться с местными девицами. Оставшийся на дежурстве занимал нас строевой подготов-

кой, заставлял бегать по кругу на время, ползать по-пластунски и прочей ерундой. Когда ему и это надоедало, просто отпускал нас играть в футбол. Более бездарной траты времени и денег трудно было себе представить. Голодали мы страшно. Однажды вечером я решил съездить в «дом отдыха», чтобы разжиться каким-нибудь «допайком». Вскочив в проходящий поезд, я в тамбуре доехал до Самары. На вокзале меня задержал военный патруль, приняв за дезертира. (Одет я был в военную шинель, купленную на самарском рынке, на голове — пилотка без звездочки). В комендатуре, проверив мой единственный документ — комсомольский билет, в котором был указан год рождения, меня отпустили. Поздней ночью я добрался до дома. Наутро директор «дома отдыха» выписал мне небольшой мешочек отрубей, из которых, вернувшись в лагерь, я на костерке в алюминиевой кружке готовил себе похлебку. На мое отсутствие в лагере никто не обратил внимания. Наверное, можно было и не возвращаться. По окончании сборов нас зачем-то провели строем через центр города под удивленными взглядами жителей («партизаны, что ли» — комментировали зеваки) и распустили по домам.

В июле 1943 года отца с фронта направили на годичный курс повышения квалификации в Высшую военную академию имени (пока еще) Ворошилова в Москву. Несмотря на указ Президиума Верховного Совета СССР, который запрещал занимать свободные квартиры фронтовиков, нашу квартиру в «Доме правительства» превратили в коммуналку. Многие из оставшихся на время эвакуации вещей из квартиры пропали. Пропала также и наша Маша-домработница. Хорошо, если пропавшими вещами воспользовалась она, а не мародеры из Управления домом. Судьба ее осталась для нас неизвестной.

По прибытии отца ему освободили его 9-метровую спальню и нашу с матерью комнату в конце коридора. Его письма в секретариат Верховного Совета с требованием освободить всю квартиру успеха не принесли. В спальне деда и большой комнате продолжали проживать эвакуированные из Киева работники Министерства мясомолочной продукции Дубенский с женой, которому на время войны присвоили звание майора интендантской службы, и его коллеги, такой же временный полковник-интендант Давыдов с женой и дочерью. Этим же летом отец выслал нам вызов для возвращения в Москву. Деду пока пришлось остаться в «доме отдыха».

В Москве мне надо было поступать в 10-й класс. Побывав в школе недалеко от нашего дома, я понял, что после сельской школы, да еще с 9-м классом, оконченным экстерном, я не потяну требований московской школы. Поэтому поступил в экстернат, находившийся в переулке около Пушкинской площади.

Уроки в экстернате велись как в обычной школе, но без опоросов у доски, без домашних заданий и без контроля посещаемости. Всю осень и зиму я большую часть времени не сидел на занятиях, а проводил вместе с вернувшимися из эвакуации Сашкой Пищиком и Славкой Грибковым.

О отца я почти не видел. Занятия в академии шли, чуть ли не круглосуточно. Фронтовые нагрузки в сочетании с напряженной учебной в академии довели его и так больного пороком сердца в апреле 1944 года до инфаркта. Приступ случился ночью. Скорая, констатируя инфаркт, послала меня за лекарством. В то время в Москве еще действовал комендантский час. Но делать было нечего. Взяв отцовский ночной пропуск, я рассчитывал в случае задержания патрулем убедить патрульных отпустить меня из-за чрезвычайности ситуации. К счастью, по пути в аптеку №1 на углу Старой площа-

ди и ул. Куйбышева (ныне Ильинка), единственную работавшую ночью, и обратно на патруль я не наткнулся. На следующий день отца отвезли в военный госпиталь в Серебряном переулке на старом Арбате. Я часто навещал его там, пока его не выписали и не перевели на реабилитацию в санаторий «Архангельское». Там я навещал его реже, так как никакой общественный транспорт туда не ходил. Мне помогало знание окрестной местности по еще школьным пешим и лыжным походам. Доезжая на «кукушке» до Опалихи или Павловской Слободы, я пешком, по проложенным еще Тихоном Николаевичем маршрутам, доходил до Москвы-реки. Там, напротив Архангельского, предприимчивый мужичок держал лодочную переправу. За перевоз он брал недорого. Ожидая меня, отец сохранял несколько бутербродов с деликатесами, даже с черной икрой.

В мае 1944 года я с одной тройкой сдал выпускные экзамены в Экстернате. Тройку я получил за черчение. По правде говоря, за этот экзамен я вряд ли заслуживал больше единицы. Я просто перерисовал чертеж у соседа по парте. Но или оценка работы Экстерната зависела от 100-процентного выпуска десятиклассников, или экзаменатор просто пожалел меня. С аттестатом на руках мне пора было вступать во взрослую жизнь, минув счастливую пору юности.

МОЯ ВОЙНА

Июнь 1944 года. Сдан последний экзамен за 10-й класс. Вопрос, что делать дальше, был мною решен задолго до окончания школы. Шла война. И мог ли быть иной выбор кроме вступления в армию? Мой год рождения — 1927-й весной 1944 года еще призыву не подлежал. Ждать? Нет, иду добровольцем, как отец в Первую мировую. И он, наверняка вспомнив себя молодым, поддержал мое решение.

В это время он находился в Москве, закончив учебу на ускоренном курсе Академии Генерального штаба РККА, куда был командирован в июне 1943 года с Волховского фронта. По своим каналам он раздобыл для меня направление на учебу во 2-е Ленинградское артиллерийское училище. Проводив его на фронт, куда он отправился после учебы, только что оправившись от перенесенного инфаркта, несмотря на категорические возражения врачей, я на «Красной стреле» выехал в Ленинград. На этот раз он поехал на 3-й Прибалтийский фронт, где и закончил войну в Лиепае начальником штаба 1-й ударной армии.

Если бы знать, что тогда я в последний раз видел отца в живых. А мне так нужно было поговорить с ним по-взрослому. Чтобы понять, как могло получиться, что он, сын профессиональных революционеров, прошедших царские тюрьмы, каторгу и ссылку; родившийся в пересыльной тюрьме для политкаторжан в Чите; участник ок-

тябрьских событий 1917 года в Петрограде; воевавший «за власть Советов» в Гражданскую войну; служивший затем всю жизнь в Красной армии; дослужившийся до довольно высокого звания «комдив», что по современному табелю о рангах соответствовало генерал-лейтенанту, остался беспартийным. Более того, к концу 30-х годов, как я узнал много позже, он стал принципиальным противником сталинского режима и самого «вождя народов».

Его беспартийность в конце войны повторно лишила его права на получение генеральского звания, когда его, занимавшего генеральскую должность начальника штаба 1-й ударной армии 3-го Прибалтийского фронта, представили к присвоению звания генерал-майора. Ну не могло быть у нас беспартийных генералов!

Когда солнечным июньским утром я вышел из Московского вокзала в город, Ленинград, недавно переживший страшную блокаду, был чист, тих и безлюден. На всем пути от вокзала до здания училища мне навстречу не попалось ни одного человека. Лишь иногда вдалеке мелькали фигуры редких прохожих.

Вообще говоря, решение учиться на артиллерийского офицера с моим ослабленным зрением, которое, стесняясь носить очки, я успешно скрывал, в том числе и от призывной комиссии военкомата, признавшей меня годным к строевой службе, было чистой авантюрой. Ясно, что во время учебы этот недостаток раскрылся бы. В артиллерии, как пелось в песне, должен быть «наводчик зорек». В результате меня, скорее всего, списали бы в какую-нибудь нестроевую хозяйственную команду. О плохом моем зрении знала только мать, но она почему-то не сообщила об этом отцу. Знай он об этом, он, вероятно, принял бы другое решение. Но на этот раз, как и во многих других случаях, судьба меня хранила. Когда я явился

в училище, набор курсантов был уже закончен. Дополнительное место для меня, естественно, никто выбивать не собирался. И меня в тот же день отправили обратно в Москву в распоряжение райвоенкомата.

Следующим утром в Москве прямо с вокзала, прежде чем отправиться в военкомат, я зашел домой, чтобы привести себя в порядок и попить чаю. Ведь с момента отъезда из Москвы я в течение полутора суток ничего не ел. В нашей новой квартире на улице Серафимовича по рассмотрению моего будущего состоялся «военный совет». Один из новых жильцов, майор интендантской службы Дубенский и его жена Софья Борисовна приняли участи в «совете». На нем было решено: прежде чем мне идти в военкомат, мать должна обратиться за советом к генералу Биязи — начальнику института иностранных языков Красной армии (ВИИЯКА), в котором два предвоенных года работал отец начальником кафедры. Институт был уже возвращен в Москву из временной эвакуации. Бывший в хороших отношениях с отцом, генерал, не раздумывая, велел завтра отправить меня в институт, где как раз шел набор слушателей на первый курс, для сдачи вступительного экзамена.

Получив следующим утром в отделе кадров института направление на экзамен по русскому языку, я зашел в большую учебную аудиторию. В ней уже сидела почти сотня абитуриентов. В правой половине — военные, в левой — пара десятков гражданских юношей и девушек (в «вияк», как в просторечии называли институт, принимали и женщин), по-видимому, как и я, выпускников десятых классов. Законно считая себя уже военнотружущим, тем более, что одет я был в отцовские гимнастерку, хотя без погон, и галифе (сапоги мне купили еще перед войной на промтоварные отцовские талоны), я сел в правой половине аудитории.

Экзамен, кстати единственный, который надо было сдавать, оказался чистой формальностью. Все писали один и тот же вариант диктанта. Диктовавший текст преподаватель сидел, не обращая ни малейшего внимания на консультировавшихся друг с другом, а также со словарями и учебниками абитуриентов. Очевидно, он просто сочувственно относился к правой части аудитории и был убежден, что левая и так справится со столь простым текстом.

На следующий день в отделе кадров мне сообщили, что я зачислен слушателем Первого (западного) факультета и приказали принести фотографию для удостоверения. Мне оставалось только сбегать в Военторг, купить погоны и звездочку на пилотку, чтобы сдать фотографию уже в полной военной форме. Прикрепив погоны и нацепив звездочку на пилотку, я с Сашкой Пищиком отправился прогуляться по Москве. Казенную военную форму, в комплект которой для «вияковцев» входили: офицерская фуражка, но солдатские х-б гимнастерка и бриджи, офицерский ремень с портупеей, а солдатские кирзовые сапоги и офицерскую английскую зеленую и тощую шинель выдали позднее.

До официального начала занятий оставалось еще несколько недель и первокурсников бросили на хозработы. Группу, в которую распределили меня, направили на заготовку дров. Отопление в наших казармах, построенных еще в царское время, было печным. По Яузе, протекавшей мимо Лефортова, где располагался институт, нам сплавляли небольшие баржи с дровами, которые мы должны были перегружать в грузовик и отправлять в институт, где другая команда их разгружала и складировала. Работа шла медленно, потому что от института нам выделили только один грузовичок. Командир нашей группы, бывалый офицер-фронтовик, раздобыл красные повязки с надписью «патруль» и красные флажки и выставил

на перекрестке пост. Поставные, которых он назначал из нас по очереди для отдыха от погрузочных работ, останавливали порожние машины и по «закону военного времени» направляли их на набережную к баржам. Вряд ли это была законная операция. Но ни один из остановленных шоферов не отказался совершить одну, а то и пару ездов.

Закончив разгрузку одной из барж, я несколько замешкался и прыгнул с уже отчалившей баржи на набережную. Поскользнувшись на мокром бетоне, рухнул вниз, ударившись подбородком о край набережной, и на нем же повис, зацепившись еще и руками. Меня тут же вытащили. Зажав платком кровь, текшую из разбитого подбородка (шрам так и остался на всю жизнь), в сопровождении одной из слушательниц я отправился в санчасть, где меня перевязали, притянув бинтом подбородок к темени, выписали сразу на неделю увольнительную (рядовой и сержантский состав слушателей находились на казарменном положении) и отправили отлеживаться домой. Целую неделю я наслаждался домашним уютом и свободой. Перевязки мне делали в районной поликлинике. Ездил я туда на трамвае, хотя до нее было всего полторы остановки. Просто мне доставляло удовольствие прокатиться под сочувствующими женскими взглядами, не платя за проезд, как раненому воину.

Через неделю я вернулся в казарму. Дровяная эпопея уже кончилась. Шли занятия по строевой подготовке, изучению многочисленных уставов и назначения в наряды дневальными по казарме, для работы на кухне и на другие хозяйственные работы, а после принятия присяги и получения права на оружие и в караулы. Для одного из слушателей нашего факультета, выпускника 10-го класса Аграновского, назначение в караул закончилось трагедией. Не помню уж, по какой надобности, в стене, окружавшей институт,

в одном месте был проделан временный пролом. Около него выставлялся часовой с приказом никого не впускать и никого не выпускать. На свою беду при дежурстве Аграновского через пролом пролез старшекурсник с Восточного факультета. На оклик часового он махнул рукой и пошел дальше. Действуя по только что вызубренному уставу караульной службы, выстрелив в воздух, второй выстрел Аграновский послал вдогонку побежавшему слушателю. Целился, как он говорил, в ногу, но пуля попала точно под левую лопатку и пробила сердце.

Военный суд признал действия часового правомерными и освободил его от ответственности. Но не простили слушатели, объявившие парню бойкот. И тот не выдержал потрясений, попал в психиатрическую больницу и к нам не вернулся.

В сентябре начались занятия по английскому. Учился я плохо. Изучать правила английской фонетики, тренировать артикуляцию английских звуков и учить английскую грамматику, в то время как наши победоносные войска шли на запад, было нестерпимо. Тем более, что все это мне было знакомо: два года я учил английский в школе, а затем, во время войны, брал частные уроки, как раз у автора учебника, по которому нас учили в институте. Я писал слезные письма отцу с просьбами забрать меня к себе на фронт. Он обещал сделать это при первой возможности. Свое слово он сдержал. Но когда его порученец привез в Москву документ, отзывавший меня из института на 3-й Прибалтийский фронт, ситуация уже коренным образом изменилась. Вместо красных курсантских погон с золотыми галунами на плечах у меня лежали скромные полевые погоны младшего лейтенанта, а в кармане гимнастерки — предписание отбыть в распоряжение штаба Первого Белорусского фронта.

К тому времени разгром Германии был уже только вопросом времени. В предвидении предстоящей встречи советских войск с англо-американскими на линии раздела Германии, согласованной на Ялтинской конференции в феврале 1945 года Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, нашему институту было поручено сформировать несколько групп переводчиков английского языка для отправки в армии, которым предстояли такие встречи.

По давней советской, а может быть, вообще русской традиции, при передаче в другую организацию своих сотрудников, отбирались вовсе не лучшие, которых предпочитали не оставлять у себя. Выделяли тех, от которых хотели избавиться, или тех, кого считали малоперспективными. По результатам моей учебы не удивительно, что в одну из групп включили меня. Так что вместо Рижского вокзала, откуда шли поезда в Прибалтику, мне предстояло отправиться на Белорусский вокзал.

Наша группа из 3 человек (двое «блатных» улетели самолетом) погрузилась в плацкартный вагон поезда, отправлявшегося в Варшаву. Вагон оказался почти пустым, и мы с комфортом разместились на нижних полках. Комфорт был, правда, относительным. На полках не было ни матрасов, ни постельного белья, а в самом вагоне не было и проводников с горячим чаем с сахаром. Но что такое жесткая полка для меня — 17-летнего и для 18-летнего Сеньки Брычева? Только старший из нас, 37-летний Илья Гутман, ворчал по поводу отсутствия хоть минимальных удобств. Мы же с Семеном, как только поезд тронулся, побросали в изголовья наши тощие вещмешки, в которых лежали скромные сухие пайки на двое суток, алюминиевые кружка-ложка, пара сменного белья и запасных портянок и, по крайней мере, в моем еще англо-русский и русско-английский карманные

словарики. Укрывшись шинелями, мы принялись компенсировать недосып, образовавшийся за полгода учебы, хозработ и нарядов. Погода была хмурая, промозглая. Отопления в вагоне не было. Тогда я первый, но не последний раз порадовался, что оставил свою казенную, на «рыбьем меху» английскую шинель дома, а взял добротную офицерскую русскую, которую мать выменяла для меня зимой 1942 года на самарской барахолке в обмен на свои столичные «бирюльки», буханку хлеба и мое демисезонное полупальтишко, захваченное из Москвы. Ведь, уезжая в эвакуацию, мы все были уверены, что уж к зиме, как распевало на всю страну перед войной советское радио: «Оборону крепим мы не даром и на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». (Интересно, что в моей памяти погода, с момента отъезда из Москвы и до конца мая 1945 года, так и оставалась пасмурной. Солнце в памяти появилось только тогда, когда войсковую часть, в которой я служил, отвели от Эльбы).

На следующее утро поезд миновал сильно разрушенный Минск, ночью пересек польскую границу. Этот торжественный момент мы проспали. Никаких пограничных формальностей в нашем вагоне не проводилось, а может быть, пограничники просто не стали нас будить. На следующий день поезд пришел в Варшаву. Точнее, не в саму Варшаву, а в ее правобережный пригород «Прагу варшавскую». Отсюда нам предстояло пешком пересечь город и выйти на его западную окраину, откуда шли уже польские пассажирские поезда дальше на запад.

Перейдя Вислу по временному, наведенному саперами мосту, мы попали в город-призрак. Кучи битого кирпича, ни одного целого здания, ни одной живой души. На всем протяжении нашего похода через город нам попало только одно целое здание. Как в насмешку на его фронте была высечена в камне надпись: «Дойче Культурхауз».

Варшава пострадала еще в ходе германско-польской войны сентября 1939 года от налетов немецких бомбардировщиков. Потом во время восстания варшавского еврейского гетто в 1943 году. Но в тотальной гибели польской столицы в 1944 году немалую роль сыграли не только бои в городе, но и грязные политические игры польского эмигрантского правительства, сидевшего в Лондоне, и сталинского режима.

В июле 1944 года, после разгрома германской группы армий «Центр» в Белоруссии, войска Первого Белорусского фронта вступили на территорию Польши и двинулись на Варшаву. В составе советских войск наступала также Первая армия Войска Польского, сформированная в СССР в 1943 году. С момента вступления этих войск на территорию Польши и начались те политические игры, которые сыграли зловещую роль в гибели Варшавы.

В том же июле в Москве был учрежден Польский комитет национального освобождения — просоветское временное правительство Польши. С ним СССР тогда же заключил соглашение о признании его власти на всей территории Польши, несмотря на уже существовавшее в Лондоне «польское правительство в изгнании». Комитет, переехав на территорию Польши в освобожденный город Люблин, издал ряд указов, в том числе указ о мобилизации военнообязанных граждан Польши, как проживавших в СССР, так и в Польше, в ряды Первой армии Войска Польского, пополнив ее более чем на 100 тыс. человек. Так Первая польская армия формально стала вооруженной силой нового правительства.

Стремясь упредить освобождение Варшавы советскими и польскими войсками, польское эмигрантское правительство в Лондоне разработало план восстания варшавского подполья под руководством «Армии Крайовой» — польского партизанского дви-

жения, воевавшего на территории Польши как с германскими, так и с советскими войсками. По этому плану, пользуясь общим отступлением немецких войск под натиском Красной армии, повстанцы должны были за три-четыре дня вытеснить из Варшавы небольшой немецкий гарнизон. После этого планировалось высадить в городе 1-ю польскую парашютно-десантную бригаду, подчинявшуюся лондонскому правительству. Она должна была обеспечить условия для прибытия в Варшаву этого правительства, чтобы провозгласить его власть на всей территории Польши. Естественно, что лелея такие планы, руководители восстания ни в Лондоне, ни в Варшаве не согласовали ни само восстание, ни время его начала ни с Кремлем, ни даже с командованием советских войск 1-го Белорусского фронта.

Восстание началось 1 августа. Но все пошло не по плану. В тот же день, 1 августа, немецкие войска нанесли сильный контрудар по наступавшей на варшавском направлении 2-й гвардейской танковой армии. Нанеся ей тяжелые потери, немцы значительно ослабили наступательный потенциал советской группировки и затормозили ее наступление. Воспользовавшись этим, германское командование, перегруппировав свои войска, смогло бросить против восставших значительные силы, включая танки и артиллерию. В городе начались тяжелые затяжные бои.

Советские войска через некоторое время отразили немецкий контрудар, и к середине августа вышли на правый берег Вислы, овладели правобережным предместьем Варшавы — Прагой-варшавской и остановились. Не мне судить, можно ли было за два месяца, в течение которых продолжалось варшавское восстание, подготовить новую операцию по освобождению города и помощи восставшим. Но очевидно, что ни Сталина, ни Польский комитет национального

освобождения ни в коей мере не устраивали цели восстания, руководимого лондонским правительством. Красная армия стояла под Варшавой до середины января 1945 года, перебрасывая восставшим оружие, боеприпасы и продовольствие. Отдельные отряды Первой польской армии переправлялись в город через Вислу, вели там разведку и чем могли помогали повстанцам.

Справедливости ради надо сказать, что за это время Ставка Верховного главнокомандования подготовила грандиозное наступление советских войск по всему советско-германскому фронту с целью окончательного разгрома фашистской Германии в 1945 году.

Ко второму октября 1944 года восстание было подавлено и германские войска приступили к карательной операции. С присущей немцам методичностью квартал за кварталом с лица земли стиралась столица Польши. С гибелью при этом мирного населения каратели не считались. За время боев и карательной операции в городе было уничтожено 84% домов, в том числе 90% памятников архитектуры. По неофициальным данным (официально считать было некому), погибло от 150 до 200 тыс. мирных жителей. Оставшихся в живых немцы вывезли на работы в Германию. По подсчетам руководства восставших, было убито 17–18 тысяч повстанцев и 6 тысяч тяжело ранено. В миллионном перед началом войны городе осталось не более одной тысячи жителей.

Выйдя на привокзальную площадь на западной окраине Варшавы, мы зашли к военному коменданту.

— Какие билеты? Вот вам талоны в продпункт, двигайте на перрон и ловите поезд на Познань. Это самое удобное для вас направление. Когда будет? А кто его знает. За пассажирское движение теперь отвечают поляки.

На продпункте нам выдали по буханке черного хлеба, по две банки тушенки и в холщевых мешочках по 300–400 грамм гречневой крупы.

— Нам что костер, что ли, разводить, чтобы кашу варить?

— А что хотите, то и делайте. Что положено, то и выдаем.

Но если мы не знали, что делать с этой крупой, то это прекрасно знали польские спекулянты, мигом налетевшие на нас и скупившие по дешевке нашу крупу. Тут же расфасовали ее по газетным кулечкам и, не стесняясь, прямо на наших глазах, побежали втридорога перепродавать ее ожидавшим поездов пассажирам.

— Черт, — выругался Семен, — лучше бы мы сами раздали ее женщинам с детьми!

Когда и куда прибудет поезд на Познань, не знал никто. Оставалось только терпеливо ждать. Наконец раздался свисток паровоза и к противоположной платформе подкатил поезд.

— Познань, панове, Познань, — наскоро отвечали нам прыгавшие с платформы и бегущие к противоположной пассажиры. Последовали за ними и мы. Но когда мы взобрались на нужный перрон, оказалось, что сесть в поезд нет никакой возможности. Люди висели даже на подножках.

В полной растерянности мы и еще несколько офицеров стояли перед поездом. В этот момент на перроне появился внушительных размеров старшина с повязкой «патруль» на левой руке в сопровождении двух автоматчиков.

— Ехать треба, товарищи офицеры? Сейчас организуем.

С этими словами, вытащив из кобуры пистолет, он быстрым шагом направился к стоявшему напротив нас вагону.

— Вагон для жолнежей, — заорал он, наливаясь кровью, и дважды выстрелил в воздух. — Ааа-сс-воо-бодить!!!

Первыми посыпались пассажиры с подножек. Затем с помощью солдат он очистил тамбур от людей и мешков. Оставив одного из автоматчиков у входа, он прошел в вагон, откуда понеслись те же его крики. Из противоположной двери, как паста из тубика, выдавливались люди. Появившись из второй двери, он широким жестом пригласил нас на посадку. Мы заняли головную часть опустевшего вагона, свободно расположившись по его секциям. После этого старшина приступил к допуску гражданских пассажиров. В первую очередь, это были пассажиры с детьми, затем женщины и, в последнюю очередь, мужчины, но без мешков и других громоздких вещей. Гражданские заняли тыловую часть вагона. Закончив посадку, старшина дал команду машинисту на отправку.

Поезд останавливался на всех станциях, и постепенно вагон заполнялся. Но невидимая граница между гражданской и воинской частями вагона оставалась нерушимой. На одной из станций в вагон впорхнули две молоденькие девушки. Не найдя мест в «гражданской» части вагона, одна из них робко подошла к нам.

— Може ли до вас, панове?

— Проше пани, — сделал широкий жест Гутман, израсходовав вероятно, 100% своего польского словарного запаса. Однако, к его разочарованию, одна из девчонок села рядом со мной, другая — рядом с Семеном.

На кошмарной смеси польского, русского и украинского (впоследствии на этом удивительном славянском эсперанто, который я постараюсь воспроизводить по памяти, шло общение с встречающимися поляками) мы выяснили, что они — студентки медицинского колледжа, едущие домой на время каких-то религиозных праздников. Еще через несколько остановок в вагон ввалилась группа подвыпивших солдат во главе со старшим сержантом. Моя сосед-

ка испуганно схватила меня под руку и прижалась к моему плечу. То же сделала сидевшая рядом с Сенькой. Подойдя к нашей секции вагона, сержант остановился. Покачиваясь с носка на пятку, ткнул пальцем в сторону моей соседки:

— Твоя, что ли?

— Моя, — как можно тверже ответил я.

— Ну ладно, бери, — заключил он и проследовал со своими солдатами в следующий вагон.

Опасность миновала, но мою руку девушка не отпустила. Уже темнело. Освещения в вагоне не было. И в сумерках головка моей соседки начала то и дало падать на мое плечо, цепляясь волосами за сиротливую звездочку на моем погоне. Тогда я отстегнул пуговицу и снял погон.

— Пан всем девушкам так робит? — кокетливо спросила девчонка, вогнав меня в густую краску, которую в темноте, к счастью, никто не увидел. Через несколько остановок наши спутницы вышли, одарив нас с Сенькой на прощание поцелуем в щечку.

На следующий день поезд прибыл в Познань. Здесь нам снова предстояло пройти пешком через весь город на его западную окраину и ловить попутную машину, идущую на запад.

Познань, по крайней мере ее центр, не сильно пострадала от войны. Если бы не слишком большое количество польских офицеров, затянутых в хорошо подогнанные мундиры, позвякивающих шпорами на блестяще вычищенных сапогах, можно было вообще принять Познань за вполне мирный город. Мы, в своих помятых шинелях и запыленных кирзовых сапогах, с «сидорами» за плечами, явно выбивались из общей картины и поспешили покинуть центральную улицу.

Выйдя на трассу, ведущую на запад, мы натолкнулись на столь необходимый продпункт. Но это была не невзрачная каптерка, как

на варшавском вокзале, а настоящая столовая. Под натянутым брезентовым тентом стояли, правда, прямо на асфальте, настоящие столы и стулья. Мы присели за один из столиков, на котором нас привлекла белая фарфоровая миска, полная ломтями свежего черного хлеба. Тотчас же к нам подошла официантка в солдатской форме с погонями рядового.

— Горячий кулеш будете?

— Будем! — хором ответили мы, а я еще робко добавил: А сколько кусочков хлеба можно брать? — Глаза солдата-официантки подозрительно заблестели:

— Кушайте, мальчики, кушайте, сколько хотите, я еще принесу. — Голос ее сорвался и, резко отвернувшись, она убежала накухню.

— Чёй-то она? — удивился я.

— Ты что, дурной, не понимаешь — оборвал меня Гутман.

— Так я же ничего...

— Ты-то ничаво, — передразнил меня Илья, да она то чаво... Она ведь не знает, что мы переводчики. Зато знает, сколько живет на фронте младший лейтенант — командир взвода.

Отяжелев от забытого ощущения сытости после двух тарелок густого кулеша и опустошенной миски хлеба, мы с трудом выбрались из-за стола и поплелись на перекресток. Там на небольшом круглом деревянном постаменте лихо крутилась девчонка-регулирущица с перекинутым через спину карабином и, виртуозно манипулируя флажками, направляла движение проходящей военной техники. При этом она успевала, согласно инструкции, бросать ладошку в воинском приветствии к своей пилотке, каким-то чудом державшейся на ее пышных волосах. Узнав наше направление, она отправила нас на обочину, пообещав позвать, как только отловит попутную машину.

Ждать долго не пришлось. Уступив «пожилому» Гутману место в кабине шофера полуторки, порожняком идущей в нашем направлении, мы с Сенькой залезли в кузов.

Стало темнеть. Шофер свернул с шоссе на боковую дорожку и остановился перед группой фанерных домиков, напоминавших нашу турбазу или пионерский лагерь.

— Ночью не поедем, — безапелляционно заявил он. В темноте ни весть на кого нарвешься.

Очевидно, он был здесь не первый раз, так как, забрав из кабины винтовку, он уверенно провел нас через решетчатую калитку к одному из домиков, открыл незапертую дверь и зажег огарок свечи на столе. В небольшой комнатке по стенам стояли четыре двухэтажных кровати, стол со свечой и несколько стульев. На правах бывалого фронтовика он всучил мне винтовку и назначил в первую смену караула.

— Через два часа разбудишь кого-нибудь из своих. Меня не трогайте, а то как бы, часом, не заснуть днем за рулем.

Я открыл затвор. Магазин был пуст.

— А патроны?

— Да зачем тебе патроны. У ней все равно боек скошен, по капсулю не попадает.

— Так зачем ты ее с собой таскаешь?

— Дак ведь она за мной числится.

— Почему же не отремонтируешь или не заменишь?

— Да так, все руки не доходят. А потом, если на немцев наткнешься, то хоть с бойком, хоть без бойка, все равно не отобьешься.

Против такой логики возразить было нечего. Прислонив наше «грозное» оружие к стене, я сел около окна.

— Куда сел! — зашипел на меня Гутман. Отойди от окна и свечку погаси.

Ни у кого из нас часов не было, а у шофера спросить не успели, как он уже засопел. Поэтому определить, прошло ли два часа, я не мог. И разбудил Семена, когда уже с трудом раздирали слипающиеся глаза, а подбородок то и дело падал на грудь. Когда рассвело, нас всех разбудил Илья, и мы снова загрузились в нашу полуторку. На одном из перекрестков водитель остановился.

— Извините, ребята, мне тут налево, а вам прямо. Здесь уже недалеко, минут за пятнадцать дойдете.

И действительно, вскоре мы остановились у шлагбаума, предъявили наши предписания и прошли на территорию штаба 1-го Белорусского фронта. Там нас встретили вияковцы, прилетевшие самолетом. Они отвели нас к начальнику следственной части разведотдела штаба.

— Сегодня отдыхайте, а завтра с утра ко мне за назначениями, — отпустил нас подполковник.

Назавтра нас распределили по штабам армий. Мне, видимо из-за моей фамилии, досталась Первая польская.

— Двигайтесь на Ландсберг, — сказал подполковник. Там должен стоять штаб армии. Ищите указатель на «Хозяйство Домарацкого».

На выходе из штаба меня подхватил выезжавший на машине переводчик немецкого, будущий известный литературовед Лев Безыменский. Высадив меня на одном из перекрестков, он указал мне направление.

Ближайшие тылы наших войск в эти дни выглядели живописно. Обочины были забиты немецкими беженцами, очевидно возвращавшимися по домам после неудачной попытки уйти с германскими войсками на запад. Между ними — под кустарно изготовленными национальными флагами — шли группы освобожденных

узников немецких концлагерей, военнопленных и рабочих, угнанных в Германию из различных стран Европы. Между ними противилась советская военная техника вторых эшелонов. Над всей этой людской массой по низкому серому небу волна за волной летели на запад к линии фронта наши самолеты.

Голосовать попутным машинам было бессмысленно. Их скорость из-за запруженной дороги была не намного выше пешехода. Но чем ближе к линии фронта, тем меньше становилось беженцев и бывших узников. В конце концов их вообще не стало. По дороге шла только военная техника. Последней мне попала седая старуха, вся в черном, как-то безнадежно сидевшая на обочине шоссе.

Наконец я увидел указатель на Ландсберг и свернул с шоссе на боковую, тоже асфальтированную дорогу. На ней было свободно. Чем дальше я шел по ней, тем пустыннее она становилась. Подходя к крутому повороту, который, как я думал, уже выведет меня к городу, я вдруг увидел выходящую из-за него колонну немецкой пехоты.

Оцепенев от страха, я застыл посреди дороги. Вся моя жизнь, как утверждалось в книгах, должна была промелькнуть перед моими глазами. Но не промелькнула. Единственной мыслью, которая пронзила меня, была: «Вот и всё...».

От колонны отделился офицер и, подбежав ко мне, отдал честь и спросил «руссише комендатур?». Только тогда я заметил, что колонна не шагает в ногу, а шаркает сапогами по асфальту, с винтовками и автоматами, уныло свешивающимися на ремнях стволами вниз. Они шли сдаваться в плен! Офицер еще раз повторил свой вопрос, на что я махнул рукой в сторону, откуда пришел. Видимо, поняв мое состояние, еще раз козырнув, он побежал в голову своей колонны. А я на ватных ногах продолжил свой путь.

В Ландсберге штаба не оказалось. Он уже перебазировался в город Науэн. Куда меня и направили. Из Ландсберга я опять пошел кратчайшей дорогой, ведущей к Науэну, проходившей вдали от главной оживленной магистрали. Теперь уж, был уверен я, колонны сдающихся в плен немцев меня не напугают... Пройдя несколько километров, я увидел несущейся навстречу на огромной скорости «Студебеккер». Отойдя на обочину, я пропускал летящий грузовик. Но тот неожиданно резко затормозил около меня. Из кабины выскочил целый генерал.

— Куда, лейтенант!! — заорал он. Там немцы! Немедленно в кузов!!

Не помню, как я перелетел через высоченный борт «Студебеккера». (Так же однажды в детстве, убегая от дворника, гнавшегося за мной с метлой, по крышам сараев, тянувшихся между нашим двором и двором 32-й школы, я взлетел на кирпичную стенку, на которую потом ни разу не смог забраться). Не успел я шлепнуться на дно кузова, как машина рванула с места и понеслась, съедая все километры пройденные мною. Выскочив на главную дорогу, по которой шла наша техника, генерал вышел на подножку и уже спокойно спросил:

— Ты куда шел, лейтенант? — Интересно, что все старшие офицеры никогда не называли меня по моему полному званию — «младший лейтенант».

— Так вот, иди по главной дороге до указателя на Науэн. Дальше будет, зато, наверное, живым дойдешь, — ободрил он меня и умчался по своим делам.

Проблема была в том, что наши передовые части не задерживались для уничтожения всех опорных пунктов обороны немцев, а обходили их, продолжая продвигаться вперед, стремясь как мож-

но скорее выйти к Берлину. Одни из остававшихся в нашем тылу немецких подразделений и даже целых боеспособных частей, как встреченная мною колонна, сдавались в плен, другие стремились пробиться через линию фронта и уйти на запад.

Последовав совету генерала, я опять пошел по главной дороге, посматривая по сторонам в поисках указателя на Науэн. Через некоторое время сзади послышался шум моторов. Меня догоняли три лодки-амфибии — этакие жестяные корыта на четырех колесах, предназначенные для форсирования водных преград. Я поднял руку. Сидевший в первой машине старший лейтенант на мою просьбу подвести до Науэна ответил:

— Извини, не могу, я в передовом дозоре. Подожди главную колонну. Они тебя подхватят.

И действительно, через несколько минут меня догнала основная колонна. Командир батальона амфибий, майор, разрешил мне сесть в его машину. Когда колонна амфибий приближалась к еловому лесу, который тянулся по обе стороны уходившей в него дороги, на опушку выскочила одна из машин передового дозора. Затормозив перед головной машиной комбата, выскочивший из нее сержант выпалил:

— Товарищ майор, там немцы, танки, пехота!

— Где там? Сколько?

— Там, за лесом. Сколько — не знаю, но много. Мы с ними столкнулись прямо на выезде из леса. Танки сразу подбили двух наших. — И он стянул с головы пилотку.

— К бою! Занять оборону! Водителям отвести машины в тыл! — закричал комбат.

Выскочившие из машин бойцы залегли цепью по обеим сторонам дороги. Водители задним ходом отвели амфибии подальше и тоже

влились в цепь. А комбат кого-то настойчиво вызывал по рации. Я еще раз недобрым словом помянул тех, кто отправил нас на фронт без оружия, и спрятался за толстым деревом справа от дороги немного позади цепи.

Среди редколесья на опушке замелькали немецкие солдаты. Увидев нашу цепь, они тоже залегли, не пытаясь атаковать. Танки, к счастью, не появились. Вряд ли саперы, вооруженные только стрелковым оружием, смогли бы их остановить. Завязавшаяся вяловатая перестрелка продолжалась минут 15–20. Убедившись, что наши тоже не намерены идти в атаку, немцы, короткими перебежками отошли в глубь леса. Комбат не стал их преследовать, а лишь послал двух солдат посмотреть, что там в лесу. Вернувшись, разведчики доложили, что немцы ушли, их нигде нет. Очевидно, это был только небольшой заградотряд с задачей перекрыть дорогу и обеспечить прохождение вдоль леса главной колонны. Убедившись, что наши саперы не представляют серьезной опасности, заградотряд растворился в лесу, догоняя свою колонну.

— Ничего, — произнес комбат. — Далеко не уйдут. Я их координаты сообщил по рации. Авиация накроет.

Поручив старшине со своим экипажем заняться подбитыми машинами и позаботиться о погибших, он приказал возобновить движение.

Спасибо тебе, незнакомый старший лейтенант, что не взял меня в свою машину. И вечная тебе от меня память.

Как и обещал, комбат высадил меня прямо около указателя — НАУЭН. К счастью, городок располагался всего в 150–200 метрах от шоссе, и мне не пришлось снова одному идти по безлюдной боковой дороге. В сам город я вошел уже в сумерках. Науэн война обошла стороной. Двух–трехэтажные дома, тянувшиеся вдоль улицы,

были целёхоньки. В окнах — ни одного огонька. Зато из каждого, как и во всех пройденных мною городах, свисали белые простыни. На центральной площади, в отдельно стоящем особняке, на первом этаже я увидел освещенное окно. У входа в дом стоял часовой в польской военной форме. Он без лишних вопросов пропустил меня в дом. Наконец-то, подумал я, закончились мои мучения, но ошибся.

В большой комнате, за столом перед горящим камином, сидело несколько польских офицеров. Однако это было не «хозяйство Домарацкого», которое, уже перебазировалось в город Ринов.

— Переночуете здесь, лейтенант, а завтра доберетесь до Ринова. Здесь недалеко.

Старший из офицеров приказал солдату повесить мою вымокшую шинель у камина и пригласил меня за стол. Передо мной поставили тарелку с большим ломтем свежего хлеба, банку шпрот и, видимо, потому что я здорово промерз и усиленно растирал себя руками, еще и полный стакан чистого спирта. До сих пор мои опыты с алкоголем ограничивались сладким легким крымским вином. Но нельзя же было уронить честь советского офицера! И я, затаив дух, залпом выпил почти весь стакан и остался сидеть, как рыба, выброшенная на берег, пытаюсь безуспешно выдохнуть или вдохнуть воздуха. Сидевший слева от меня офицер, прямо в глотку вставил мне свою фляжку с водой. Отдышавшись, я приготовился подцепить золотистую шпротину, но в этот момент стол и пол почему-то встали вертикально, бросились на меня, и все заволочло мраком.

Проснулся я, когда было уже совсем светло. Я лежал на кровати, заботливо укрытый просохшей шинелью. Сидевший рядом солдат рассказал, что утром за панамы офицерами прислали грузовик. Меня разбудить не смогли, поэтому положили в кузов и подвезли

до деревушки поближе к Ринову. Здесь меня и оставили под присмотром этого солдата.

На улице солдат остановил проезжавшую машину и попросил тоже польского водителя отвезти меня в «хозяйство Домарацкого». Уже через полчаса я докладывал «хозяину хозяйства», начальнику разведотдела штаба Первой полькой армии, что «прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы».

Службы для меня в данный момент не было, и полковник поручил переводчику с немецкого, хорунжему (младший офицерский чин в польской армии) Ваксу обустроить меня в соседнем доме. Пан Вакс, малосимпатичный толстяк, с надменным видом отвел меня на второй этаж прилегающего к помещению штаба дома, в комнату рядом с той, в которой жил сам.

Обустроившись, я вышел на улицу, где увидел, как двое солдат тащили куда-то одетого в немецкую военную форму мальчишку лет четырнадцати–пятнадцати. Третий солдат пытался оторвать от него вцепившуюся в его френч женщину, видимо мать. Наконец, ему это удалось. Женщина упала на землю лицом вниз и осталась лежать. Несмотря на драматизм, эта сцена оставила меня равнодушным — слишком велика была ненависть ко всему немецкому.

В самом конце апреля передовые части Первой польской провались к Эльбе на узком участке. Этим утром ко мне явился посылный, объявивший, что меня вызывает полковник. Я как раз сел бриться. Наскоро доскоблив лицо, я натянул гимнастерку и скатился по лестнице. Полковник уже ждал меня около «Виллиса» — небольшого, верткого, открытого американского внедорожника, выкрашенного в защитный цвет. Критически посмотрев на мою физиономию и, очевидно, согласившись, что на встречу с союзни-

ками не следовало ехать небритым, он не сделал мне замечания за задержку. Быстро проскочив по очищенному от немцев коридору, мы подъехали к берегу. На воде нас уже ждала моторная лодка, которая перевезла нас на противоположный берег, где стояла 102-я американская пехотная дивизия.

Торжественной встречи союзников, как показывали в советской кинохронике, на нашем участке фронта не произошло. Причиной тому было то, что американцы, как и англичане, не признавали Польского комитета национального освобождения в качестве легитимной польской власти. Следовательно, и Первая армия Войска Польского не была их союзником. Нас встретил патруль из двух солдат во главе с сержантом. Я перевел ему слова моего полковника, что мы хотим видеть офицера. Патруль провел нас по крутой тропинке на высокий берег реки, где нас встретил американский капитан. На заявление, что мы хотели бы встретиться с командованием дивизии, он пригласил нас на свой командный пункт в небольшом домике недалеко от реки и по полковому телефону, как я понял, связался со штабом своего полка. Оттуда просили подождать, пока они свяжутся со штабом дивизии.

В окна командного пункта то и дело заглядывали любопытствующие американцы. Одного из них капитан поманил к себе. Им оказался американец польского происхождения, прекрасно говоривший по-польски. Капитан через него обращался к полковнику, который, то ли из принципа, то ли из-за слабого знания польского отвечал ему по-русски через меня.

Прошло довольно много времени, пока из штаба полка капитану сообщили, что командование дивизии встретиться с нами не сможет, потому что они все вызваны в вышестоящий штаб на совещание и неизвестно когда вернутся.

Поблагодарив капитана за гостеприимство, мы пошли на выход. Он проводил нас до порога и направил для сопровождения тех же патрульных. По дороге к берегу мы проходили мимо большой группы женщин. Это были «остарбайтеры», которых американцы освободили от их немецких владельцев. Они настороженно наблюдали за нами. Вдруг одна из них, показав в мою сторону (я был в советской форме), крикнула:

— Дывись, дивчата! Звездочка, червона звездочка! — И вся толпа бросилась ко мне. Наверное, поначалу их смущали мои погоны. Видеть их они могли только на плечах белогвардейских офицеров в советских довоенных фильмах. Смеясь и плача, они окружили меня, хватали за руки, гладили по спине, прося поскорее забрать их отсюда домой. В полной растерянности и сам чуть не плача я крикнул:

— Что делать, товарищ полковник?!

— Ничего мы не можем делать, — сорвавшимся голосом ответил он. — Пошли скорее отсюда! — и быстрым шагом почти побежал к спуску к реке.

Всю обратную дорогу мы не проронили ни слова. Я понимал, как ему, советскому офицеру, одетому в чужую форму, было обидно все происшедшее: от холодного приема со стороны американцев до реакции советских женщин.

На следующий день с отрядом из полутора десятков солдат меня отправили поближе к Эльбе, на хутор, стоявший в том самом коридоре, через который мы накануне проезжали к американцам. То ли полковник считал, что американцы могут одуматься и постараться возобновить контакт, то ли просто для того, чтобы я не болтался без дела под ногами у офицеров штаба армии.

Хотя я был в отряде старшим по званию и единственным офицером, я не претендовал на командование им, по умолчанию уступив эту роль капралу. Это был бывший жандарм, здоровенный детина двухметрового роста, с узким лбом и тяжелой квадратной челюстью, весь обвешанный оружием. Поперек груди на шее у него висел немецкий «шмайсер», на пояском ремне, на левом бедре — «парабеллум», справа — большой штык-нож и два запасных рожка к автомату. С кисти правой руки свисала плетеная ременная плетка. Солдат он разместил на первом этаже хуторского дома, мне выделил отдельную комнату на втором этаже.

Потянулись дни безделья, которым наслаждались солдаты и от которого изнывал я. Американцы никакого желания к возобновлению контактов не проявляли. Они безучастно стояли на своем берегу, не желая оказывать польским войскам помощи в борьбе с немцами. Единственной работой для нашего отряда стал прием пленных немцев, которых приводили к нам из частей, продолжавших бои за выход к Эльбе справа и слева от нашего коридора. Принимал пленных капрал. Построив их гуськом возле входа в большой сарай, где хранилось сено и хозяйственный инвентарь, он пересчитывал их, награждая каждого, как ему казалось, легким подзатыльником. Получив его, пленный кубарем летел в дверь сарая и быстро на четвереньках отползал вглубь. Просчитав всех, капрал подпирает дверь большим деревянным колом и садился слева от двери в большое кресло, принесенное солдатами из дома. Думаю, он мог вообще не закрывать дверь. Никто из пленных больше не рискнул бы встретиться с этим орангутангом. На ночь он ставил у сарая часовых. Утром формировал из пленных колонну и отправлял под конвоем в тыл.

Немцы на фронте перед нашей Первой польской упорно сопротивлялись, прикрывая отход к Эльбе и переправу своих главных сил

на американский берег. Все же к 6–7 мая наши части вышли к реке на всем фронте. Бои затихли. Последнюю группу пленных нам доставили днем 8 мая. А ночью восьмого позади нас, в расположении штаба армии, поднялась беспорядочная стрельба. В небо взлетали ракета за ракетой. Воздух чертили трассирующие пули... Стрельба и ракеты, и какое-то багровое зарево постепенно растекалось вправо и влево вдоль всей линии фронта. Не понимая, в чем дело, капрал приказал занять оборону в окопах, отрытых еще немцами, оборонявшимися хутор в апреле. Постепенно стрельба затихла. Но капрал не разрешил покидать окопы и велел солдатам находиться в боевой готовности. Я, как и все, послушно выполнял его распоряжения, и продремал до утра, прислонясь к стенке окопа.

Когда рассвело, капрал перевел солдат в дом, выставил охрану вокруг хутора и попросил у меня разрешения поставить двух наблюдателей на моем втором этаже. Я тоже поднялся к себе и досыпал уже на кровати.

День 9 мая прошел спокойно. Когда уже стемнело, на дороге, ведущей к нашему хутору, появилась машина, идущая с полным светом фар.

— Стой! Гаси свет, стрелять буду! — закричал наш часовой.

Машина остановилась и выключила фары. Оттуда донеслось:

— Чего стрелять-то, уже второй день как война кончилась. — Видно, в штабе на радостях о нас просто забыли.

Так пришла к нам Победа!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1945 - 1955

В ГЕРМАНИИ

Так в наш передовой отряд пришло сообщение о Победе! Когда после салюта из всех наличных стволов в отряде иссякли боеприпасы, капрал приказал разжечь большой костер. Из дома притащили стол. Капрал вывалил на него все наши продовольственные запасы, во главу стола поставил алюминиевый бидон из-под молока со спиртом, и начался пир. В эту ночь мы «приняли на грудь» явно больше нормы. Помню, что я лез к себе на второй этаж на четвереньках. Позади тоже на четвереньках полз капрал, подталкивая меня головой в зад.

Проснулся я лежа поперек кровати в одном сапоге. Рядом на полу, обняв мой второй сапог, спал верный капрал. После выпитого спирта и соленого сала, которым закусывали, страшно хотелось пить. Прошлепав к окну, где стоял графин с водой, я выпил целую кружку и снова опьянев, свалился на кровать, сбросил второй сапог и опять заснул.

Когда я проснулся второй раз, капрала в комнате уже не было. Оба моих сапога стояли как в казарме — выровненные в ногах кровати. Спустившись во двор, я застал несколько солдат, которые затракали остатками вчерашнего пиршества. Взволнованный капрал подошел ко мне и прошептал на ухо, что не может отправить оставшихся пленных в штаб, так как для конвойных не осталось ни одного патрона.

— Ничего, — успокоил я его. — Ведь немцы об этом не знают. Так что отправляйте как обычно.

Повеселевший от того, что переложил решение на меня, капрал выстроил последних пленных в колонну и отправил под конвоем двух автоматчиков с пустыми дисками. И тут меня будто током ударило: ведь вчера ночью у сарая с пленными, дверь которого была подперта лишь деревянным колом, капрал забыл выставить часовых! Немцам не составляло труда освободиться и разбежаться, или того хуже, вырезать весь наш спавший мертвецким сном отряд! Но, по-видимому, они, с детства приученные к немецкому “ordnung”, и помыслить не могли, что их оставили без охраны.

К вечеру за нами прислали грузовик, и мы навсегда распрощались с нашим хутором. А еще через несколько дней вообще с Эльбой. Нашу армию отвели в глубь восточной Германии, сменив польские войска советскими.

По пути к новому месту дислокации на одной из первых остановок случилось происшествие, о котором я до сих пор предпочитал никому не рассказывать. На улице небольшого городка ко мне бросилась пожилая немка с криком почему-то на английском:

— Господин офицер! Помогите! Они насилуют моих дочерей!!

Один из польских унтер-офицеров из группы, наблюдавшей за этой сценой, на чистом русском крикнул мне:

— Товарищ младший лейтенант, да бросьте вы ее! Вспомните, что они творили у вас и у нас!

И я вспомнил. Вырвал рукав гимнастерки из рук этой женщины и пошел своей дорогой. Не знаю, смог ли бы я тогда помочь ей и остановить насильников. Но ведь я и не попытался. Теперь, когда я вспоминаю этот эпизод, на душе у меня скребут кошки. Но тогда,

как и в случае с мальчишкой-солдатом в первый день пребывания в штабе армии, я остался равнодушным к мольбе той женщины.

На новом месте дислокации штаб армии разместили в обезлюдевшей деревушке, а строевые части в населенных пунктах вокруг. Здесь армии предстояло пробыть до того, когда она будет готова к переброске в Польшу. Необходимость такой подготовки была связана с тем, что если рядовой и унтер-офицерский состав армии был сформирован из коренных поляков, то поляков-офицеров в ней катастрофически не хватало.

Из числа польских офицеров, которые после разгрома вооруженных сил Польши немцами в сентябре 1939 года, стремясь избежать германского плена, без сопротивления сдались Красной армии, часть была помещена в концентрационные лагеря в европейской части СССР. Другая часть отправлена в лагеря и на поселение в Сибирь и в Алтайский край. Те 20 тысяч, которые содержались в европейской части СССР, по предложению Берии, утвержденному лично Сталиным, были в 1940 году расстреляны войсками НКВД в Катынском лесу. Те, кто были в Сибири и Алтайском крае, избежали этой участи. Они практически поголовно вступили в печально известную польскую армию генерала Андерса.

Эта армия, по соглашению между правительством СССР и эмигрантским правительством Польши в Лондоне, формировалась из бывших польских военнопленных за Уралом в течение 1941–42 годов. Соглашение предусматривало, что по завершении формирования и подготовки армия Андерса поступит под командование Красной армии «для совместной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками». Однако, когда формирование, обучение и вооружение советским оружием и советской военной техникой этой стотысячной армии было завершено, ее командование отказалось

выступить на советско-германский фронт и потребовало, чтобы армию пропустили в Иран на соединение с английскими войсками, оккупировавшими южную часть Ирана. Северную его часть занимали советские войска, чтобы предотвратить возможный прорыв германских войск из Северной Африки в Центральную Азию.

Это требование поддержал тогдашний английский премьер Черчилль. Как стало известно позже, он с самого начала замыслил эту комбинацию. Недаром он заранее снабдил эту польскую армию английским военным обмундированием. Черчилля поддерживали США. Со специальным посланием к Сталину обратился Рузвельт. Сталин был вынужден согласиться, но предательства не простил. Не исключено, что это тоже сыграло свою роль в печальной судьбе варшавского восстания в 1944 году. Армия Андерса ушла в Иран, откуда ее перебросили на помощь английским войскам, воевавшим в Северной Африке с германским экспедиционным корпусом. С ней ушли почти все офицеры-поляки.

Таким образом, когда в 1943 году уже по соглашению с просоветским правительством Польши — Комитетом национального освобождения — формировалась Первая армия Войска Польского, среди бывших польских военнопленных практически не оставалось офицеров-поляков. На командные должности, особенно старшие и штабные, пришлось назначать советских офицеров, которых подбирали, по возможности, с фамилиями, звучавшими по-польски.

Теперь, во время стоянки в глубинке Германии перед переброской армии в Польшу, предстояло обучить их польскому языку, польской военной шагистике, основам истории, географии, культуры, традициям Польши. Ходили слухи, что нам придется отслужить

в Польше не менее пяти лет, пока не будет подготовлен новый польский офицерский корпус.

В первую очередь начались занятия по польскому языку и польской строевой подготовке. Условия жизни в этой обезлюдившей немецкой деревушке были отвратительными. Главное — в деревенских колодцах на такое количество военных не хватало воды. Воду выдавали по норме — хочешь, мойся, хочешь, пей. В офицерской столовой вода тоже шла по норме. Появились вши. Единственным источником ненормированной воды было расположенное в полутора километрах от деревни большое озеро. Но пить из него воду не разрешалось. Туда ходили лишь умываться и мыться до пояса, и то с осторожностью. Вся местность вокруг была изрыта окопами, много заминированных мест, все кругом загажено. Нередко можно было наткнуться на полуразложившиеся трупы немецких солдат, которые некому было убирать.

Но судьба и на этот раз отнеслась ко мне благосклонно. Чудесным солнечным июньским утром меня прямо с урока польского срочно вызвали в разведотдел. Перед входом меня остановил майор в советской военной форме:

— Вас срочно отзывают в штаб фронта. С вашим начальством уже все согласовано.

И он вручил мне напечатанную на листочке выписку из приказа по штабу Первой армии Войска Польского, которая гласила: “*Horunzhego Vladimerzhza Braginskego naznacham tlumachem otdzala wiwadzolego shtabu Pershei Armii Woiska Polskego*”.

— А вещи?

— Это все ваши вещи? — майор указал на заднее сидение «Виллиса», где лежали мой вещмешок и шинель. — Все? Тогда садитесь в машину.

Не уверен, что точно воспроизвел по-польски текст справки, так как, вместо того чтобы сдать ее в управление кадров Первого Белорусского фронта, я оставил ее себе на память. А потом вообще потерял. Из-за этого в моем личном деле оказался провал, и после демобилизации возникли проблемы с признанием меня участником ВОВ.

С того момента, когда я сел в «Виллис», учитывая незначительность моей персоны в армейских масштабах, события приобрели поистине фантастический характер. Майор доставил меня не куда-нибудь, а прямо в приемную начальника штаба Первого Белорусского фронта генерала армии В. Соколовского.

— Заходите, — сказал мне дежурный адъютант.

Открыв тяжеленную дубовую дверь, я очутился в огромном кабинете. За огромным письменным столом блестели золотом погоны генерала. Пытаясь чеканить строевой шаг по толстому шерстяному ковру своими кирзовыми сапогами, с правой подошвой, подвязанной кусочком медной проволоки, я доложил о «прибытии в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы».

Генерал вышел из-за стола, с любопытством обошел меня, оглядел с головы до ног и нажал кнопку вызова адъютанта.

— Это что за чучело?! Отмыть! Переодеть! И представить в наилучшем виде!

Адъютант выставил меня из высокого кабинета и поручил доставившему меня майору отвезти меня в АХО (административно-хозяйственный отдел штаба) и передать там приказ Соколовского «для немедленного исполнения».

Отмыв вековую грязь в настоящей ванне с горячей водой и душистым мылом, которых я не видел с отъезда из Москвы, за дверью ванной комнаты я обнаружил на табуретке аккуратную стопку:

чистое нижнее белье, носки, вместо моих заношенных портянок, габардиновую гимнастерку с золотистыми погонами, синие галифе с малиновым кантом. Рядом стояли, поблескивая жесткими бутылочными голенищами, немецкие офицерские, а может быть генеральские сапоги. Из моих старых вещей сохранились лишь фуражка и ремень с портупеей. Остальные исчезли в бездонных недрах АХО.

Все мне оказалось впору, кроме сапог, которые были маловаты. Но оторвать от сердца такую красоту я не смог и потом долго мучился в них, подкладывая под пятки разные приспособления.

В таком «наилучшем виде» майор, сопровождавший меня, представил меня, но уже не генералу армии, а лишь генерал-майору — начальнику Разведывательного управления штаба фронта — Трусову. Он, наконец, прояснил для меня предшествующую фантазмагорию событий.

— Через полтора часа, — взглянув на часы, сказал Трусов, — отправляетесь со мной в Западную Германию. Будем сопровождать группу крупных советских инженеров во главе с самим министром СССР И. Тевосяном для решения вопросов о репарациях. Пока идите пообедайте и быстренько собирайтесь в дорогу.

Поскольку собирать в дорогу мне было нечего и негде, я «быстренько» пообедал и к выходу Трусова из штаба уже стоял около его машины. Это был большой комфортабельный кабриолет «Хорьх». На таких машинах ездило все руководство Третьего Рейха. Вслед за Трусовым появилась группа старших офицеров с полевыми погонами майоров, подполковников и даже полковников. Одеты они были для такого ранга несколько странно: офицерские фуражки, сапоги и ремни, но солдатские хлопчатобумажные гимнастерки и бриджи, хотя и новенькие. Видимо, АХО все же решило

сэкономить, переодевая на время гражданских специалистов в военную форму.

Трусов сел на переднее сидение рядом с водителем, я с комфортом разместился на огромном заднем. Инженеры расселись по другим легковым машинам, охрана — по «Виллисам». Не успели мы тронуться с места, как из штаба выскочил капитан с криком:

— Подождите, подождите! — Подбежав к нашей машине, он обратился к Трусову: Товарищ генерал, возьмите, пригодятся. Они в Западной Германии еще ходят.

Сопровождавший его солдат поставил в машину большой деревянный ящик, доверху наполненный рейхсмарками, хождение которых в советской зоне оккупации было запрещено. Действительно, в Западной Германии они нам весьмагодились.

Было 7 июня 1945 года, когда около 17 часов мы пересекли границу английской зоны оккупации Германии около Магдебурга. Английские часовые отдали нам честь, взяв винтовки «на караул». Далее наш путь лежал в Рурскую область. Часам к девяти вечера въезжаем на окраину Ганновера. Трусов приказывает мне пересечь в «Виллис» и ехать в английскую комендатуру договариваться о ночлеге. Комендатуру, расспросив встречных английских военных, нахожу на центральной площади. В гостинице мест нет, и комендант посылает своего офицера в американский госпиталь, из которого уже эвакуированы больные и раненые, с просьбой принять нашу группу на ночлег. Американцы согласны. С английским офицером, который будет нас сопровождать, возвращаясь к ожидающей группе. Уже в полной темноте, почти в полночь въезжаем в ворота госпиталя, где нас встречает начальник госпиталя. С его помощью я разместил членов нашей группы по госпитальным

палатам. Американцы пригласили всех на ужин. После ужина меня спрашивают: будем ли мы завтракать перед отъездом. С одним из офицеров идем на кухню договариваться о завтраке. Но все мои попытки договориться с поварами оказываются безрезультатными. Они говорят на каком-то непонятном для меня диалекте. Пришедшему со мной офицеру приходится работать в качестве переводчика с моего английского на поварской диалект.

Наутро, поблагодарив американский персонал за гостеприимство, подарив начальнику госпиталя бутылку водки и несколько пачек советских, невиданных американцами папирос, трогаемся дальше. В город Гельзенкирхен, где для нас была выделена база размещения. Там, наконец, началась моя настоящая профессиональная служба.

Я ездил с инженерами по заводам, где они отбирали оборудование для отправки в СССР в счет репараций. Сопровождал Трусова на встречи и переговоры с английскими военными властями. Выполнял всяческие его поручения, контактируя с англичанами. Однажды, во время такой самостоятельной поездки, из-за моего мальчишества чуть не случилась неприятность. Впереди нашего «Виллиса» медленно пылила английская машина с двумя солдатами.

— Обгоняй, — сказал я своему водителю, что он и сделал.

Обогнав англичан, я созорничал, показав им «нос». Не знаю, что для них означал этот, по-нашему, шуточный жест, но через несколько минут на огромной скорости они нас обогнали, перекрыли дорогу. Вскочив из «джипа», солдаты с двух сторон направили на нас свои винтовки и потребовали документы.

— Уберите винтовки, — рявкнул я в ответ и вручил стоявшему с моей стороны солдату мандат на право поездки по английской зоне, отпечатанный на двух языках с гербовой печатью и подписью самого маршала Жукова. Тем инцидент и был исчерпан.

Погрузившись в такую языковую среду, я быстро стал набирать устную языковую практику и к концу месячного пребывания в английской зоне уже свободно болтал с англичанами на самые различные темы. Очевидно, у меня действительно были особые способности к языкам, как утверждал мой отец, который в детстве пытался учить меня французскому. После шестилетнего пребывания в Париже с родителями в политической эмиграции, он владел французским великолепно. К сожалению, из-за его постоянной занятости наши занятия носили лишь эпизодический характер и мало что мне дали.

Во время поездок на различные встречи Трусов почему-то вообразил, что наряду с английским языком в «вияке» нас должны были обучать и великосветскому этикету, и обращался ко мне за консультациями. В основном я справлялся с этой задачей, основываясь на семейных традициях, на прочитанной художественной литературе и здравом смысле. Но в двух случаях явно попал впросак.

В первый раз, когда за нами прислали для поездки на встречу «Виллис» и сопровождающего офицера.

— Куда мне садиться? — спросил Трусов.

Вспомнив из кинохроники, что наши партийные и советские бонзы всегда вылезали из задней правой дверцы, я предложил ему сесть на правое заднее сидение, не учитывая военного характера машины. Невысокий толстячок — Трусов — пыхтя, полез на заднее сидение, но англичанин остановил его.

— Господин генерал, вам будет удобнее спереди, а мы с лейтенантом заберемся назад.

Трусов с облегчением согласился, бросив на меня укоризненный взгляд.

Второй случай обернулся настоящей катастрофой. Нас пригласили на званый обед. Сервировка была соответствующей. Подали закуски.

— Чем начинать, — не поворачивая ко мне головы, процедил Трусов. А эти «гады» — англичане сидели и из вежливости ждали, когда приступят к еде гости. Я посоветовал начать с небольших вилки и ножа, лежавших с краю. И угадал. С бульоном проблем не было. Была только одна большая ложка. А с курицей, которую подали на второе, произошел полный провал. Я посоветовал:

— В левую руку — большую вилку, в правую — большой нож и отрезать по кусочкам.

Трусов с размаху всадил вилку в курицу и, видимо, попал в кость. Курица, хотя это была только ее половина, взвизгнула (а может быть, взвизгнула вилка о тарелку) и вылетела прямо на белоснежную скатерть. Подскачивший лакей ловко водрузил ее обратно. А сидевший напротив английский генерал с непроницаемым спокойствием посоветовал:

— Господин генерал, курицу удобнее есть руками.

И взяв свои полкурицы левой рукой, правой отломил ножку. Мой авторитет шефа дипломатического протокола рухнул.

Несмотря на этот провал, по возвращении из командировки, Трусов оставил меня на постоянную работу в штате Разведуправления штаба фронта, который к этому времени переименовали в штаб Группы советских оккупационных войск в Германии.

Поселили меня в роскошный особняк в городке Ведненшлосс, где я встретился со своими спасителями из польского «плена». Ими оказались преподаватели нашего института — английского языка лейтенант Тархов и французского — капитан Веселов. Их командировали из ВИИЯКА в качестве переводчиков Жукова на церемонию

подписания безоговорочной капитуляции Германии, после чего оставили на некоторое время поработать в штабе.

Когда возникла необходимость в переводчике с английского для поездки в Рурскую область, их попросили порекомендовать одного из присланных ранее на Первый Белорусский фронт пятерых слушателей «вияка». Из пяти, числившихся в списке, осталось трое: Семен Брычев погиб в конце апреля где-то под Берлином. Фанерный самолетик «У-2», на котором он летел на какое-то задание, был подбит. Летчик сумел благополучно посадить поврежденный самолет, но набежавшие немцы расстреляли их обоих. Куда и как пропал Илья Гутман, мне выяснить так и не удалось. Из оставшихся троих был почему-то выбран именно я. Скорее всего, Тархов и Веселов, учившиеся или преподававшие в ВИИЯКА перед войной, знали моего отца, преподававшего там два предвоенных года, и выбрали меня просто по знакомой фамилии.

На втором этаже особняка у каждого из нас была отдельная спальня. На первом этаже — большая гостиная-библиотека служила днем рабочим помещением, вечером — комнатой отдыха. Первое время после возвращения моя работа заключалась в письменных переводах трофейных документов. Наши переводчики с немецкого, старшие лейтенанты Рамадин и Казаков разбирали документы в немецком военном архиве. Материалы на английском и французском они переправляли нам. Я еще раз поблагодарил мою благосклонную судьбу за то, что эту работу мне выпало делать вместе с Тарховым. Без него я бы наверняка не справился с военными и военно-техническими документами, тем более что специального военно-технического словаря у нас не было. Тархов же прекрасно знал эту терминологию и служил мне вместо словаря. Иначе, мой переводческий авторитет у генерала Трусова рухнул бы с непредсказуемыми последствиями.

По окончании рабочего дня мы, как правило, собирались в гостиной-библиотеке. Иногда сидели за обеденным столом за бутылкой отборного французского вина, которое покупал в Военторге знаток и почитатель всего французского — Веселов. Иногда, сидя в мягких удобных креслах, читали книги из шкафов, занимавших все четыре стены комнаты. В них стояли книги не только на немецком, но и на других европейских языках.

Мои старшие коллеги пытались обучить меня несколько более интеллектуальным, чем «подкидной дурак», карточным играм. Но безуспешно. Тогда, забавы ради, они решили развлекаться, мистифицируя меня спиритическими сеансами. На столике для карточной игры ставилась свечка. Верхний свет выключался. Расстилался лист бумаги, разлинованный на русский алфавит. В центр листа клалось блюдечко. Все садились вокруг и клали пальцы на блюдечко. Сговорившиеся заранее, Тархов с Веселовым вызывали загробными голосами «дух» какой-нибудь исторической личности и, передвигая блюдце с буквы на букву, составляли какие-нибудь фразы, наслаждаясь моей недоверчиво-сомневающейся реакцией. Однажды вечером они предложили мне вызвать «дух» моей знакомой из педфака ВИИЯКА, с которой я переписывался. Я согласился. Движущееся блюдечко постепенно вычертило слова, которыми обычно заканчивались ее письма. Я был потрясен!

Но тут мои мистификаторы прокололись из-за своего нетерпения: еще не успели мы зажечь свет, как в комнату, без обычного стука и «разрешите войти» зашел солдат из хоззвзда, и вручил мне письмо. Развернув его, в конце я прочитал точно ту же формулировку, которую начертало блюдечко.

— Как не стыдно читать чужие письма!! — заорал я под гомерический хохот мистификаторов.

— Мы не читали, — сквозь смех еле вымолвил Тархов. Мы только отогнули краешек и посмотрели самый конец.

Действительно, письма, пересылавшиеся тогда через воинские полевые почты, принимались, по требованию военной цензуры, не в заклеиваемых конвертах, а сложенными особым способом, треугольником (ныне уже забытым). Отогнув нижний край, действительно, можно было увидеть конец письма. Тархов с Веселовым были прощены, но спиритические сеансы на этом завершились.

В течение довольно длительного времени на выезд «в поле» Трусов вызвал меня только один раз. Он решил лично проверить отвод американских войск за линию раздела Германии с части территории советской зоны оккупации, которую они заняли в ходе боевых действий.

— Они там, на путях выдвижения наших войск понаставили шпионских групп. Поедем, выгоним их, — поставил он задачу.

В самом деле, на шоссе, по которым должны были двигаться к границе американской зоны, занимая освобождаемую территорию, наши войска, мы несколько раз натыкались на стоявшие на обочинах военные американские машины с офицерами. Откровенно говоря, я не видел ничего страшного в том, чтобы они посмотрели на наши проходившие войска. Но приказ есть приказ. Когда мы подъезжали к такому посту, Трусов оставался в своем «Хорьхе», солдаты охраны не вылезали из «Виллиса». Я же подходил к американцам и задавал один и тот же вопрос: что они делают в советской зоне и почему не уехали вместе со своими войсками? И получал один и тот же ответ: они провозжали свои войска и сейчас отправляются в свою зону. Очистив, таким образом, пути продвижения наших войск, мы вернулись домой.

После того, как был закончен отвод союзных и советских войск с занятых ими в ходе боев территорий, входивших по соглашению

в соответствующие оккупационные зоны, наступил черед раздела на оккупационные секторы Берлина. Город был разделен на советский, английский и американский секторы. Англичане и американцы получили право разместить в свои секторы гарнизоны. Первыми воспользовались своим правом англичане.

Для встречи их войск на границе английской зоны и проводки их по шоссейной дороге, выделенной союзникам для связи с Берлином, выехал один из офицеров управления, охрана, и я в качестве переводчика. Встретив на границе английской зоны английский военный конвой, мы встали во главе и, выведя на выделенную трассу, повели в Берлин. Когда до города оставалось приблизительно 10 километров, нас нагнал английский офицер и попросил остановиться, так как пришло время пить кофе.

— До Берлина всего 10 километров, — перевел я слова моего начальника. — Там и попьете.

— Никак невозможно, — ответил англичанин. — Время кофепейки.

И развернув свой «джип», вернулся к своей уже остановившейся колонне. Нам ничего не оставалось, как ждать. На кофе нас не пригласили.

Доставив англичан в их расположение, мы холодно попрощались и отбыли восвояси.

Через пару дней встречать американские войска послали уже только меня с двумя автоматчиками. На границе меня встретил американский офицер и попросил переехать на американскую сторону, где со мной хотел бы побеседовать господин Мёрфи — американский дипломат, сопровождающий американский гарнизон. Я подошел к дежурному офицеру на КПП и передал ему просьбу американцев. Он потребовал у меня документы. Я передал ему

удостоверение личности и командировочное предписание. Офицеры нашего управления часто выезжали в различные командировки, поэтому наша канцелярия размножила на ротапринте стандартный бланк, куда оставалось только вписать фамилию и звание командируемого, поставить гербовую печать и факсимиле подписи Трусова. Цель командировки тоже была записана стандартно: «предъявитель сего направляется на выполнение особого задания. Всем военным властям оказывать необходимое содействие». Эта формулировка, подпись и печать Разведывательного управления штаба ГСОВГ производили оглушающее впечатление на проверявших. Больше, как правило, никаких вопросов не следовало.

Не возникло вопросов и у дежурного на КПП офицера и меня с моей охраной беспрепятственно пропустили на американскую сторону. После непродолжительной беседы, в общем-то, ни о чем, с мистером Мёрфи, я поставил свой «Виллис» в голову американской военной колонны и повел ее на Берлин. Американцы кофе по пути не пили. Но когда мы прибыли в их расположение, пригласили меня на чашку кофе. Попили кофе, покурили, поболтали. Прощаясь, я заметил на столе экземпляр армейской газеты «Старз энд Страйпс» и спросил, нельзя ли мне взять ее для изучения американской военной терминологии?

— Ноу проблем, — ответили мои новые знакомые и вручили мне не только свежий экземпляр, но и два номера за прошедшие дни.

Когда я докладывал Трусову о выполнении его задания, он подробно расспросил о содержании моей беседы с Мёрфи и американскими офицерами, осмотрел полученные мною газеты и приказал сделать ему переводы заголовков всех статей и заметок и сдать газеты в Секретную часть управления. Вернувшись к себе, я засел за переводы. Просмотрев переводы, Трусов отметил статьи и замет-

ки, которые я должен был перевести полностью. После чего я сдал газеты в Секретную часть. На следующий день я получал мои газеты уже под расписку. На них почему-то стоял гриф «Секретно».

К сделанным мною переводам статей и заметок, отмеченных Трусовым, генерал отнесся со всей серьезностью. И поручил мне через несколько дней снова посетить моих американских знакомых, узнать, как они устроились и не нужна ли какая помощь.

— Не забудьте захватить газетки, — добавил он на прощание.

При первой встрече американские офицеры дали мне номер телефона, который стоял на столе одного из них. У меня телефона не было. Поэтому связь оставалась односторонней. Позвонив из кабинета заместителя Трусова, полковника Смыслова, я получил приглашение и через день снова пил кофе в штабе американского гарнизона. С этого дня наши встречи стали регулярными. До сих пор я не могу понять интереса американских офицеров к встречам и беседам со мной. Я не был носителем каких-либо военных или государственных секретов. Беседовали мы на самые разнообразные темы, но никогда не касались конкретных военных проблем. Возможно, американцы через меня сохраняли канал связи с нами. Иногда они передавали через меня некоторые просьбы к нашему командованию. То ли это было просто любопытство к человеку из другого мира?

Для офицеров нашего управления материалы, переводимые мною из этой небольшой по объему военной газеты, представляли серьезный профессиональный интерес. Например, там можно было найти сведения о размещении и передислокации американских войск в Германии с указанием номеров дивизий (не ниже) и фамилий их командиров. Были сообщения об отправке, отслуживших свой срок в Германии войск в США, номера дивизий, звания и фамилии командиров, прибывавших им на смену из-за океана. Находил

я и материалы о демобилизации рядовых и офицеров. Описал и практиковавшуюся в американской армии систему начисления военнослужащим баллов за продолжительность службы, получаемые награды и поощрения и т. п. Набравший определенное число баллов получал право на демобилизацию и отъезд домой за океан за казенный счет. Сообщали корреспонденты газеты о событиях, происшествиях и мероприятиях, происходивших в войсках, о настроениях среди военнослужащих.

Целая серия номеров газеты была посвящена борьбе американских военных за так называемую «фратернизацию». Поначалу американским военнослужащим было запрещено свободное общение с немецким гражданским населением. Против этого запрещения развернули борьбу молодые американские солдаты и офицеры. Конечно, их интересовало не вообще общение с местным населением, а общение с молодыми немецкими женщинами, оставшимися практически без мужского общества. Миллионы немцев погибли на фронтах, миллионы все еще находились в лагерях для военнопленных. Миллионы калек. Десятки тысяч все еще лежали по госпиталям... В поддержку американской военной молодежи выступили и обычные американские средства массовой информации в самих США. В результате эта кампания увенчалась успехом. Думаю, что снятие этого запрета немало поспособствовало развитию симпатий немцев к американцам.

В общем, из этой газеты я черпал сведения, которые у нас считались совершенно секретными. А американская военная цензура пропускала их публикацию беспрепятственно.

Тем временем наш штаб переместили из города Венденшлосс в уютный городок Уфаштадт. На его окраине находился целый квартал рабочих помещений, которые ранее занимала германская

киностудия. Их переоборудовали под служебные и общественные помещения нашего штаба. Жилой квартал, примыкавший к служебному, состоял из небольших одно–двухэтажных коттеджей, стоявших среди небольших садилов, окруженных металлической решетчатой оградой. С грустью я расставался с нашим обжитым особняком, тем более что наступило и время расставания с Тарховым и Веселовым, которых отозвали обратно в ВИИЯКА.

В Уфаштадте мне достался отдельный симпатичный небольшой коттедж — точная копия особняка, в котором жил Штирлиц в «17 мгновениях весны». По соседству стоял двухэтажный, в котором разместились три офицера-шифровальщика нашего управления: 18-летний младший лейтенант Володя, 20-летний лейтенант Костя и их начальник — капитан Николай, которому было уже под тридцать. С двумя моими сверстниками у нас сложилась дружная компания.

Вместо Тархова к нам прислали капитана Кирсанова. Он был прямо из ГУЛАГа, где отсидел более полутора лет. Его арест, судя по формулировке приговора «за связь с иностранцами», явно был просто местью какого-то его влиятельного недоброжелателя. Ведь «связь с иностранцами» была его профессиональной работой. В 1943–44 годах он работал военным переводчиком на советской военной авиационной базе на Чукотке, куда американские летчики пригоняли по ленд-лизу боевые самолеты, предназначенные для дальнейшей перегонки уже советскими летчиками на советско-германский фронт. Контакты с американскими летчиками и техническим американским персоналом, постоянно находившимися на базе, и были его работой. Приговор был отменен, его полностью реабилитировали. Но вся эта история наложила на него неизгладимый отпечаток. Он стал нелюдимым, ни с кем из нас не общался.

Пунктуально появлялся на рабочем месте и садился за переводы. На полевые выезды его не посылали. На обед ходил в одиночку, всегда садился за отдельный столик. По окончании рабочего времени также в одиночку ужинал и до утра скрывался в своем коттедже.

А вместо Веселова приехала третьекурсница из «вияка» — молодая, симпатичная Соня Шохина, все еще носившая курсантские красные с золотом погоны. Ее поселили на втором этаже «шифровального» коттеджа, и она, естественно, влилась в нашу молодежную компанию. Мы успешно обороняли ее от многочисленных поползновений наших штабных офицеров, тем более что Николай сразу же начал за ней ухаживать с самыми серьезными намерениями. Правда, длительное время Соня не отвечала ему взаимностью. Больше всех она симпатизировала мне. Позже она сказала мне, что если бы я был «хоть чуточку постарше» (летом 45-го мне еще не исполнилось даже восемнадцати, а ей было уже целых 23), «я бы тебя на себе женила». А так как «чуточку постарше» мне стать не удавалось, она относилась ко мне, как к своей подруге.

Например, она зазывала меня к себе, чтобы продемонстрировать новые туфли или платья, купленные в Военторге, и при этом, не стесняясь, переодевалась прямо при мне. Однажды она вышла из ванной прямо в невиданном не только мною, но, наверное, и ею самой, изящном и весьма сексуальном нижнем белье и, несмотря на мое, правда откровенно фальшиво звучащее «возмущение», продолжала вертеться перед зеркалом и требовать от меня оценки того, как она выглядит. Часто в свободное время мы часами беседовали в ее комнате на втором этаже. Однажды, заговорившись, мы спохватились, что уже два часа ночи. Спускаться на первый этаж, чтобы выйти через, наверное, уже запертую входную дверь,

я не рискнул, боясь разбудить Николая. Оставалось выпрыгнуть из окна. Второй этаж был невысокий, но приземлился я неудачно. Правая нога подвернулась на кирпичках бордюра вокруг цветочной клумбы. С трудом доковылял до своего дома. Назавтра нога опухла так, что невозможно было надеть сапог. В санчасти определили разрыв связок, наложили фиксирующую повязку, и почти две недели я ходил в одном сапоге, привязывая к правой ноге домашний тапочек.

Однажды в конце рабочего дня в нашу рабочую комнату переводчиков влетел сам Трусов. Не обращая внимания на вытиснувшихся перед ним сотрудников, он махнул мне рукой:

— Давай, быстрее, Жуков вызывает!

И буквально вылетел из комнаты. Попросив Соню убрать мои рабочие бумаги, я выскочил за ним. У выхода стояла его машина и через несколько минут мы въехали в особо охраняемый периметр, где работал и жил маршал Жуков. Охрана, очевидно, знала Трусова, и мы добежали до приемной маршала без задержек. Трусов толкнул меня в спину к двери его кабинета, а сам остался в приемной.

Жуков досадливо отмахнулся от моей попытки по уставу доложить о прибытии «по вашему приказанию» и указал на стул у приставного к его письменному столу столика. Напротив меня сидел ни кто иной, как Главнокомандующий британскими войсками фельдмаршал Монтгомери со своим офицером-переводчиком.

— Переводите, — начал Жуков.

Но тут вмешался Монтгомери и предложил, чтобы Жукова на английский переводил его переводчик, а я — Монтгомери на русский. Это было разумно. Мне было проще формулировать русский перевод с английского, а англичанину английский перевод с русского.

Жуков согласился, и, действительно, перевод пошел как по маслу, почти синхронно. Закончив беседу, Жуков проводил Монтгомери до двери приемной, пожал ему руку и, не обращая внимания не только на меня, но и на стоявшего навытяжку в приемной Трусова, скрылся в своем кабинете. Адъютант аккуратненько прикрыл дверь и сказал нам «спасибо».

— Ну как? — спросил Трусов, когда мы вышли из приемной.

— Все нормально, товарищ генерал, — ответил я, и Трусов с облегчением вздохнул.

На обратном пути я с беспокойством ожидал, что Трусов спросит о содержании беседы. Я же, видимо, от большого напряжения и ответственности при переводе ни слова не запомнил из разговора. Но Трусов не спросил.

Позже в беседах с офицерами, долго служившими при Жукове, я понял необычное торопливое и волнительное поведение моего начальника. За безудержное самомнение, самодурство, жестокость и пренебрежение солдатскими жизнями Жукова в войсках не любили, но уважали и смертельно боялись.

На макушке лета мне удалось снова побывать в Варшаве. Американцы установили дипломатические отношения с новым правительством Польши и направляли в Варшаву посольство. Посол и старшие дипломаты вылетели самолетом прямо из США. Младший дипперсонал, технические службы, морские пехотинцы для охраны посольства, многочисленное оборудование, необходимое для работы посольства и еще многие вещи, которые разоренная Польша не могла им обеспечить, направлялись из Западной Германии большой автомобильной колонной под руководством второго секретаря посольства. Сопровождение этой колонны через нашу зону

оккупации и до Варшавы и ее охрана в пути были поручены нашему управлению.

Ранним утром один из старших офицеров урвления и я с ним в качестве переводчика в сопровождении нескольких «джипов» с охраной из наших солдат встретили тяжелую колонну на границе американской оккупационной зоны. Колонна шла очень медленно и поэтому мы пересекли границу Польши только к вечеру. Пока не стемнело, мы отыскиали на окраине одного из польских городков большую площадку, пригодную для размещения грузовиков, и остановились на ночлег. Из наших автоматчиков выставили охрану, которую мой начальник поручил проверять и сменять в течение ночи мне. Я подремывал в своем «Виллисе», когда ко мне подошел второй секретарь и сообщил, что у него пропал один из дипломатов. Начальник охраны приказал мне взять двоих автоматчиков и вместе с секретарем «прошерстить» городок в поисках пропавшего. Несколько часов мы безуспешно прочесывали спящий город, но не нашли дипломата ни живым, ни мертвым. Вернувшись на свою площадку, решили ждать утра, когда можно будет обратиться к польским властям. На рассвете ко мне снова подошел второй секретарь и сообщил, что пропавший вернулся сам, проведя, по его словам, «чудесную ночь» с молодой полькой. С тем мы и тронулись дальше.

В Варшаве, передав колонну встречавшим нас американцам, мы отправились в гостиницу, в которой жили члены посольства, где нам любезно предложили отдохнуть и переночевать. Город явно оживал. В гостинице была даже горячая вода. Хорошенько отоспавшись после бессонной ночи, мы с утра намеревались двинуться обратно. Но нас попросили задержаться, так как посол пригласил нас на обед. Отказаться мы сочли невежливым и с удовольствием

отложили отъезд. Солдаты нашей охраны, получив еще день комфортабельного отдыха, также были не против.

Во главе обеденного стола сидел сам посол. Справа от него мой начальник. Рядом с ним — я. Напротив нас — первый и второй секретари посольства. Далее еще несколько дипломатов. Во время обеда произошел весьма забавный «инцидент». В качестве главного блюда подали огромный кусок истекавшего соком бифштекса. К моему ужасу, сверху он был посыпан толстым слоем жареного лука, который я не мог есть. Но как было отказаться от такого великолепного куска мяса?!!

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что все уткнулись в свои тарелки, я, прикрыв рукой свой стейк, стал вилкой сгребать лук на гарнир, решив пожертвовать жареной картошкой. Сидевший напротив второй секретарь вытянул шею и попытался заглянуть в мою тарелку. Я сделал вид, что внимательно разглядываю люстру. Как только шея второго секретаря сократилась до нормального размера, возобновил свою операцию. Шея опять вытянулась в мою сторону. При этом мой визави спросил:

— Вы не любите жареный лук?

— Да... не могу его есть... — виновато пробормотал я.

— А я его обожаю. Можно я заберу его у вас?

И не дожидаясь ответа, он забрал мою тарелку и сгреб к себе весь лук.

После обеда, отпросившись у старшего, я пошел прогуляться по городу. Варшава еще не оправилась от своей трагедии. Хотя на улицах уже был народ, шла мелкая торговля... Под аркой одного разрушенного моста я увидел маленький пивной кабачок. После сытного обеда хотелось пить. Зашел, сел за столик и заказал бокал пива. Через несколько минут в зеркале, смонтированном позади при-

лавка, я увидел, что в кабачок зашли трое в полувоенной форме с оружием. Один остался у двери, двое заказали пиво и, не спросив разрешения, сели за мой столик. Некоторое время мы молча тянули каждый свое пиво. Немногочисленные посетители потихоньку потянулись к выходу.

— И цо пан тут робит? — начал разговор старший на обычном польско-русско-украинском эсперанто.

— Как видите, пан пьет пиво.

— Не, вообще, в Варшаве?

— Доставил до вас американское посольство.

— Американское?! Посольство!? Откуда?

— Из Берлина.

Сидевшие за столиком удивленно переглянулись.

— Да, теперь у вас с США дипломатические отношения.

— Тогда выпьем! — провозгласил старший и чокнулся со мной своей кружкой. Я допил свой бокал.

— До видзенья, — сказал я, встал и пошел к выходу. Стоявший, прислонившись к косяку, третий с автоматом, посторонился и пропустил меня.

Стоявший за дверью бледный хозяин прошептал:

— Пан, уходи шибче.

— А что?

— Нешто пан не разумит? То ж «аковцы». Добже что пощадили. Не дай боже передумают!

Должен признаться, что вышеописанного диалога с хозяином кабачка в действительности не было. Этот художественный вымысел я использовал для того, чтобы завершить развитие ситуации в кабачке эпизодом, естественно вытекавшим из происходивших событий. На

самом деле я не помню, кто сказал мне, что со мной сидели боевики из «Армии Крайовой», которые воевали как с немцами, так и с советскими войсками. Скорее всего, это сделали они сами в процессе беседы. Иначе, зачем мне было рассказывать им (а я точно помню, что рассказал), что служил во время войны в польской армии. Возможно, именно это послужило благополучному завершению нашей встречи. Это единственный вымысел во всех моих воспоминаниях. Все описанные события действительно происходили; все персонажи — реальные люди; прямая речь, конечно, не стопроцентные цитаты, но, по большей части, очень живо сохранившиеся в памяти разговоры. Единственно, что не гарантировано, — это последовательность событий, так как дневника я, к сожалению, не вел и восстанавливал их по памяти.

На следующий день, пораньше, чтобы за один день доехать до Берлина, мы двинулись в обратный путь. В середине дня остановились на окраине небольшого городка перекусить. Вместо надоевшего сухого пайка я решил поехать в город в какое-нибудь кафе. Ко мне присоединился сержант — водитель командирского «Виллиса». С ним мы быстро нашли кафетерий. Сели за столик. Официантка тут же поставила перед нами чашечку кофе и миниатюрное пирожное. Следом за ней подошла дебелая хозяйка и положила два толстых меню в кожаных переплетах. На первой странице вместо списка блюд красовалась фотография полуодетой девицы во фривольной позе. «Неплохо для возбуждения аппетита», — подумал я и перевернул страницу. На второй — была другая девица, затем третья и т. д. Вместо кафе мы оказались в борделе! Не притронувшись ни к кофе, ни к пирожному, мы поспешно ретировались и вернулись к родному сухпайку. Дальнейший путь до Берлина прошел без происшествий.

В середине июля мне довелось участвовать в подготовке к приему делегаций на Потсдамскую конференцию «Великих держав». С офицерами безопасности союзников и сотрудниками «СМЕРШ» для подготовки плана мер безопасности я, в качестве переводчика, облазил весь замок Цециленхоф в городе Потсдам, где должны были проходить рабочие заседания конференции. Затем с сотрудниками хозяйственных подразделений участвовал в подборе в городе Бабельсберг помещений для проживания членов делегаций, в том числе Сталина, Черчилля, которого после победы лейбористов на выборах уже в конце заседаний сменил новый английский премьер Эттли, и Трумэна, который сменил умершего Рузвельта. На самой конференции побывать не удалось. Там работали собственный переводчик Сталина и профессионалы из МИДа.

После этой конференции, на которой Трумэн попытался шантажировать Сталина атомной бомбой, началось нарастающее охлаждение отношений с союзниками. Мои визиты в штаб американского берлинского гарнизона сначала стали реже, а затем вообще прекратились. Резко ужесточился наш «казарменный» режим. Покидать расположение теперь можно было только получив разрешение начальства. Главной работой стали письменные переводы. Особенно срочным был приказ на перевод толстого английского фолианта «Эклипс» (Затмение). Это был английский план противодействия и сдерживания СССР. Работали над ним мы с Кирсановым даже ночами, по очереди прикорнув на пару часов на широкой тахте, стоявшей в нашей комнате. Пару раз все же меня с офицерами нашего управления посылали на выезд. Мы выезжали на трассу, соединявшую западные секторы Берлина с западными зонами оккупации, пытаясь выяснить, куда и зачем англичане и американцы вели колонны немецких военнопленных из концлагерей под Берлином.

Но на мои вопросы ни солдаты, ни офицеры, конвоировавшие пленных, не только не отвечали, но даже не поворачивали головы. И мы оставили бесплодные попытки.

Наступила пасмурная осень. В один из таких пасмурных дней меня еще раз вызвали в жуковский периметр, в располагавшийся там СМЕРШ. На этот раз я шел туда пешком и один. На пропускном пункте меня встретил офицер НКВД и проводил в кабинет печально известного генерал-полковника НКВД Ивана Серова. В кабинете сидел моложавый человек в сером штатском костюме с золотой звездочкой на лацкане. Любезно предложив мне сесть, он пояснил мне причину вызова:

— В районе периметра патруль задержал группу солдат во главе с офицером в английской военной форме. Офицер утверждает, что они из английского берлинского гарнизона. Но у нас возникли сомнения. Поговорите с ними. Может быть, сможете определить настоящие ли они англичане?

— Попробую, товарищ генерал.

— Проводите лейтенанта, — бросил Серов сопровождавшему меня «энкаведешнику».

Войдя в комнату, где сидели задержанные, я обратился к их старшему — капитану — с просьбой объяснить мне поподробнее, как они оказались в нашей зоне. Если бы эти солдаты, или кто там они были, назвались американцами, моя задача была бы невыполнимой. Но «королевский английский», на котором говорили образованные офицеры и просторечие, на котором изъяснялись солдаты, я за целый месяц пребывания в английской зоне оккупации этим летом научился различать безошибочно. Капитан утверждал, что они заблудились. Говорил он на безупречном английском, но слишком гладко и без характерных интонаций «кингс инглиш». Все же

я не был уверен и мучительно думал, как бы убедиться наверняка, что он просто европеец, хорошо владеющий английским. И тут я вспомнил рассказы Тархова о том, что многие английские географические названия пишутся совсем иначе, чем произносятся англичанами. Мы даже играли в такие названия. Я читал названия, обозначенные латинским шрифтом на карте, а Тархов произносил их по-английски.

Я попросил капитана показать на карте маршрут их движения. В какой-то момент, я, как бы по ошибке, показал на город Брауншвейг (другого, необходимого мне для проверки географического названия, близко к их пути не было) и спросил, были ли они там?

— In Braunschweig? Why? — удивился капитан. Он совсем не по нашему маршруту?

Это был прокол! Сказать: «Брауншвайг» с легким грассированием на первом и последнем слоге мог только немец. Англичанин сказал бы «в Бранзуик?».

Об этом я и доложил Серову. Проходя на выход мимо комнаты, где были задержанные, я услышал резкий окрик по-русски: «руки на стол!», звук удара и вопль. «Смершевцы» приступили к своему любимому занятию — допросу с пристрастием. К счастью, больше я с этой конторой дела не имел.

Наступила зима. Снега и морозов, правда, не было, но все же в моем коттедже без отопления стало холодно. А кафельную печь, стоявшую в нем, топить было нечем: ни угля, ни дров мне не выдали. На маленькой барахолке, которую окрестные жители устроили недалеко от нашего КПП, я выменял на продукты из УДП (усиленного дополнительного пайка, или как его называли офицеры: «умрешь днем позже»), который нам выдавали регулярно

в дополнение к питанию в офицерской столовой, невиданную электрическую грелку с тремя уровнями мощности. Ею я согревал постель перед тем, как забраться под одеяло. Так что спал я в тепле. Но вставать утром и бежать умываться приходилось стуча зубами.

Этой зимой Николаю, наконец, удалось добиться согласия Сони выйти за него замуж. Он демобилизовался, и они уехали в Москву. Стало совсем скучно. Для развлечения я выменял на барахолке небольшой радиоприемник, который скрашивал мои вечера.

Осенью 1946 года в Москве я последний раз виделся с Соней. Она приходила на мой день рождения. Она не была счастлива в браке. После рождения двух детей заболела какой-то злокачественной скоротечной чахоткой и умерла совсем молодой.

После Нового года в Дрезден на работу в Советской военной администрации приехала моя московская корреспондентка, слушательница педагогического факультета ВИИЯКА. Узнав об этом, я пошел к Трусову просить о разрешении поехать в Дрезден повидаться с «сестрой».

— С сестрой? — хитро прищурившись, усомнился генерал. — Может с невестой?

Но я, сам не зная почему, настаивал на родственных отношениях.

— Ну, с сестрой, так с сестрой, — согласился Трусов и даже приказал выписать мне командировочное предписание «для выполнения особого задания».

Мой коллега, переводчик немецкого Казаков, показал мне свой лаз сквозь проволочное ограждение, выходявший к железной дороге, проходившей вдоль нашего расположения, который он использовал, отправляясь на свидания со своей немецкой подружкой.

— Выйдешь часам к одиннадцати. Стань у семафора. Пойдет поезд, и проголосуй. Доедешь на нем прямо до берлинского вокзала.

— Неужто поезд остановится на поднятую руку?

— Смотря на чью руку.

Действительно, поезд остановился около меня. Машинист, выглянул из кабины паровоза, убедился, что я забрался в вагон и тронулся дальше. На центральном берлинском вокзале я пересел в поезд на Дрезден. Он прибывал в Дрезден поздно вечером. От вокзала из центра мне предстояло пройти на окраину, где снимала комнату моя знакомая. Идти мне пришлось по развалинам в полной темноте. В ночь с 13 на 14 февраля 1945 года на Дрезден обрушили два удара около 500 тяжелых английских бомбардировщиков, сбросивших на город почти 1500 тонн фугасных и почти 1400 тонн зажигательных бомб. Днем 14 и 15 февраля 520 американских В-17 — «летающих крепостей» — довершили уничтожение города.

Зная об этом, я впервые за пребывание в Германии взял с собой «парабеллум», который после назначения в Разведуправление мне подарил Лев Безыменский. Носить его постоянно в немецкой кобуре на левом бедре было «западло». Поэтому он лежал у меня в спальне. Сжимая в кармане шинели рукоятку пистолета, я, оглядываясь по сторонам, настороженно шел по уже расчищенным улицам между развалинами жилых кварталов. Но город был мертв. Ни звука, ни живой души. Кое-где из развалин до сих пор тянуло сладковатым трупным запахом. За два февральских дня в Дрездене погибло не менее 25 тысяч мирных жителей. Без происшествий я добрался до дома на окраине, избежавшей бомбардировки. Обратный поезд на Берлин отходил на следующий день. Поэтому мне предстояло переночевать в комнате моей знакомой. Там была только одна

узокватая кровать. Но кроме целомудренных поцелуев, мы ничего себе ни в этот, ни в последующие встречи не позволяли. Для следующих поездок я уже стеснялся отпрашиваться у Трусова и уезжал в «самоволку» под прикрытием моих друзей шифровальщиков.

Однажды, приехав, я оказался у запертой двери. На мои настойчивые стуки хозяйка квартиры дверь не открыла. Никто из соседей по площадке тоже не рискнул ночью высунуть носа. Пришлось переночевать на вокзале. Утром хозяйка объяснила мне, что фроляйн уехала с офицерами. Куда и когда вернется, она не знала. Но предложила мне подождать моего поезда в квартире. В середине дня, постучав в дверь, она поставила на стол тарелочку с двумя тоненькими кусочками серого хлеба, слегка смазанными каким-то жиром и чашку эрзац-кофе. Не слушая моих возражений (с продуктами у немцев было туго), она быстро вышла из комнаты. Тут мне впервые пришла мысль, что, наверное, не все немцы «фашистские сволочи», и я подумал, что, может быть, надо было откликнуться на мольбу о помощи дочерям той пожилой немки.

Так прошла зима. В марте в моем коттедже стало жить несколько комфортнее. 5 марта было не то воскресенье, не то просто какой-то нерабочий день. Во всяком случае, в управлении никого не было. Поскольку нерабочие дни обычно проходили спокойно, меня на этот день назначали дежурным по управлению. И надо же было Черчиллю именно в этот день произнести свою знаменитую речь в американском курортном городке Фултон, которая положила начало «холодной войне». Обстановка к этому времени действительно была на грани кризиса. Сталин успешно расширял коммунистическое влияние в Европе. Штаб Эйзенхауэра готовил план войны против СССР (план “Totality”), Трумэн в ответ на сталинскую внеш-

нюю политику грозил использовать против СССР атомную бомбу... В этой обстановке речь Черчилля была в СССР воспринята как прямая угроза. «Черчилль бряцает оружием» — написал академик Тарле.

Все это и обрушилось на мою бедную голову в виде ворвавшихся в мой кабинет дежурного по управлению двух, видимо, больших начальников в штатском, которые, очевидно, получив информацию о речи, потребовали:

— Где у вас тут «ВЧ»? Немедленно свяжите нас с Москвой!!

Я не только не знал «где у нас ВЧ», но и понятия не имел вообще, что это такое. И сказал, что у меня «в.ч.» нет. Возмущению моих гостей не было предела. Облив меня презрением, они умчались искать «ВЧ» в другое место. Очевидно, они же и подняли тревогу, ожидая, что вслед за речью Черчилля (который, кстати, в то время был частным лицом) на нас двинутся полчища бывших немецких военнопленных, вооруженных и поддерживаемых войсками бывших союзников. Кабинеты нашего управления стали быстро наполняться. Меня немедленно отстранили от ответственной должности дежурного, которую занял офицер, знавший, что такое и где находится «ВЧ». Но третья мировая на этот раз не началась, хотя отношения с союзниками были окончательно испорчены. Сталин даже сравнил Черчилля с Гитлером.

Все же, постепенно наша жизнь вернулась к обычной рутине. Но границы между оккупационными зонами и берлинскими секторами были «закрыты на замок».

В начале апреля меня отправили на очередное задание, которое неожиданно оказалось последним. Меня подбросили в штаб 16-й воздушной армии, стоявшей под Берлином. Оттуда мне предстояло лететь на один из удаленных от Берлина аэродромов,

на который наши истребители принудили к посадке какой-то новый американский двухместный военный самолет. Летчик-майор из штаба армии отвез меня на аэродром, где меня ждал «У-2». Вообще, мне везло на сопровождавших майоров: по-видимому, капитана считали недостаточным рангом для моего сопровождения, а подполковника — слишком большим.

Днем, когда я выезжал из штаба ГСОВГ (Группы советских оккупационных войск в Германии) было довольно тепло, и к летчикам я приехал в одной гимнастерке. Около самолета майор спохватился, что так лететь в открытой кабине «У-2» нельзя. Он отдал мне свою шинель и шлемофон.

— На обратном пути вернешь шинель и шлемофон и получишь свою фуражку.

С тем мы и взлетели. Действительно, во время полета дул пронизывающий холодный ветер. Без майорской шинели и шлемофона было бы весьма туго. Шинели, кроме защиты от ветра, предстояло сыграть еще одну важную роль.

Моему пилоту потребовалось совершить промежуточную посадку для дозаправки. Пока он договаривался об этом на «чужом» аэродроме, я сидел в самолете. Беседа затягивалась и переходила на повышенные тона. Я вылез, подошел к спорящим и спросил, в чем проблема. При этом я совершенно забыл, что на мне шинель с погонами майора. Увидев меня, пререкавшийся с пилотом техник-лейтенант взял под козырек:

— Извините, товарищ майор. Сейчас все сделаем! — и, развернувшись на каблуках, побежал к ангару. Вероятно, увидев столь молодого летчика уже майором, он решил, что везут какого-то выдающегося воздушного асса. Мы с пилотом переглянулись.

— Так держать!

Буквально через пять минут подкатил бензозаправщик, и мы продолжили полет.

В полку, на аэродром которого посадили американцев, «особист» провел меня в комнату, где содержали летчиков. Естественно, они утверждали, что залетели в нашу зону по ошибке, случайно, сбившись с маршрута. На том допрос и закончился. Но меня попросили задержаться на пару дней, пока наши специалисты «не оближут» американский новый самолет. Эти дни я провел с двумя симпатичными молодыми американскими летчиками. Мы разговаривали на всевозможные темы. Американцы, казалось, не только не переживали по поводу своего задержания, но относились к нему как к забавному приключению. Вели наши себя с ними дружелюбно, кормили прекрасно. Более того, ночами их развлекали две немецкие проститутки. Через три дня мы с ними разлетелись в разные стороны.

На обратном пути я обменял шинель и шлемофон майора на свою фуражку, и меня отвезли в мой штаб. Чувствовал я себя неважно. Наверное, меня, все-таки, продуло в самолете. Было уже поздно. Не заходя домой, я решил поужинать и зайти в санчасть попросить чего-нибудь от простуды. Есть совершенно не хотелось. Поковыряв в тарелке, я выпил горячего чаю, чтобы унять озноб, и пошел в санчасть. Дежурный врач в первую очередь спросил, есть ли у меня температура?

— По-моему, нет, — ответил я.

— Все же давайте измерим.

Вынув градусник, я протянул его доктору.

— Так что же, нет температуры?

— Ну, может быть, есть небольшая...

— Посмотри сам, — сказал врач и протянул мне градусник.

Наклонившись к настольной лампе (верхний свет в кабинете был выключен), я покрутил градусник. Ртуть зашкаливала за 40... Это было последнее, что я видел в этот вечер...

Следующее прояснение — светло, меня везут куда-то на легкой автомашине. За окном мелькнула голубая стрелка указателя — Лейпциг... Следующее прояснение — я лежу на спине на койке, под потолком висит тусклая голая лампочка. Я шарю под подушкой в поисках моего парабеллума. Надо расстрелять эту надоедливую лампочку... и снова провал в темноту...

Когда я пришел в себя в светлой больничной палате, лежавшие там же больные сказали, что я «отсутствовал» трое суток. И все эти трое суток от меня не отходила «молодая и симпатичная». Сама делала мне несчетное количество уколов, сама ставила капельницы, сама «огромным шприцом» выкачивала из меня какую-то воду.

— Сегодня что-то ее нет. Наверное, отсыпается, — заключил один из сопалатников.

На утренний обход вместо нее пришел пожилой доктор. Прислушав меня, он хлопнул по спине:

— Молодец, юноша, выкарабкался! Теперь будем выздоравливать.

После его ухода пришла медсестра с «огромным шприцом». Вонзила огромную иглу мне в бок и откачала жидкость. (Мне диагностировали экссудативный плеврит). «Молодая и симпатичная», оказавшаяся военврачом третьего ранга, появилась на следующее утро.

— Почему не покушали?

На моей тумбочке стоял нетронутый завтрак.

— Не хочется, доктор.

— Хочется, не хочется, а кушать надо. Иначе не выздороветь.

И приподняв мне голову, она буквально впихнула в меня несколько ложек с детства ненавистой манной каши. Весь следующий месяц, который я провалялся в госпитале, она не оставляла меня своим вниманием. Для поднятия аппетита (ел я очень плохо) прописала мне к обеду и к зависти всей палаты по стакану сухого красного вина. Разрешила заказывать любые блюда из госпитального меню...

В начале мая меня выписали выздоровевшим, но очень ослабевшим и дали освобождение от работы еще на 10 дней. Когда по их истечению я явился в управление, там меня ждал вызов в Москву для продолжения учебы в ВИИЯКА.

На этот раз на прямом поезде Берлин–Москва в купейном вагоне со всеми удобствами мирного времени я снова оказался на том же Белорусском вокзале.

Дома меня встретила заплаканная мать — 12 апреля от очередного инфаркта умер отец. Мне осталось только захоронить урну с его прахом, которую мать держала дома до моего приезда, на Новодевичьем кладбище в могилу его матери. Сам вызов в Москву стал следствием этого печального события.

В августе 1946-го я снова оказался в «вияке». По итогам проверки знания устного английского меня планировали зачислить сразу на второй курс. Но в письменном диктанте на двух страницах текста я сделал несколько десятков ошибок. Письменной практики в Германии у меня ведь вообще не было. В результате, меня вернули на первый курс, который осенью все равно становился вторым.

10 апреля отцу исполнился всего 51 год. Ему так и не удалось осуществить три своих сокровенных мечты:

Первую — купить гражданский костюм. Так он и проходил всю жизнь в казенной военной форме. Вторую — купить легковую

машину (в 1939 году в СССР выпустили небольшую первую и последнюю партию малолитражек «КИМ» для личного пользования, которую он и жаждал приобрести). И третью — побывать в Индии.

Я смог реализовать все его мечты, причем с лихвой. Первый гражданский костюм я привез себе из Германии. Когда я, впервые надев его, поехал в метро, подвыпивший мужичок, пощупав рукав пиджака, объявил на весь вагон: «А сукенцо-то — аглицкое». Первую машину — «Москвич-401» — я купил осенью 1949 года на два оклада, выданных мне за красный диплом ВИИЯКА. Последнюю, девятую по счету, «Рено-Симбол», я продал осенью 2015 года и больше за руль не садился. В Индии я побывал несколько раз, в командировках от «Интуриста».

До следующего крутого поворота в моей судьбе оставалось три с половиной предсказуемых года учебы, за которую, в отличие от сорок четвертого года, я принялся с большим усердием.

КОРЕЙСКАЯ КАМПАНИЯ

Поздним воскресным вечером я вернулся из Ростова, где побывал в театре, в свой гарнизон на окраине города Батайск, в котором, как мы шутили, уже была решена задача, поставленная партией и правительством, по стиранию граней между городом и деревней. Не успел я снять шинель, как в дверь постучали. Посыльный вручил мне предписание — завтра, в понедельник, к 8.00 явиться в штаб к начальнику отдела кадров.

Был конец марта 1951 года. К этому времени я уже в течение полутора лет, окончив с красным дипломом осенью 1949 года Военный институт иностранных языков Красной армии, в звании лейтенанта, служил командиром взвода курсантов Батайского военного училища летчиков.

ВИИЯКА (или «вияк», как мы его называли между собой) был, по крайней мере до конца 40-х годов, по-моему, одним из самых блестящих военных вузов советских Вооруженных сил. Начальник института, рафинированный интеллигент генерал-лейтенант Биязи, вознамерился превратить его в кузницу высокообразованной офицерской интеллигенции. Помимо специальных военных предметов, таких как тактика, история военного искусства, военная топография, военный перевод, изучение английской и американской армий, а в период выезда в летние лагеря — полевых занятий по тактике, военной топографии на местности, включая съемку

местности, строевой подготовки, практических стрельб из стрелкового оружия, физподготовки, в программу обучения входило много общеобразовательных предметов. На Первом (Западном) факультете преподавались: история Западной Европы и США, западно-европейская классическая литература, политическая география мира, теория языкознания, которую, к счастью, нам успели прочитать до выхода в свет печально известного труда «вождя всех народов» «Вопросы языкознания». Эти и ряд других предметов нам преподавали известные университетские профессора, кандидаты и доктора наук московских гражданских высших учебных заведений. Иностранным языкам, в том числе и специальным предметам, таким, как военный, политический, литературный переводы, нас обучали так называемые «носители языка». Это были в основном дети эмигрантов, — родившиеся и долгие годы жившие за рубежом, для которых язык страны пребывания стал, наряду с русским, как бы вторым родным, — на волне патриотизма во время Великой Отечественной войны и после Победы вернувшиеся в СССР.

Не обходилось, конечно, и без кондовых преподавателей истории ВКП(б), основ марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма, политэкономий капитализма и социализма. Куда же без них?

К большому сожалению, в самом конце сороковых, когда в стране начались кампании по борьбе с «преклонением перед иностранщиной», которую диссидентствующие иронически называли кампанией «Россия — родина слонов», густо одобренная антисемитизмом волна реакции накрыла и наш институт. Интеллигента Биязи сменил рядовой армейский генерал Ратов. Почти все преподаватели — выходцы из-за рубежа были уволены, некоторые даже репрессированы. Профессора МГУ, доктора и кандидаты наук из других

гражданский вузов ушли сами. Среди слушателей началась чистка. Выявляли и привлекали к партийной и административной ответственности лиц с подозрительными фамилиями. Моя подозрительная фамилия, видимо по причине моей службы в конце войны в польской армии, воевавшей в составе 1-го Белорусского фронта, из числа подозреваемых выпала. А вот слушатель Егерь, например, был вынужден доказывать, что он отнюдь не скрытый немец, а «честный» еврей. Старосту нашего курса, фронтовика и орденоносца, капитана Бориса Левитова разбирали на партсобрании за то, что он якобы сфальсифицировал в офицерском удостоверении личности свое имя-отчество: записал себя Борисом Семеновичем, в то время как в свидетельстве о рождении (и где его только раскопали наши «особисты») он был записан Борухом Шлемовичем. На наше партсобрание пришла группа офицеров, воевавших вместе с ним, в парадной форме со всеми своими фронтовыми наградами, и потребовала предоставить им слово в защиту Левитова. К чести нашей курсовой парторганизации, она отказалась вынести ему партийное взыскание. Политотдел института, к счастью, не желая, видимо, компрометировать себя, предпочёл, не вынося сор из избы, спустить дело на тормозах.

Дело доходило до анекдотичного бюрократического идиотизма. Видимо, по примеру Израиля, где закон устанавливал подлинное еврейство вновь прибывающих иммигрантов по национальности матери, а не отца, администрация института решила применить то же правило. В результате, слушатель Петров, чей отец был русским, а мать — еврейкой, был в личном деле перезаписан евреем, а слушатель Лейзерсон, чей отец был евреем, а мать русской — стал русским. Многие слушатели были отчислены и уволены из армии по неизвестным нам причинам.

Эта чистка в ВИИЯКА, в основном коснувшаяся офицеров, побывавших за рубежом, на оккупированных Красной армией территориях европейских стран, была частью кампании репрессий, начатых сталинским режимом в армии с конца 1944 года. Тогда прошли многочисленные аресты среди демобилизованных офицеров — студентов высших учебных заведений страны. Ведь они, побывавшие в Европе, до этого «другой такой страны не знали, где так вольно дышит человек» и где «с каждым днем все радостнее жить». Так пела со всех киноэкранов в 1940 году знаменитая Любовь Орлова в кинокартине «Цирк». И могли ли мы ей не верить, если сам «любимый Сталин» заявил, что нам «жить стало лучше, жить стало веселей»? А теперь, у побывавших в Европе многих молодых офицеров, как и после Отечественной войны 1812–1814 годов, зародились сомнения. И фронда должна была быть немедленно подавлена.

Почему, дав мне такое образование, советские Вооруженные силы, назначив меня командиром взвода в провинциальный гарнизон, столь расточительно разбрасывались квалифицированными кадрами, на подготовку которых были затрачены немалые средства?

Кстати, я был одним из двух выпускников, аттестованных по высшей квалификации — синхронными переводчиками. Это было не только следствием моей добросовестной учебы, но и огромной практики в устной английской речи, которую я получил, работая после окончания войны военным переводчиком в штабе Группы советских оккупационных войск в Германии.

Столь крутому и неожиданному повороту судьбы, забросившей меня в Батайск, я могу предложить только одно объяснение.

Незадолго до выпускных экзаменов ко мне домой явился невзрачный человек в штатском, предъявивший удостоверение личности майора Аптекаря. Он спросил, не хотел бы я после окончания института, продолжить учебу в специальной школе, готовящей сотрудников для заграничной работы. В обстановке 1949 года отказаться от такого предложения было более чем неразумно. Однако предложение не получило продолжения. Позднее я выяснил причину: моя тогдашняя жена, выпускница педагогического факультета института отказалась от предложенной судьбы. Может быть и к лучшему. Но тогда результатом стало назначение меня военным переводчиком в штаб Северо-Кавказского военного округа в Ростове, а супруги — преподавателем в Военное авиационное училище в Батайске под Ростовом.

Но на этом злоключения не кончились. Когда я прибыл в штаб округа, оказалось, что в нем, как во внутреннем, совершенно не нужная должность военного переводчика была ликвидирована. Мне предложили отправиться в Сталинград, где такая должность в штабе округа еще сохранялась. «А жена? — спросил я. — А она уже назначена преподавателем в Батайск», — был ответ. Из «гуманных соображений» ростовские кадровики пообещали посмотреть, что можно найти для меня в Ростове. Через пару дней мне сообщили, что ничего, кроме должности командира взвода курсантов, в Батайске у них нет.

Командир взвода?..

Первый опыт командования взводом я приобрел еще в ВИИЯКА. Во время пребывания в лагере летом 1947 года мне пришлось пережить, по сути, весьма забавное, но доставившее мне тяжелые переживания событие. В лагерь выезжали и учившиеся на нашем

курсе девушки. Из них был сформирован отдельный женский взвод, которым командовала старшина из штатных сотрудников ВИИЯКА, лет на 5 старше своих подчиненных. Не помню, по какой причине, в начале июля она ушла во внеочередной отпуск. Временно исполнять обязанности командира взвода назначили меня. Очевидно, командование лагерем решило, что как самый младший по возрасту из офицеров курса я буду представлять наименьшую опасность для женского коллектива.

Гордый новым назначением, я направился в расположение женского взвода. У входа в сектор женских палаток под грибком, защищавшим дежурного от дождя и солнца, прислонившись спиной к столбику, дремала дневальная. Ее гимнастерка и берет висели рядом на гвоздике. Юбка была подтянута выше колен. Испуганно вскочив на мой окрик, она, приложив руку «к пустой голове» — без головного убора честь в нашей армии отдавать таким образом не полагалось — промямлила, что «во время ее дежурства никаких происшествий не случилось», а взвод находится на полевых занятиях.

— Так жарко же, товарищ младший лейтенант, — жалобно тянула она на мой резкий выговор за грубейшее нарушение формы одежды, натягивая гимнастерку. Июльский день был действительно очень жарким, но я безжалостно напомнил ей, что, вступая в армию, она клялась «стойко переносить тяготы военной службы». В сопровождении плетущейся за мой дневальной, я пошел осматривать расположение взвода. Палаток было семь, на четырех человек каждая. Внутри палаток все было в порядке: койки заправлены по уставу, пол чисто подметен. Правда, на некоторых тумбочках в стаканах с водой стояли полевые цветочки, но уставом внутренней службы такие вольности запрещены не были. А вот на растяжках,

крепивших три палатки, нахально сохли лифчики, трусики и комбинашки. Для сушки белья было отведено специальное место, и я приказал дневальной перевесить белье туда.

— Не могу я, товарищ младший лейтенант. Как же они потом разберутся где чье? — возразила она.

Я подумал, что она права, отменил свое распоряжение, но приказал по возвращении взвода в расположение, передать командирам отделений приказ убрать белье в отведенное место и впредь на растяжки не вешать. Из одной палатки я вылетел пробкой под оглушительный визг отдыхавшей в неглиже ночной смены дежурных.

— Стучаться надо, — неслись мне вслед негодующие вопли.

С моих законных, но не учитывавших специфику женского коллектива действий и началось наше противостояние. В индивидуальном плане каждая из слушательниц была вполне симпатичная, интеллигентная и приличная девушка. Но объединенные в воинское подразделение, они превращались в маленьких бестий, намеренно изводивших меня. На утреннюю поверку и зарядку полагалось выходить в трусах и майках. Но казенное нижнее белье, очевидно, прочно залегло у них под матрацами. И из палаток девчонки выбегали строиться, в лучшем случае, в обтягивающих майках и кружевных трусиках или в таких же лифчиках. Каково же мне, двадцатилетнему юнцу, было наблюдать за тремя десятками упругих женских тел, повторявших за мной упражнения утренней гимнастики, а потом бежать с ними трехкилометровую пробежку, стараясь отводить глаза от ритмично движущихся женских выпуклостей.

Прежде чем войти в палатку, теперь я вынужден был всегда спрашивать разрешение. И всегда они были не готовы к моему посещению, и я, их командир, был вынужден стоять у входа несколько

минут. Очередное испытание ожидало меня на стрельбище. При стрельбе оказалось, что почти ни одна из девиц якобы не умела правильно взять в руки карабин. Мне приходилось при выполнении упражнения «стрельба из положения стоя» обнимать девчонок со спины и, беря в свои руки их нежные ручонки, устанавливать их в правильном положении на карабине. При этом то и дело девичьи плечики и бедра «невзначай» прижимались ко мне, ввергая меня в глубокое смущение при всеобщем сдавленном хихиканье. Еще хуже было при стрельбе лежа. Ложась на огневой рубеж, девушкам приходилось приподнимать узкие солдатские юбки. По-видимому, специально выделенные для издевательства надо мною девчонки задирали юбки почти до трусиков и тоже не могли никак правильно взять в руки карабин. Встав на одно колено, я помогал установить оружие в правильное положение. Тем временем, конечно «чисто случайно», голое бедро обжигало мою стоявшую на колене ногу. А когда я прилаживал приклад к плечу, опять же «чисто случайно», упругая грудь касалась моей руки.

Негодницы все время изобретали все новые запрещенные приемы, постоянно держа меня в напряженном ожидании очередной выходки. Лишь в конце июля, когда вернулась их постоянный командир, моя пытка закончилась.

По-видимому, девчонки рассказали своей командирше о периоде моего командования. Потому что однажды, когда я встретил свой бывший взвод на дороге за расположением лагеря, старшина вдруг подал команду:

— Взво-о-од... смирно!! Равнение налево! И провела мимо меня, расплывшихся в лукаво-издевательских улыбках девчат, строевым шагом — почесть, полагавшаяся только при встрече с полковником — начальником лагеря.

Несмотря на неудачный опыт с женским взводом, мне показалось, что предложение ростовских кадровиков открывало дорогу к воплощению моей детской мечты. Как сын кадрового военного, я мечтал о карьере строевого общевойскового офицера, каковым был отец, чтобы успешно шагать по командной лестнице: от командира взвода до командира роты, потом батальона, затем полка, дивизии... Уверенности в успехе карьеры строевого офицера, которая должна была вознести меня в элиту советских полководцев, мне придал весьма забавный случай. Однажды, лет в 10–11 я сидел за столом, на котором развернул карты и готовил тактические задачи отец — тогда преподаватель тактики на высших командных курсах «Выстрел». Наблюдая за ним, я осмелился высказать свои соображения по решению одной из задач. «Молодец, — хлопнул меня по спине отец, — решил задачу на уровне командира полка». Он, пошутив, естественно, забыл об этом эпизоде, а для меня его слова стали на много лет путеводной звездой. В 22 года, пожалуй, следовало бы быть несколько умнее одиннадцатилетнего мальчишки, но... я согласился.

Вот такое стечение обстоятельств в понедельник к 8.00 привело меня в кабинет начальника отдела кадров Батайского авиаучилища. Он вручил мне «литер» на получение в воинской кассе ростовского вокзала билета на завтрашний поезд Ростов–Москва и новое предписание: по прибытии в Москву явиться в Управление кадров Главного штаба ВВС на Большой Пироговской улице. На мои удивленные вопросы ответ был один: «пришел приказ из Москвы».

В кабинете на Большой Пироговской мне, опять без каких-либо объяснений, вручили ж/д билет на поезд Москва — станция Манчжурия, талон на получение гражданского платья на вещевом складе штаба, приказали сдать партийный билет и удостоверение личности в секретную часть и, назавтра, оставив дома военную

форму, с «тревожным чемоданчиком» (минимум вещей, который требовалось постоянно держать наготове на случай тревоги) явиться на Казанский вокзал. Выдали ли мне какие-либо документы взамен сданных — не помню. Наверное, что-то дали. В те времена не только путешествовать по стране, но и ходить по городу без документов было чревато...

«Неужели новый Аптекарь, — подумал я, — хотя вряд ли. Не может быть, чтобы школа по подготовке англоговорящих иностранных работников находилась на границе с Китаем. Скорее, это будет дивизион радиоразведки, прослушивающий радиопереговоры на английском в Дальневосточном регионе».

На следующий день, выйдя на перрон Казанского вокзала, я увидел прохаживающихся вдоль поезда нескольких своих двойников. В таких же, как у меня, темно-синих драповых пальто на размер больше, чем нужно, из-под которых виднелись такие же, как у меня, габардиновые брюки, такие же черные туфли, а на головах такие же фетровые шляпы. Все усиленно делали вид, что не замечают друг друга. Только когда мы оказались в одном купе, мы перезнакомились за бутылкой прозрачной жидкости и прихваченной из дома снедью. Из трех моих попутчиков, тоже ехавших до станции Манчжурия, двое оказались летчиками, один авиатехником. Майор Аптекарь окончательно отпал, как и радиодивизион.

Почти недельная поездка до пункта назначения ничем примечательным не ознаменовалась, кроме встречи с Байкалом. Тогда железная дорога проходила прямо по обрезау воды, и мы в окно осторожно ползущего вдоль берега и ныряющего в многочисленные тоннели поезда любовались бескрайними просторами «славного моря» и байкальскими волнами, ласково лизавшими в безветренную погоду щебень у подножья железнодорожной насыпи.

Много лет спустя мне снова посчастливилось побывать на той же прибайкальской железной дороге и пройти по ней пешком. Она была уже закрыта для регулярного движения. Заросла кустарником, высокими травами и полевыми цветами. Для Транссиба построили специальный объезд подальше от берега, а старую ветку планировали превратить в туристическую достопримечательность. Еще через пару лет я с иностранными турагентами проехал ее всю на поезде, ведомом старинным паровозом.

На станцию Манчжурия поезд прибыл ночью. Встречавшие пограничники отвезли нас в деревянный двухэтажный дом в лесу. Наутро явились люди в белых халатах делать прививки от чумы, холеры, полиомиелита и еще от каких-то страшных болезней. Сделать их чохом было невозможно, поэтому мы безвылазно проскучали в этом доме не менее недели.

Наконец, опять же темной ночью нас рассадили по нескольким «Победам». Больше я своих попутчиков не видел. За рулем предназначенной мне машины сидел китаец в военной форме. Через несколько минут без всяких таможенных и пограничных формальностей я уже был на территории КНР, а на следующее утро на стареньком «ЛИ-2» летел в Пекин.

В самом центре столицы размещалась группа советских военных советников. Там я встретил несколько знакомых «вияковцев»—переводчиков.

Продолжая эти заметки далее, я должен сделать оговорку. Мое повествование основано на моих субъективных воспоминаниях почти 70-летней давности, в которых перемешались личный опыт и впечатления, возможно, не всегда полностью отражающие

действительность, возможно, не всегда вполне достоверные рассказы участников событий и ходившие тогда среди нас слухи и мифы. Прочитанные тогда и позже советские и иностранные газеты и позднейшие публикации, посвященные этому периоду. Поэтому я заранее прошу у знатоков и еще живых участников этих событий извинения за возможные неточности, преувеличения и ошибки.

Пока руководитель группы советских авиационных советников генерал Красовский ежедневно выезжал на какие-то переговоры с высокими китайскими военными чинами, нам читались лекции о политической и военной ситуации, о правилах поведения в Китае. Из гарнизона нас не выпускали, с китайскими товарищами общаться не рекомендовали. Когда один из офицеров-советников увлекся симпатичной китайской переводчицей русского языка и она ответила ему взаимностью, его немедленно отправили на родину. Китайка тоже бесследно исчезла из расположения группы.

Генерал Красовский, по-видимому, обсуждал в соответствующих инстанциях сложившуюся военную ситуацию в Корее и вопросы советской помощи китайским войскам. А ситуация действительно складывалась не просто. В войне Северной и Южной Кореи произошел неблагоприятный для Севера перелом.

Более подготовленная и мощная, вооруженная советским оружием армия Ким Ир Сена, в 1950 году вторгшаяся в Южную Корею, быстро разгромила южнокорейскую армию и заняла почти всю территорию страны. Остатки южнокорейской армии и американские войска, которые находились в Южной Корее после окончания Второй мировой войны на Тихом океане по соглашению между СССР и США, сумели удержать лишь небольшой плацдарм на южной оконечности Корейского полуострова у портового города

Пусан. Советские войска уже были выведены из Северной Кореи ранее.

Обвинив КНДР (вполне справедливо) в агрессии против Южной Кореи и, воспользовавшись тем, что в тот момент, по каким-то, не помню, политическим соображениям, советский представитель в Совете Безопасности ООН бойкотировал заседания совета, американцы добились принятия резолюции, разрешающей войскам ООН (фактически американским под ее флагом) вмешаться в межкорейский конфликт.

Высадив в районе порта Инчон крупный морской десант при поддержке авиации, базировавшейся на авианосцах, американцы отрезали от Севера северокорейские войска, штурмовавшие Пусан, и нанесли им удар в тыл. Практически вся северокорейская армия там погибла и частично растворилась среди местного населения. После чего, не встречая серьезного сопротивления, американские войска двинулись на север к китайско-корейской границе.

Навстречу им нескончаемым потоком через пограничную реку Ялудзян пошли маршевые роты китайских «народных добровольцев». Еще более нетребовательные, чем русские, китайские солдаты шли к фронту пешком. Каждый из них, помимо оружия и боеприпасов, нес длинный холщевый чулок, наполненный рисом. Несколько солдат в каждой колонне, кроме того, тащили на себе чугунные котлы для варки — вот и все их материально-техническое обеспечение на марше. Далеко не все доходили до линии фронта. Обладая полным превосходством в воздухе, американская авиация беспощадно бомбила и расстреливала колонны китайцев. Чтобы хоть в какой-то мере прикрыть китайские войска с воздуха, в северо-восточный Китай был переброшен корпус тогда новейших советских реактивных истребителей «МИГ-15» под командованием известного

участника Великой Отечественной войны, трижды героя Советского Союза Ивана Кожедуба. Один из полков этого корпуса располагался на аэродроме пограничного городка Аньдунь на берегу реки Ялудзян. Большинство советских летчиков этого полка имели опыт боев на советско-германском фронте и прикрытие советских войск, воевавших с японской Квантунской армией в августе 1945 года. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но, по рассказам участников воздушных боев, потери американских самолетов значительно превышали наши.

Массе китайских войск, несмотря на огромные потери, а может быть именно благодаря им, удалось остановить продвижение американцев и даже начать теснить их обратно на юг. Аджютант генерала Красовского рассказывал мне, что на одной из встреч с Красовским министр обороны КНР Пын Дехуей сказал тому: «Не беспокойтесь, генерал, у нас пока воюет только одна провинция. Мы можем потерять десять, пятьдесят или сто тысяч... Посмотрим, как Америка отреагирует на свои потери...». *(Передаю смысл заявления министра по памяти, а не точно цитирую его слова.)*

Вот в такой обстановке однажды днем нас, переводчиков, собрали в актовом зале. «В Аньдуне нужен один английский переводчик. Есть добровольцы?». Одурев от скуки и страшной пекинской жары, хотя был только апрель, я первым поднял руку. И через несколько дней уже был в Аньдуне, переодетый в китайские военные зеленые брюки и кожаную куртку, похожую на те, которые носили наши летчики. Вместе со мной туда прилетели три старших офицера — инженеры по строительству аэродромов.

К тому времени американцы оборудовали целый ряд аэродромов как на территории Южной, так и на занятой ими части Северной Кореи. Это давало им возможность концентрировать на театре

военных действий большое число самолетов. Советские летчики располагали лишь одним небольшим аэродромом в Аньдуне, что ограничивало число истребителей, способных противостоять американской авиации. Остальные полки корпуса Кожедуба стояли по другим китайским аэродромам, с которых в Корею они действовать не могли из-за расстояния. Наши инженеры должны были изучить возможности постройки дополнительных металлических взлетно-посадочных полос на минимальном расстоянии от границы КНДР или на ее территории близ границы с Китаем и руководить строительством, чтобы получить возможность перебросить на границу с КНДР дополнительные самолеты и как-то уравновесить силы.

Попытки построить аэродромы в районе корейского пограничного города Сыныйджу успехом не увенчались из-за активного противодействия американской авиации. Пришлось строить в районе Аньдуня. Мне довелось побывать на одной из строек. Это были временные неширокие взлетно-посадочные полосы, смонтированные из металлических плит. На мой взгляд, взлетать и садиться на них было не легче, чем на палубы авианосцев, и требовало не только немалого искусства, но и просто немалой смелости.

Во время строительства одной из полос, рассказали мне инженеры, необходимой длине ее мешал довольно солидный холм. Ответственные за строительство китайцы отказались менять направление строительства. Вместо этого пригнали несколько тысяч рабочих, вооруженных лопатами и коромыслами, на которых висели по две большие плетеные корзины. Как муравьи, облепив этот холм, китайцы бегом-бегом растащили его в своих корзинах и рассыпали по окрестностям, чуть ли не за полдня. Оплату рабочим китайские офицеры производили прямо на месте в зависимости от количества унесенных корзин.

А мою задачу придумал некий паркетный генерал из числа тех, кто всегда готовится к прошлой войне. Его «гениальная» задумка заключалась в том, чтобы посадить переводчика на командном пункте управления воздушным боем. Там он, надев наушники, по радио должен был перехватывать переговоры американских летчиков с их командным пунктом и между собой, переводить их руководителю полетов и самим летчикам — участникам боя. К чести командования аньдуньского полка оно еще до моего приезда оценило весь идиотизм этого предложения. Пока переводчик разберет какофонию специфической переклички участников воздушного боя и сделает перевод, при скоростях реактивных самолетов, его информация не только сразу же становилась бессмысленной, но и вводила бы летчиков в заблуждение, поскольку боевая ситуация к тому времени уже в корне менялась.

Так что ни о каком моем присутствии на командном пункте не было и речи. Однако обратно меня не отправили. Потому ли, чтобы не терять раз уж приехавшую «боевую единицу», или чтобы не выставлять дураками, отправивших меня в Аньдунь мудрецов. И меня назначили помощником начальника тыла — полковника Бахтина, который отвечал за организацию снабжения боевых частей корпуса горючим, боеприпасами, продовольствием и прочими материальными благами.

Жил я и инженеры-аэродромщики в нескольких километрах от аэродрома, на заброшенном медном руднике, в длинном кирпичном бараке, крытом черепицей, где раньше, очевидно, содержали рабочих. В других таких же бараках находились подразделения аэродромного обслуживания. В нашем бараке кроме железных коек, тумбочек, колченогого стола и жестяного умывальника больше ничего не было. Ножки коек стояли не прямо на земляном полу бара-

ка, а в больших железных консервных банках, наполненных водой. Как нам разъяснили — для того, чтобы «никакие гады» не лезли по ножкам в постели.

В первую ночь мы, во всяком случае я, почти не спали. Во-первых, на потолке, который состоял из деревянных реек, на которых лежали старые газеты, склеенные мучным клейстером, жили мыши, с удовольствием поедавшие клейстер. Прогрызая дырку в склейке, они звонко шлепались на пол и частенько прямо на кровать и в ужасе убегали.

Во-вторых, над нами всю ночь нудно гудел какой-то самолет. Как нам сказали потом, это был американский легкий бомбардировщик «Б-26». Эти самолеты летали каждую ночь с наступления темноты до рассвета. Перед рассветом, когда могли подняться наши истребители, они удалялись восвояси. Если американцы рассчитывали таким образом воздействовать на нервы противника, то они явно просчитались. Через несколько ночей, привыкнув, я, как и все остальные, засыпал, уже даже не замечая их гудения. Что касается мышей, то через некоторое время их изгнала химзащита.

Первое поручение, которым меня озадачил полковник, было следующим: «Слушай, лейтенант, ты ведь иностранные языки знаешь. Так вот, давай поезжай к китайцам. Они загнали эшелон с керосином не в ту степь. Передай им, чтобы перебазировали куда надо». И он дал мне карту, на которой был указан пункт, куда китайцы «загнали» эшелон, и пункт, куда его надо было перегнать.

«Так я же английский, а не китайский знаю...», — пытался возразить я. «А я вообще никакого не знаю, — резонно заметил мой начальник, — так что давай исполняй».

На станции, где застрял злополучный эшелон, меня радостно приветствовали отданием чести китайские офицеры, что в те времена

в китайской армии не практиковалось. Видимо, из-за моей кожанки они приняли меня за летчика, которых китайцы безмерно уважали. Было немного неудобно, но приятно.

Зайдя с ними в помещение станции, я разложил на столе карту, взял клочок бумаги и нарисовал нечто похожее на топливную цистерну на колесах. Положил ее на карту и ткнул пальцем в название населенного пункта, у которого находилась станция. «Плохо», — сказал я. К тому времени я уже овладел полутора десятком китайских слов, главным из которых — его знали все без исключения — было слово «чифан» — обед. Китайцы помрачнели. Тогда я перенес свою цистерну к названию станции, куда следовало перегнать эшелон, ткнул в него пальцем и сказал «хорошо», добавив, неожиданно для самого себя, почему-то по-английски — «андерстенд»? Китайцы заулыбались и выбежали из помещения. Подождав, пока эшелон, дав гудок, тронулся с места, с чувством выполненного долга, я вернулся в Аньдунь. После прибытия эшелона в нужное место за мной навсегда закрепилась непререкаемая репутация знатока иностранных языков.

По большей части мои задания заключались в сопровождении автоколонн развозивших грузы по авиагарнизонам. Это позволило мне немного познакомиться с китайской глубинкой. Одна такая поездка запомнилась особо. После нескольких часов пути мы остановились перекусить. Шоферы, кто в кабинах, кто, расстелив брезент на обочине, разложили сухие пайки. Неподалеку собралась стайка китайских ребятишек. Он стояли молча. Ничего не просили. Но под голодными взглядами этих маленьких скелетиков кусок становился поперек горла. Не сговариваясь, все как один, мы отдали свои пайки китайчатам. Больше «пикников на обочине» мы не устраивали.

Вечерами, по окончании рабочего дня, мои соседи по баракку, занавесив подслеповатые окна для светомаскировки, садились за преферанс. Я играть не умел, но меня тоже сажали в качестве «болванчика» для комплекта, наскоро обучив основам игры. Картежником я оказался совершенно бездарным и постоянно проигрывал. Денег за проигрыши с меня не брали. Вместо этого я должен был бегать в шинок, который неподалеку содержал китаец Миша. Когда выключались, часов в одиннадцать–двенадцать, генераторы, подававшие свет в барак, — ложились спать.

В нашей «барачной» жизни было одно большое неудобство — негде было помыться, кроме рукомойника. Как явствует из самого названия, можно было лишь вымыть руки и умыться. В баню надо было ходить за несколько километров в район аэродрома. Это было уже в зоне действия американской авиации. Правда, за все время банных походов я лишь однажды попал под авианалет.

Вообще, по моим наблюдениям, воздушная война носила несколько своеобразный характер. Ожесточенные воздушные бои происходили только в небе Северной Кореи. В них действительно сбивались самолеты и гибли наши и американские летчики. При этом нашим летчикам запрещалось перелетать линию фронта и атаковать там американские самолеты, аэродромы и войска. Это было понятно: советское правительство отрицало участие советской авиации в корейской войне. В СССР все связанное с этой операцией было покрыто плотной завесой секретности. Даже после окончания войны в анкетах и биографиях предписывалось указывать, что в это время ты находился в «правительственной командировке», без указания места и цели.

Несмотря на то, что для остального мира участие советских ВВС в корейской войне было «секретом Полишинеля», предъявить какие-

либо вещественные доказательства американцы не могли. Чтобы избежать появления у противника таких доказательств в виде, например, катапультировавшегося из сбитого над его территорией самолета советского летчика и были введены такие ограничения. С этими ограничениями связан один известный мне трагический случай: из опасения попасть в плен спускавшийся на парашюте наш сбитый летчик, видимо потеряв ориентировку, ошибочно принял за американцев бегущих к месту своего приземления китайских солдат, и еще в воздухе застрелился.

Со своей стороны, американские самолеты, во всяком случае в период моего пребывания, совершали на Аньдунь лишь периодические небольшие беспокоящие налеты. Массированных ударов с целью уничтожить аэродром и базировавшиеся на нем самолеты не было. На «наш» рудник, где базировались подразделения тылового обеспечения, налетов вообще не было. Вот это было непонятно. То ли их командование боялось больших потерь от нашей противовоздушной обороны, то ли были какие-то неведомые непосвященным «высшие» политические или военные соображения. Среди нас бытовало мнение, что они боялись спровоцировать более серьезное советское участие в войне, а бомбежками китайской территории — официальное вступление в войну Китая.

Эту гипотезу неожиданно подтвердила в июле 2016 года профессор истории и международных отношений университета Южной Каролины, научный сотрудник Центра европейских исследований Гарвардского университета Мэри Элиз Сарот. Изучая архивные документы, относящиеся к расширению НАТО, она пришла к выводу, что именно Корейская война стала поворотным моментом в стратегии НАТО. Запад был уверен, что конфликт инспирирован Советским Союзом, и за нападением на Южную Корею последу-

ет захват Западного Берлина и угроза большой войны. Это было ошибкой, говорит Сарот. Но именно эта уверенность убедила западноевропейских лидеров в необходимости разместить американские войска и американские военные базы на территории Западной Европы для сдерживания предполагаемой советской агрессии. Тем более, не следовало провоцировать обострение на восточном фронте.

К осени 1951 года стало очевидным, что ни одна из сторон не в состоянии одержать решительную победу. Фронт стабилизировался на 38-й параллели, с которой и началась война. С тех пор и до настоящего времени эта параллель остается линией перемирия между КНДР и Республикой Корея, так и не заключивших между собой официального мира. Зная теперь, во что превратилась Северная и во что Южная Корея, невольно задаешься вопросом: за что гибли наши молодые ребята-летчики и тысячи китайских «добровольцев»?

Со сворачиванием боевых действий «лишних» людей отправляли в Пекин. В их число попали мои соседи-инженеры и я тоже. В Пекине нам выдали подъемные в юанях и дали неделю на «разграбление города». В те времена Пекин был усеян частными магазинами, магазинчиками и лавчонками, под завязку забитыми ширпотребом, о котором в Москве нечего было даже мечтать. Вместо «тревожного чемоданчика» пришлось купить большой кожаный кофр, с которым меня погрузили в военный транспортник, летевший в Москву.

Этот полет предоставил мне еще одну встречу с Байкалом. Когда после ночевки в Красноярске мы снова поднялись в воздух, был чудесный осенний день. На небе — ни облачка. И синяя чаша великого озера в обрамлении темно-зеленой хвои сибирской тайги

медленно проплыла справа от крыла самолета. Зрелище незабываемое. Хотя прошло уже больше шести десятков лет, я и сейчас в любой момент могу вызвать эту величественную картину в своей зрительной памяти с той же яркостью.

После непродолжительного пребывания в Москве, где в штабе ВВС я, получив обратно свое офицерское удостоверение и партбилет, переодевшись дома в свою военную форму, вернулся в Батайское авиаучилище.

КОНЕЦ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Мое прежнее место службы командира взвода было, естественно, уже занято. Как раз в это же время в военных училищах Советской армии было введено преподавание двух новых предметов — один назывался Спецподготовка, в рамках которой изучались поражающие свойства ядерного оружия и приемы защиты от атомного взрыва и радиационного излучения. Вторым — была История военного искусства. И меня назначили преподавать оба предмета. Купив школьный учебник физики, получив в Секретной части училища материалы по применению атомного оружия и защиты от него, я подготовил и прочитал курантам небольшой курс Спецподготовки. В завершение показал им секретный документальный фильм, снятый во время учений, в начале которых была взорвана настоящая атомная бомба, после чего в наступление пошли реальные войска. Зрелище взрыва было потрясающим. Наступление войск по месту взрыва внешне ничем не отличалось от обычных учений. Тогда в руководстве Министерства обороны, во всяком случае хочется этому верить, еще не представляли себе опасности пребывания человека в зараженной зоне. Сколько, как и насколько пострадали участники учений, так и осталось неизвестным.

Преподавание истории военного искусства, конечно, больше соответствовало моему образованию. К нему я был хорошо подготовлен с детства, когда отец покупал мне интересовавшие меня книги

по военной истории античности, российской военной истории, начиная с Рюриков. Эти книги, а также подаренные перед самой войной восемь томов «Истории военного искусства Западной Европы» серьезного немецкого исследователя Ганса Дельбрюка, вместе с книгами и атласами по Первой мировой войне, которые собирал отец, я захватил с собой в Батайск еще в 1949 году. В Секретной части училища находилось много материалов по Великой Отечественной войне, так что с большим интересом я приступил к подготовке курса лекций. Схемы сражений для меня вычерчивал мой бывший курсант моего бывшего взвода, для которого с его новым командиром я договорился о некоторых послаблениях по службе.

В должности преподавателя я прослужил с осени 1951-го до конца 1955 года. Поскольку формально у меня не было исторического образования, я под предлогом повышения квалификации убедил командование УЛО (Учебно-лётного отдела училища) разрешить мне поступить на заочное отделение исторического факультета Ростовского государственного университета. Четыре авиаполка училища, получившие для лётной подготовки курсантов с 1952 года самые современные истребители «МИГ-15», такие, как воевали в Корее, были рассредоточены по четырем аэродромам: на окраине Батайска, на окраине Новочеркасска, на окраине захолустной тогда, а ныне знаменитой на всю Россию станицы Куцевская и недалеко от поселка Верблюды, позже получившего гордое название Зерноград. Для проведения занятий мне приходилось разъезжать по всем аэродромам. В Новочеркасске и Верблуде приходилось снимать частную квартиру, в Куцевке преподаватели жили в палатках прямо на аэродроме. Будильником нам там служил рев реактивных двигателей, взлетающих прямо над палатками самолетов. В Батайске у нас была однокомнатная

квартира в новом, построенном за время моего отсутствия доме на территории гарнизона.

Во время первого экзамена по истории военного искусства произошел забавный случай. Курсанты готовились к экзаменам по билетам, в которых традиционно было три вопроса. Отвечали ребята, к моему удивлению, просто блестяще. Поставив первые пять пятерок, шестого курсанта я попросил передать мне билет. Оказалось, что он отвечал на билет совершенно другого номера. Хитрецы договаривались между собой, что каждый готовит ответ на один билет, независимо от того, какой он вытащит! Первые пять ребят остались со своими пятерками. Остальных, выслушав ответ на выученный билет, я стал гонять дополнительными вопросами по всему курсу. Все встало на свои места. Пошли четверки и тройки. Двоек, правда, не было. Предмет все же был интересный, и лекции слушали внимательно. Взаимных обид тоже не было. По умолчанию я признал их стратегию, а они мое право на дополнительные вопросы.

В 1953 году произошло еще два, но далеко не забавных случаев. Во-первых, рухнула моя семейная жизнь. В том году моя жена, преподававшая в том же военном училище английский язык, демобилизовалась и, забрав с собой дочь, уехала в Москву поступать в лингвистическую аспирантуру. У каждого из нас была своя версия расставания: у нее — романтическая новая любовь, у меня — ее нежелание далее продолжать бесперспективное существование в провинциальном гарнизоне. Второе происшествие оказалось связано с арестом и расстрелом Берии. Готовя цикл своих лекций, я конечно не мог не упоминать о военных заслугах не только генералиссимуса Сталина, но и его подельника — Лаврентия Берии. Чтобы не переписывать весь цикл лекций, который содержался, к тому же, в прошнурованной и скрепленной сургучной печатью тетради,

почему-то под грифом «Секретно», я просто вымарал упоминания о Берии из текста, что совершенно не повлияло на логику изложения, настолько искусственной была эта дань «политкорректности». Увы, в одном месте я пропустил это упоминание, и бдительные политработники училища, которые проверяли все лекции всех преподавателей, даже по материальной части самолетов, к своему ужасу, а может быть радости, обнаружили мое «преступление». Результатом был выговор по служебной линии и задержка присвоения мне очередного воинского звания капитана.

В конце 1955 года по инициативе Хрущева вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о сокращении Вооруженных сил СССР на 1 млн 200 тыс. человек. В Батайском военном училище, по этому указу, требовалось сократить одну из двух должностей преподавателей истории военного искусства. Одним из них был я, 28-летний старший лейтенант, да еще с выговором и задержкой присвоения очередного звания, вторым — пожилой подполковник, которому до военной пенсии оставалось дослужить два года. Для сокращения, естественно, выбрали меня: «Ты молодой, на гражданке легко освоишься», — обосновали свое решение кадровики училища.

Моя демобилизация, однако, оказалась чреватой неожиданностью. Когда в декабре 1955 года я, прибыв в Москву, явился в Управление кадров Министерства обороны, чтобы сдать военные документы и получить справку для оформления гражданского паспорта и военного билета офицера запаса, принимавший меня сотрудник заявил, что моя демобилизация является незаконной. Офицеры с высшим военным образованием демобилизации по Указу 1955 года о сокращении ВС не подлежали, и меня будут восстанавливать в армии. «И что же вы мне предложите?» — спросил я.

«Дивизион радиоразведки», — был ответ. Как выяснилось, этот дивизион располагался в тайге, якобы «недалеко от Хабаровска», для перехвата военно-политических радиопереговоров на английском языке в Тихоокеанском регионе. Опять удаленный, да теперь еще и изолированный таежный гарнизон! К отъезду из Москвы я совершенно не был расположен, тем более в одиночку, без семьи. Хотя мы еще не были в официальном разводе, но уже два года жили раздельно.

Так что я заявил кадровику, что согласен на восстановление в армии только на должности по специальности в Москве. Тут началась демагогия: «...что значит — согласен, не согласен? Вы офицер... ваш долг перед Родиной...» и т.д. и т.п. На что я резонно возразил, что я уже не офицер, а лицо гражданское, демобилизации я не просил, свой долг перед Родиной за двенадцать лет службы в армии выполнил. «Сколько там положено обязательной отработки за высшее бесплатное образование — не помните?». В общем, сказал я, писать заявление с просьбой восстановить меня в армии я не буду. «Если имеете право в мирное время меня снова мобилизовать — готовьте соответствующий приказ или что там положено». На том мы и расстались.

В райвоенкомате, куда я пришел становиться на военный учет, мне оформили как демобилизованному полагающееся в течение года пособие в 600 рублей в месяц (надбавка к должностному окладу старшего лейтенанта) и предложили на выбор две работы: заведующим булочной или начальником тира в системе ОСОАВИАХИМА. Поблагодарив за блестящие перспективы, я отправился на поиски работы самостоятельно. Это оказалось не так просто. С января по май 1956 года я перебивался временными подработками — устными и письменными переводами. Мать моя не получала пенсии

за отца, так как в год его смерти ей было только 48 лет, а пенсию платили с 50-ти. Так что материальное наше положение было незавидным. Хорошо, что по возвращении из Китая не отобрали выданное при отъезде гражданское платье.

В мае мне повезло. Хрущев решил начать организованные групповые поездки советских туристов за границу. В «Интуристе» приступили к созданию нового Отдела советского туризма, куда мне удалось устроиться. С тех пор, без перерыва, я проработал в ВАО (Всесоюзном акционерном обществе) «Интурист» в разнообразных должностях 37 лет.

НА «ГРАЖДАНКЕ»

1956 - 1970

Работа в Отделе советского туризма для меня началась с сопровождения групп советских туристов в качестве переводчика в Швецию, а потом, без заезда в Москву, в Англию. Будучи крайне неопытным провинциалом, я не учел, что в составе обеих групп были, как бы в качестве обычных туристов, сотрудники КГБ, и не уделял им никакого внимания. Следствием были весьма неблагоприятные для меня их отзывы своим начальникам. Кроме того, осенью 1956 года мы официально развелись с женой. Таким образом, я выпал из числа благонадежных советских граждан, которым можно было доверять выезд в капиталистические страны. И меня перевели на работу в сектор по туризму в страны социалистического лагеря. Занимался я организацией поездок и сопровождением групп туристов в Болгарию и Румынию. Освоил болгарский язык, для удобства поездок в Румынию на языковых курсах «Интуриста» изучал французский, который в Румынии широко использовался. После того, как уже закрепился на этой работе, я решил продолжить учебу на заочном отделении исторического факультета МГУ, чтобы приобрести гражданскую специальность. До демобилизации я успел закончить 3 курса в Ростовском и поступил на 4-й курс на кафедру Новой и новейшей истории Московского университета. Окончив истфак МГУ, как и военный институт, с красным дипломом, я получил предложение поступить в заочную аспирантуру от руководства кафедры Новой и новейшей истории. Готовиться к экзаменам в аспирантуру ни времени, ни сил у меня не хватало. Но на экзамене по специальности мою конкурентку из провинциального вуза самым бессовестным образом «заваливали», чтобы пропустить меня. И летним вечером 1965 года в ресторане «Националь» праздновали присуждение мне ученой степени кандидата исторических наук.

К этому времени, после нескольких лет отлучения от работы с иностранцами из капстран и поездок туда, женившись повторно, к тому же после рождения сына, я снова вернулся в число «морально устойчивых, полноценных и полноправных советских граждан», которым можно было доверять выезд в капстраны. Ведь теперь у меня оставались в СССР заложники, что минимизировало, возможно, таившееся желание стать невозвращенцем. И меня перевели на работу заместителем начальника Отдела стран Востока.

Все сотрудники «Интуриста», контактировавшие с иностранцами и выезжавшие за рубеж, были обязаны писать, кроме профессиональных отчетов, отчеты о своей работе с иностранцами, которые передавались сотрудникам КГБ, сидевшим в «Интуристе» под прикрытием различных должностей. Сотни таких отчетов писали гиды-переводчики, работавшие с иностранными туристами. Их работа оценивалась с учетом того, насколько им удавалось распропагандировать туристов в пользу советской власти. Чтобы заслужить положительную оценку, переводчики, в основном молодые женщины, безбожно выдумывали и включали в отчеты благоприятные высказывания туристов о советской действительности, ставшие якобы результатом их идеологической работы. Среди этого потока мои отчеты, очевидно, выделялись.

Дело было в том, что почти во всех странах, входивших в наш отдел, были государственные департаменты туризма или различного уровня правительственные туристские организации. Во главе этих организаций, как правило, стояли отставные высокопоставленные государственные чиновники, крупные представители деловых кругов. Выезжая на переговоры, мне приходилось контактировать с этими людьми. Беседы с ними обычно не ограничивались чисто туристскими проблемами. Моим собеседникам в те времена ред-

ко удавалось вне официального протокола свободно встречаться с людьми другого мира, и они испытывали естественный человеческий интерес к беседам со мной. Языковой барьер отсутствовал — все они прекрасно владели английским. Кроме того, я всегда читал массу местных газет. Так что мои отчеты, сверх тех, которые касались чисто туристских проблем, представляли собой не только характеристики моих контактов, но и оценку ситуации в стране на основе личных бесед с крупными местными фигурами на фоне текущих событий, отражаемых в местной прессе. И писал я их с интересом, так как всегда занимался международной проблематикой. Пригодились и аналитические навыки научной работы над диссертацией.

Курировавший наш отдел вице-президент «Интуриста» Георгий Зубков, кстати, весьма порядочный и симпатичный человек, бывший фронтовик, а тогда офицер резерва Первого управления КГБ (внешняя разведка), нередко брал меня с собой в свои загранкомандировки и при сопровождении в поездках по СССР крупных иностранных деятелей туризма. Например, я с ним сопровождал в поездке по Средней Азии бывшего командующего ВВС Пакистана маршала авиации Асгар Хана, ставшего президентом авиакомпания «Пакистан Эйрлайнз». После этого он пригласил Зубкова и меня в Пакистан. Побывал я с Зубковым в Индии, Афганистане, Индонезии и ряде других стран.

Намерение представителя другого, 5-го управления КГБ, занимавшегося полицейским сыском, тоже сидевшего в «Интуристе», сделать из меня «стукача» среди сотрудников я успешно отклонил. Сослался на то, что у меня нет времени. Ведь для этого надо завязывать связи и дружбу, а я сразу после работы отправляюсь в библиотеку или архив для работы над диссертацией и сижу там до закрытия,

то есть до 23 часов. Больше ко мне с такими предложениями не обращались, и последствий мой отказ не имел.

В те времена по линии «Интуриста» для зондажа политической ситуации нередко приезжали в качестве туристов государственные деятели восточных стран, не имевших дипломатических отношений с СССР. Со многими из них, по-видимому по рекомендации Зубкова, назначали работать меня. Одним из них был крупный филиппинский дипломат, советник президента Модесто Фаралан. После отъезда, он, естественно, не разбираясь в интуристовской иерархии, прислал мне телеграмму с приглашением приехать в Манилу «для продолжения бесед о дальнейшем укреплении советско-филиппинских отношений». Показав эту телеграмму Зубкову, я, по согласованию с ним, послал Фаралану просьбу повторить приглашение на имя первого вице-президента «Интуриста» Виктора Бойченко, что Фаралан и сделал. Но Бойченко взял с собой на Филиппины не меня, а свою фаворитку. Вскоре после его визита были установлены дипотношения с Филиппинами.

Пришлось мне поработать с будущим премьером Сингапура Ли Куан Ю. А вот от работы с женой тогдашнего президента Индонезии Сукарно пришлось отказаться, предложив послать к ней переводчицу женщину. Потому что я был «морально устойчив»: когда я постучал в номер гостиницы, который она занимала, она открыла мне дверь в полном неглиже и пригласила побыть с ней наедине.

Получив диплом кандидата наук, я планировал начать поиск научной или преподавательской работы. Но судьба распорядилась иначе. Узнав о моих планах, Зубков предложил руководству мою кандидатуру на должность представителя «Интуриста» в Японии. Получив добро во всех инстанциях, он объявил об этом мне, предложил подумать, но рекомендовал согласиться. «Если потом захо-

чешь уйти в науку, то после Японии никто мешать не будет». Я подумал, что он прав, и дал согласие. Оказалось, однако, что я ошибся. За пять лет отсутствия в науке (год я ждал визы от японцев и четыре года провел в Японии) я выпал из своей научной проблемы и не включился в новую. Наука же, как женщина, не терпит долгого отсутствия внимания. Так что после возвращения я стал неконкурентным в научном плане, и мои попытки «уйти в науку» оказались безуспешными.

Жалеть об этом, пожалуй, не стоит. В СССР задача исторической науки была не в поисках истины, а в том, чтобы рисовать картину произошедших событий, которая соответствовала бы интересам узкой правившей в стране в тот исторический момент группировки советской партийной номенклатуры. Подлинно независимым историкам-исследователям хода не давали. К сожалению, эта концепция усилиями нынешнего министра культуры обрела новую жизнь среди провластных историков.

Отъезд мой затянулся на целый год. Мой предшественник в Японии входил в штат советского Торгового представительства. Мне же предстояло открыть в Токио самостоятельное бюро «Интуриста». А «Интурист» формально был не государственным предприятием, а акционерным обществом, и японский МИД считал, что, как представитель коммерческой организации, я должен для получения визы сдать отпечатки пальцев. В головах советских руководителей тогда сидело убеждение, что отпечатки пальцев требуются только у преступников. Поэтому МИД категорически возражал против этого требования японцев, для которых сдача отпечатков пальцев была просто стандартной процедурой.

Решение было найдено только после того, как в 1966 году был создан государственный орган — Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР, в который «Интурист» вошел в качестве составной части. Меня превратили в государственного чиновника, который должен был открыть в Японии Туристское информационное бюро советской правительственной туристической организации. На этой основе японцы выдали мне визу без сдачи отпечатков пальцев.

НА ПЛАНЕТЕ «НИППОН»

МОСКВА — ЙОКОГАМА — ТОКИО

9 июля 1966 года наступил день отъезда. Прямого авиасообщения с Японией тогда не было. Нам предстояло длительное путешествие: Москва–Хабаровск на самолете, Хабаровск–порт Находка поездом. Из Находки в Йокогаму ходил раз в неделю пассажирский теплоход.

На линии Москва–Хабаровск курсировали гиганты советской авиации — «ТУ-114». Без посадки они покрывали это расстояние за 10 часов. Лететь предстояло всю ночь. Поэтому отделение «Интуриста» в аэропорте Домодедово заранее забронировало мне с семьей и назначенному «смежной организацией» моим заместителем совсем молодому парню Дюкову с женой и малолетним сыном билеты в одно из двух спальных купе в самолете.

10 июля утром самолет приземлился в Хабаровске. Я неоднократно бывал в этом городе в годы работы в «Интуристе». Тогда я посетил места, которые в своем дневнике об экспедициях в 1930-х годах на Дальний Восток упоминал отец. Поэтому, отправив своих спутников осматривать город, я обсудил с местным «Интуристом» вопросы будущего сотрудничества с представительством в Японии. На вокзал подъехал прямо к отходу поезда. Поезд, предназначенный для доставки иностранцев

из Хабаровска в Находку к отходу теплохода, был составлен из вагонов, использовавшихся в международном сообщении. Двухместные купе, между двумя купе — туалет, умывальник и душ. Обед и завтрак сервировали в вагоне-ресторане по фиксированному меню без выбора. Стоимость питания была включена в стоимость билета. Это, конечно, не вполне соответствовало международному стандарту, но обеспечивало приемлемый уровень обслуживания в наших условиях.

11 июля после завтрака поезд прибыл в Находку. В отличие от Хабаровска, где было 25 градусов жары, погода была прохладная, пасмурная. Пароход отправлялся через два часа. В порту нас с помощью местного отделения «Интуриста» быстро провели через таможенный и паспортный контроль на борт теплохода «Байкал». По моему и моего заместителя служебному статусу полагалась каюта второго класса, внизу — на второй палубе. Но вполне комфортабельные: двухместные с умывальником с горячей и холодной водой, радио и кондиционером. Прямо из каюты был вход в душ и туалет на две соседние каюты, как в поезде. Наскоро разместившись, мы вышли на палубу наблюдать за отплытием.

На теплоходе было полно японских туристов, возвращавшихся домой из поездки по СССР. По традиции японские пассажиры толпились у борта и бросали провожавшим рулончики цветных ленточек, держа кончики в своих руках. Через несколько минут теплоход оказался как бы привязан к пирсу сотнями разноцветных лент. Подав прощальный гудок, «Байкал» стал отходить от пирса. Ленточки раскручивались, растягивались, натягивались, словно не отпуская уплывавших, пока не разорвались и их концы не опустились на воду. Когда разорвалась последняя ленточка, «Байкал» дал еще один гудок, развернулся носом к выходу из гавани и стал набирать ход.

До Йокогамы было двое с половиной суток пути. С выходом теплохода в открытое море началась легкая качка. И большинство пассажиров к обеду не вышло.

Морская болезнь у меня проявлялась своеобразным образом. Летом 1959 года я работал временным представителем «Интуриста» в Болгарии на курорте «Златны Пясыцы». Во время одной из морских экскурсий с советскими туристами на небольшом болгарском пароходике мы попали в восьмибальный шторм. Пароходик бросало нещадно, даже часть команды периодически свешивалась за борт, не говоря уж о туристах. У меня же разыгрался зверский аппетит. Кок-болгарин, в камбуз к которому болгарская переводчица, которая также не страдала от качки, привела меня в поисках чего бы покусать, сказал, что это тоже форма морской болезни, но самая удачная, и сделал мне огромный бутерброд с сыром. В стоимость билета на «Байкале» входило питание, весьма приличное, так что я четыре раза в день получал лекарство от морской болезни.

На следующий день, 12 июля, многие уже освоились с морем, кто-то с помощью таблеток, кто-то привык к небольшой качке. Столовая уже была заполнена. Погода стояла прохладная и пасмурная. Знатоки говорили, что лето было необычно холодным.

На третий день морского путешествия, 13 июля 1966 года, около 11 часов утра показались берега Японии и к 16 часам «Байкал» бросил якорь на рейде порта Йокогамы в ожидании прибытия пограничных и таможенных властей. Небо над рейдом было безоблачным, а под таким же безоблачным небом Йокогамы висело темно-серое кольцо смога. В 60–70-х годах XX века Токио, да и Йокогама, официально числились самыми загрязненными городами

мира. (Сейчас в Токио самый чистый воздух среди крупных городов мира). Заполнили декларации, прошли пограничный и таможенный досмотры.

На пирсе, куда после пограничных и таможенных формальностей пришвартовался «Байкал», нас встретил представитель «Интуриста» Феофанов. Он повез нас в Токио, в дом, который снимал во время своего пребывания в Японии, а Дюковых временно поместил в свободную квартиру в Торгпредстве. Вера — жена Феофанова — встретила нас великолепным ужином.

Это был типичный жилой японский двухэтажный дом, в стороне от проезжей улицы, в зеленом саду. На первом этаже вдоль сада шла длинная застекленная раздвижными панелями галерея с полом из досок темного дерева. В конце первого этажа, где уже не было стеклянных панелей, располагались кухня, японский туалет, японская ванная комната. Напротив выхода в сад была выстланная татами (соломенными циновками) небольшая каморка — рабочий кабинет без окон и дверей, в котором стоял письменный стол и большой вентилятор. Без него там даже дышать было невозможно. Два жилых помещения находились на втором этаже. Там было три спальни. Феофанов уступил нам большую спальню, где на татами стояла двуспальная кровать с зелено-золотистым покрывалом и небольшой стол с четырьмя стульями. В стене был встроенный шкаф. Сёдзи — японские раздвигающиеся стены-двери из прессованного картона на бамбуковых рейках — отделяли нашу спальню от комнатухи, где стояла небольшая кровать для Сергея. Сёдзи этой комнатки открывались прямо на площадку лестницы, ведущей на первый этаж. Сам Феофанов с женой и детьми на время передачи мне дел разместился на малой половине. Дом был вполне комфортабелен для проживания, но совершенно непригоден для работы

в качестве офиса «Интуриста». Феофанова это устраивало, так как он занимался в основном другой работой. Вечером мы долго сидели за столом, слушая рекомендации Феофановых о предстоящей нам жизни.

В ТОКИО, НА РОППОНГИ

Утром я проснулся в комнате, заполненной зеленовато-золотистым светом. Это утреннее солнце сквозь листву сада и зеленые москитные сетки на окнах освещало спальню. Все еще спали, в доме стояла полная тишина. И я лежал, наслаждаясь каким-то неведомым покоем.

После завтрака мы с Феофановым отправились в посольство. Сначала я встал на учет в консульстве, где консул Шаров проинструктировал меня по правилам поведения в стране. Затем Феофанов представил меня своему начальнику, Георгию Петровичу (Г. П.), который курировал «Интурист» по линии посольства. Затем — к послу, Виноградову Владимиру Михайловичу. Каждый из них, в свою очередь, удостоил меня очередной инструкцией.

После этого мы зашли в гараж, где стоял «Москвич-403», который прислали Феофанову из Москвы. Документы на его ввоз в Японию оказались оформлены неправильно, и новенький автомобиль три года простоял в порту Йокогамы, открытый всем морским ветрам и брызгам, пока не выправили новые документы. За это время он здорово проржавел, но все же был на ходу. Феофанов посадил за руль меня, сел рядом, и мы поехали в торгпредство. До образования управления, а затем Государственного Комитета по иностранному туризму при СМ СССР, ВАО «Интурист» организационно входил

в состав Министерства внешней торговли. Поэтому его загранпредставительства традиционно были привязаны к торговым представительствам Минвнешторга.

Я научился водить автомобиль в 1949 году. Знакомый шофер перегнал его к моему новому месту службы в Батайск. Там я в 1952 году получил водительские права, три года разъезжая без них, поскольку инспекторов ГАИ в нашей местности, за исключением самого Ростова, вообще не наблюдалось. Перед отъездом в Японию я оформил себе международные водительские права.

В торгпредстве я встал на учет в «профсоюзной» (так для «маскировки» назывались за границей партийные) организации. (Партбилеты, выезжавшие в капстраны, оставляли на хранение в ЦК КПСС). Зашел в бухгалтерию, куда «Интурист» переводил деньги на содержание представительства и на зарплату сотрудникам, познакомился с главным бухгалтером. В конце посещения меня принял торгпред, выдавший очередную инструкцию.

Во второй половине дня на машине Феофанова, которую ему выделила вместо задержанного на таможне «Москвича» его организация, мы поехали знакомиться с коллегами из иностранных государственных туристских представительств. В 1966 году их было, не считая нашего, всего три: американское, английское и итальянское. Собирались они на свои встречи в помещении американской военной миссии. Туристическую службу США возглавлял Мартин Прей, на год старше меня, участвовавший во Второй мировой войне на Тихом океане и после ее окончания служивший в американских оккупационных войсках в Японии. Схожесть наших военных биографий как-то сразу вызвала взаимные симпатии, впоследствии переросшие в дружбу семьями. У Мартина и его жены Дженни было трое детей: двое мальчишек — один чуть постарше,

другой — чуть помоложе Сергея и дочка-малолетка, презираемая мужичками. Английским туристским офисом руководил шотландец Джеффри Гамильтон, что он всегда подчеркивал. Лихой плеябой, на пару лет моложе нас с Преем, он вскоре развелся со своей милой скромной женой Палм и пустился во все тяжкие с японскими девицами. Третьим был итальянец Ипполито Морери, высоченный, неуклюжий, застенчивый симпатяга, женатый на итальянской графине. Из-за своего характера он получил прозвище: Иппо-чан. (Чан — ласковая японская приставка к имени малыша). К сожалению, у его жены вскоре начались некие проблемы с психикой, и ему пришлось ее отправить домой на лечение. Сам он остался в Японии. Мартин Прей попросил меня обязательно быть на следующем заседании нашей группы, сделать на нем презентацию туристских достопримечательностей СССР и принять участие в обсуждении положения и устава объединения государственных правительственных туристских организаций в Японии (Foreign Government Tourist Organizations — FGTO), которые они готовили для официальной ее регистрации в стране как юридического лица японской туристской индустрии.

Тем временем жена Феофанова повела Ленину — мою жену — знакомить с близлежащими магазинами и купить самую необходимую на первое время утварь на «подъемные», которые Феофанов выдал мне еще вечером. Магазины в те времена — первое потрясение для советского человека, попавшего в капстрану. То, что во втором десятилетии 2000-х годов стало обычным в супермаркетах России, в середине 60-х годов XX века для советского гражданина, привыкшего к убожеству даже московских гастрономов и универмагов, магазины в капстранах вводили просто в шоковое состояние. Особенно — японские, в которых организация торговли и уровень

сервиса на порядок превосходили торговые центры любой западной страны. Неудивительно, что в первых письмах моей жены ее матери в Москву достойное место посвящалось именно магазинам.

На следующий день Феофанов представил меня трем главным контрагентам «Интуриста» в Японии. Ими были: ЯСТБ (Японо-советское туристское бюро), принадлежавшее японской компартии; ДТБ («Джапан Тревел Бюро»), крупнейший туроператор в стране и «Ниппон Экспресс» — крупная транспортная фирма, имевшая большой департамент туризма. На этом он счел передачу мне дел законченной. Я же следующим утром купил в почтовом отделении недалеко от дома два десятка конвертов и столько же листков красивой рисовой бумаги и засел в коморке с вентилятором писать на английском письма остальным турфирмам-контрагентам и прессе об учреждении в Токио Советского правительственного информационного туристского бюро, имеющего доверенность на ведение дел от «Интуриста». Сообщил временный номер телефона, действующего до организации туристского офиса. В том же почтовом отделении купил марки и опустил все письма в почтовый ящик. «Не раскручивай так работу, — посоветовал Феофанов, — захлебнешься».

Через некоторое время пошли звонки от турфирм с пожеланиями встретиться и от газет и туристских журналов с просьбами об интервью, статьях и материалах. Извиняясь, я сообщал, что пока у меня нет подходящего помещения, куда бы я мог пригласить звонивших, и тут же получал приглашение на встречу в офисах фирм. Я старался растянуть эти встречи по времени, чтобы иметь возможность нанести не просто визит вежливости, но изучить возможности фирмы, познакомиться с руководителями и уже дома занести нужные сведения в картотеку. Журналистов я принимал на первом этаже нашего японского дома.

Погода стояла жаркая, но терпимая. И в первый свободный день, 16 июля, мы всей семьей решили самостоятельно съездить в центр Токио на знаменитую улицу Гиндза, славившуюся обилием световой неоновой рекламы. В 1966 году от перекрестка Роппонги, до которого было 7–10 минут пешком от нашего дома, до центра еще ходил трамвай. Перед отъездом из Москвы во время ожидания визы я брал уроки японского на языковых курсах «Интуриста». Выучил совершенно необходимые для магазинов фразу «сколько стоит» и цифры — от одного до тысячи. А также фразы и слова, с помощью которых мог заказать еду в ресторане и спросить дорогу: направо, налево, прямо, сколько метров прямо, до поворота, какой светофор по счету и т. п.

Впервые свои знания японского я использовал на остановке трамвая. Подойдя к передней площадке остановившегося трамвая, я уверенно спросил вагонновожатого: «Гиндза э икимаска?». На что водитель ответил: «yes, yes», продемонстрировав гайдзину (ино-странцу), что японцы тоже не лыком шиты. Погуляли по центру, поужинали в ресторанчике. Там знания японского негодились. У входов в маленькие ресторанчики, которыми кишела не только Гиндза, но и весь Токио, висели стеклянные витрины, в которых были выставлены великолепно сделанные муляжи всех японских блюд, подававшихся посетителям. Стоило остановиться у такой витрины, как выскакивал служка и ждал, пока ты выберешь блюдо и ткнешь в него пальцем и на пальцах же покажешь, сколько порций тебе надо. Усадив тебя за столик или набело выскобленный прилавок, перед тобой ставят стакан холодной воды и горячую махровую салфетку в керамической лодочке. Ею надо было вытереть лицо и руки от уличной пыли. После чего появлялись выбранные тобой и приготовленные на твоих глазах блюда.

Погуляв по Гиндзе, полюбовались вечерней рекламой. Такое обилие красок и света я не встречал ни в одной другой стране. Вернулись на метро до станции «Роппонги». Оттуда — пешком до дома. В метро тогда указатели на японском дублировались на английском. 24 июля, в воскресенье, опять провели в пешеходных прогулках по городу. Пробовали в разных ресторанах и забегаловках японскую кухню. Суп нам подавали в круглых шкатулках. В таких у нас дома в Москве хранились пуговицы и прочие мелочи. Остальные блюда — в продолговатых или квадратных лакированных шкатулках или на деревянных подставках. Осваивали еду палочками.

Машина пока находилась на профилактике, и починить кое-что требовалось. Так что мы были несколько ограничены в передвижении. Городской транспорт, даже метро, работал хуже, чем в Москве. Получив, наконец, «Москвич» из ремонта, я, по совету опытных посольских, начал посвящать время изучению автомобильных маршрутов по городу. Освоив близлежащие кварталы, я постепенно расширял область поездок. Левостороннее движение, как ни странно, особой проблемы для меня не представляло. Всего два раза, после поворота направо, я оказывался на встречной полосе. Во время этих поездок за мной неотступно следовала машина японской контрразведки. Причем, не скрываясь, а нарочито демонстративно. Даже когда со мной ездили жена и сын и мы выходили из машины осмотреть какую-либо достопримечательность или даже просто в магазин, два филера неотступно маячили за спиной. В посольстве мне советовали не обращать на них внимания, и ни в коем случае не пытаться «оторваться».

27 июля с отъездом Феофановых на ту половину, где жили они, переехали Дюковы. Помимо текущей работы с турагентами и прес-

сой, раз в неделю мне приходилось ездить в Йокогаму встречать наш теплоход и выдавать сотруднику отделения «Интуриста» из Находки, который сопровождал возвращавшихся японских туристов, суточные в валюте. Так я перезнакомился со всеми капитанами наших теплоходов. Фирма «ФЕСКА–Лайн», обслуживавшая наши теплоходы, выдала мне специальный пропуск, по которому я беспрепятственно въезжал на территорию порта и даже прямо на пирс, где швартовались теплоходы.

Кроме этих поездок, Дюков в моей работе не участвовал, занимаясь своими делами под руководством своего начальства из «смежной организации». Только однажды, может быть по их рекомендации, чтобы хоть как-то обозначить свою принадлежность к интуристовской работе, он напросился на одну из встреч вместе со мной. В ней также участвовал Мартин Прей. По ее окончании мы вышли вместе, и Мартин предложил выпить по стаканчику за знакомство с Дюковым. Пока мы шли до ближайшего бара, японцы, попадавшиеся навстречу, с удивлением оборачивались, услышав, как два гайдзина говорили между собой на их родном японском. Дюков английского не знал, а Мартин неплохо говорил по-японски. Выпив по небольшой порции виски со льдом и водой, мы распрощались. К моему удивлению, Дюкова от этого глотка алкоголя так развезло, что мне пришлось под руку тащить его на второй этаж нашего дома. Тогда я не придал этому эпизоду значения. Случается...

По воскресеньям мы ездили в торгпредство, где проводили время возле бассейна, в котором я учил Сережку плавать. В один из воскресных дней я рискнул отправиться в отдаленный от центра район Асакуса. Там располагался крупнейший в Токио синтоистский храм богини Кэннон. Повторив про себя все заученные фразы и слова, предназначенные для поиска дороги, захватив Ленину

и Сережку, я тронулся в путь. Миновав знакомые кварталы, мы вступили в «терра инкогнита». Я начал спрашивать дорогу к храму. Меня понимали, но на вопрос по-японски начинали быстро объяснять, куда и как мне ехать, не учитывая моих ограниченных возможностей. Приходилось снова задавать самые примитивные вопросы: сколько ехать прямо, сколько метров до поворота направо, налево... Японцы быстро соображали, каким образом мне надо объяснять направление движения. Так мы постепенно, прыжками, продвигались к цели. Одному из водителей грузовичка «Тойота» надоело такое объяснение. Махнув мне рукой, он предложил следовать за ним и довел прямо до улицы, ведущей к храму. Я вышел из машины, чтобы поблагодарить его, но он, помахав мне, развернулся и поехал в обратном направлении. Оказалось, что ему вовсе было не по пути со мной, как я подумал, и он специально свернул, чтобы помочь мне.

Посетив службу в храме, мы прошлись по торговым и развлекательным рядам, тянувшимся от него к улице, где мы оставили машину. В какой-то момент мы вдруг обнаружили, что потеряли Сергея. В панике мы бросились назад, заходя в один за другим магазинчики и увеселительные заведения. В одном из них — зале для игры в «пачинко», самой популярной в Японии игры простолюдинов, стоял Сережка, зачаровано наблюдая за игроками, гонявшими блестящие шарики в электрических бильярдах.

Обратный путь я проделал по той же дороге уже без расспросов. Впоследствии мы часто наведывались в Асакусу. Там находился большой универмаг «Акафудадо», в котором все товары стоили по 95 иен. Кроме того, в огромном крытом развале можно было очень дешево купить вполне приличные подарки для московских друзей и родных, а также для посещавших Японию интуристовцев.

В августе в рабочие будни вместе с президентом ЯСТБ Симицзу, с которым я был давно знаком по прошлым командировкам в Японию и который всегда оказывал мне всевозможную «товарищескую» помощь, я начал поиски нового помещения для рабочего офиса. Мы подобрали три подходящих места в центре с витринами, глядевшими на улицу. Выбрав одно из них, мы поехали заключать договор аренды. Однако, хозяин, ранее любезно принимавший нас, теперь с поклонами и извинениями заявил, что не может сдать нам это помещение. То же повторилось и в двух других. Очевидно, японские власти не пожелали иметь на центральных улицах витрину, рекламирующую Советский Союз. Обсудив ситуацию с Симицзу, мы решили подыскать что-нибудь подходящее не в самом центре.

Успешно освоив маршруты в границах Токио, я решил, что вместо торгпредского бассейна лучше ездить по воскресеньям на море. Советским гражданам в Японии без разрешения японского Министерства иностранных дел можно было свободно передвигаться только в самом Токио и 30-километровой зоне вокруг города. Для более дальних поездок за город надо было испрашивать письменно разрешение МИД с указанием маршрута и графика поездки. Это требование было ответной мерой на аналогичные ограничения, введенные для иностранцев советской стороной в Москве. Исключения были сделаны для порта Йокогамы и курортного городка на берегу моря — Камакуры. Туда мы и поехали в ближайшее воскресенье. Кроме пляжа, в Камакуре была известная достопримечательность: огромная бронзовая статуя Будды. В его спине была дверца, войдя через которую в тело Будды, можно было подняться по лесенке в его голову и сфотографироваться, высунувшись из специально прорезанного окошечка. Сергей, естественно, воспользовался этой возможностью. В плотной морской воде он быстро

усовершенствовался в плавании. На пляже мы проводили целый день. Вдоль него тянулись многочисленные заведения с японской и европейской кухней. В Камакуру мы продолжали ездить и после окончания купального сезона — просто подышать свежим морским воздухом после токийского смога.

1 сентября Сережа пошел в первый класс посольской школы. Первоклассников тут же приняли в октябрята, но почему-то повязали им пионерские галстуки. Значков октябрятских с дедушкой Лениным, изображенным кудрявым мальчиком, видимо, не доставили. А знак отличия от беспартийного детства в капиталистическом окружении был, конечно, идеологически необходим. Правда, за пределами школы галстук носить не рекомендовалось. При посольстве была только начальная школа. В ней учились также дети посольских работников соцстран. Единственный профессиональный учитель начальной школы, она же директор, присланная из Москвы, вела четвертый класс. Остальные классы — жены работников посольства на полставки.

В сентябре, хотя наступила календарная осень и в Токио стало прохладнее по вечерам, но днем по-прежнему было 24–26 градусов. Кончился надоедливый сезон дождей, когда из дому вообще нельзя было выйти без зонтика. Дожди стали кратковременными и теплыми. В саду продолжали цвести розы и созревал инжир. Однако наступал период тайфунов, зарождавшихся в Тихом океане. Обычно тайфуны, которые часто посещали Японию в осенние месяцы, задевали Токио только крылом: тропический ливень, как из ведра, и сильный ветер. А вот 24 сентября через Токио ураган пронесся своим могучим центром. Днем было необычайно тихо, безветренно и пасмурно. Но в воздухе была разлита какая-то тре-

вога. По радио и телевидению каждые полчаса передавали сводки о продвижении тайфуна. Ночью, когда мы уже легли спать, тайфун обрушился на город. Сплошная стена дождя колотила по крыше дома пулеметными очередями. Под ударами ветра дом трещал, вибрировал и, казалось, вот-вот развалится. Проснувшийся Сергей примчался к нам в постель. Ночь мы практически не спали. Наутро ветер утих, но дождь продолжал литься сплошной стеной. Спустившись на первый этаж, мы обнаружили, что весь пол покрыт сантиметровым слоем воды, несмотря на то, что стеклянные панели террасы были плотно задраены. Мощное давление ветра продавливало водяную пыль сквозь незаметные глазу щели. Стекла каким-то чудом остались целы. Но кое-где в Токио, где проходят каналы, случились наводнения. От ураганного ветра пострадало около 1000 домов.

Когда утих дождь и выглянуло солнце, обследовали сад. После тайфуна, как ни странно, все деревья оказались целы. Даже плоды инжира не свалились. Появились первые желтые листочки. Но розы по-прежнему цвели, трава зеленела. Лето как бы продолжалось. Лето и осень 1966 года были периодом затухания подземных толчков после мощного землетрясения, потрясшего Японию незадолго до нашего приезда. Эти подземные толчки, правда, не разрушительные, но довольно чувствительные нам приходилось переживать довольно часто. Землетрясения в Японии были столь же регулярные, что и тайфуны. К счастью, во время нашего пребывания разрушительных землетрясений не было. Самое сильное из них мне пришлось пережить во время поездки в город Саппоро на Хоккайдо. Пришлось даже вскочить с кровати и встать в проем двери номера в гостинце. По инструкции это было наиболее безопасное место, если не успеваешь выбежать на улицу.

За прошедшие после приезда месяцы, посетив два партсобрания в торгпредстве и пару их совещаний, я пришел к заключению, что интересы моей работы и деятельность торгпредства не имеют между собой ничего общего. Даже торгпредский плавательный бассейн с освоением моря в Камакуре потерял привлекательность. Я практически перестал бывать в торгпредстве, если не считать визитов для получения денег со счета «Интуриста». Переговорив с парторгами, я перешел на учет в «профорганизацию» посольства. Г. П., который, без сомнения, имел из Москвы информацию о моей работе с иностранцами в «Интуристе», пока не беспокоил меня, ожидая, когда я разберусь со своими организационными проблемами и обрсту интересными связями. Так что пока я занимался укреплением контактов с турагентствами, прессой и бытовыми вопросами.

В СЕНДАГАЕ

В октябре Симидзу нашел более подходящее место для нашего проживания и офиса. Не в самом центре, но не очень далеко и на прямой линии городской электрички от центральной части Токио в районе, называвшемся Сендагая. Это было новое здание апартмент-отеля «Сендагая Мэншн» — единственное современное здание из стекла и бетона в глубине квартала, на тихой узкой улочке, застроенной традиционными японскими домиками. Двора не было, только парковка для машин. Был садик на крыше. Внизу ресторан и приемная, где можно было принимать визитеров. Я снял там две квартиры: на втором этаже для себя, на третьем — для Дюкова. На третьем же этаже арендовал большую комнату под

офис, куда перевез письменный стол, кресла, вентилятор, телевизор и сейф из прежнего дома.

Квартира была оборудована в смешанном европейско-японском стиле. Справа от входной двери располагался европейский санузел. Отдельного помещения для кухни не было. В узком коридорчике, который вел от входной двери, по левой стенке были смонтированы: газовая плита, мойка с небольшой разделочной панелью и холодильник. Напротив этой кухни с помощью сѐдзи из общей площади помещения была выкроена темная спальня около 6 м², выстланная татами. В ней помещались две кровати и прикроватная тумбочка с лампой. Коридорчик выходил в большую, метров 20 гостиную. В нее из спальни также можно было выйти, раздвинув сѐдзи. По правой стене гостиной стоял большой диван-кровать. У левой стенки — небольшой столик со стульями. Большая, из толстого ребристого стекла, скользящая дверь вела на большой балкон, под которым были места для стоянки машин. У балконной двери встал Сережин письменный столик. Около сѐдзи, отделявших гостиную от спальни, — недавно купленная швейная машина.

Ее пришлось купить потому, что Ленина, кроме эластичных трикотажных платьев, ничего не могла подобрать из готовой японской одежды по своей европейской фигуре. В сложенном виде машинка представляла собой столик полированного светлого дерева. Раскрыв две дверцы, скрывавшие висящую вниз головой машинку, можно было работать на ней, как за письменным столом. Машинка решила вопрос с нарядами, необходимыми для посещения официальных мероприятий. Так, когда Джефф Гамильтон пригласил нас на праздник Св. Патрика, она успела за два дня сшить роскошное вечернее платье. Я же, малограмотный в светской жизни, прочитав в приглашении, что форма одежды на прием “black tie” («черный

галстук»), оделся как на похороны: черный костюм и черный галстук. Открыв дверь в зал приема, я тут же попытался улизнуть: вся публика, включая официантов, была во фрачных парах с черными бабочками. Но Джефф, увидев меня, подскочил и, несмотря на мои возражения, потащил нас в глубь зала представлять британскому послу. Никто из присутствующих и ухом не повел на мой похоронный наряд. Я же в полном смущении ляпнул приветствовавшему меня послу, что я единственный гость, которого здесь нельзя принять за официанта. Добродушный смешок окружения в какой-то мере снял мое напряжение, но я все же постарался поскорее уйти под ламентации Джеффа: «Ведь у нас здесь столько прекрасного виски!».

Отсутствие сада при нашем доме компенсировали расположенные рядом два парка. Прямо позади дома был небольшой парк, скорее — сквер. Искусственная, вся поросшая зеленью скала, мостик, прудик, фонтанчик, детская горка, песочница, храм. Все миниатюрное и со вкусом. Помимо этого сквера в конце улицы, проходившей мимо станции городской электрички Сэндагая, был большой парк, в котором находился один из наиболее почитаемых в Токио синтоистских храмов Мейдзи Дзингу. Мы часто ходили туда гулять в свободное время, подходили к храму и наблюдали за службой монахов.

На задах нашего дома проходила торговая улица. По обеим ее сторонам первые этажи японских домиков занимали небольшие частные магазинчики, бары и закусочные. Там мы облюбовали две из них: темпурную и сусичную. По выходным мы периодически заходили в одну из них по пути домой, когда не хотелось готовить дома обед или ужин. Чаше мы посещали темпурную, где хозяин уже знал нас и всегда радостно приветствовал. Зайдя внутрь, мы садились за высокий, добела выскобленный прилавок.

— Как всегда? — спрашивал хозяин.

И бросал в кипящее в блестящей металлической чаше растительное масло выловленных из аквариума креветок, овощи и запекал их в кляре. Через несколько минут готовые порции темпуры на четырехугольных слегка изогнутых тарелочках ставились перед нами вместе с соевым соусом в лакированной пиале. В соус надо было положить и размешать горку тертого дайкона (белой редьки). После темпуры я и Сергей заказывали еще мисосиру (суп из соевых бобов с морской капустой) и зеленый чай. Когда хотелось только слегка перекусить, мы посещали суси-бар. После обычной процедуры со стаканом холодной воды, горячей салфеткой и палочками для еды хозяин у нас на глазах лепил из вареного охлажденного риса небольшую котлетку, смазывал ее сверху зеленой горчицей «васаби» и предлагал на выбор лежащие под стеклом на льду ломтики различных сортов рыбы, кальмаров, креветок, каракатиц и других морепродуктов. Выбранные морские деликатесы он укладывал на рисовые котлетки. Готовые суси подавались на подставке, выструганной из натурального дерева. Туда же помещалась горка маринованного имбиря. Рядом ставилась керамическая мисочка с соевым соусом. Есть суси можно было не обязательно с помощью палочек, но и руками, окуная котлетки в соевый соус. Иногда мы выбирали закусочную, где подавали «унаги» — копченого угря в квадратной лакированной коробочке, на выбор — большого, среднего или маленького размера. В коробочку насыпался горячий вареный рис, сверху поливался сладковатым соевым соусом. Поверх риса укладывался либо цельный кусок угря, либо несколько его широких полосок. Угорь посыпался душистой специей. Полный обед тоже включал мисосиру и зеленый чай.

Все рыбные продукты в подобные закусочные каждое утро доставлялись хозяевам с оптового рыбного рынка «Цукидзи». Рыбный рынок занимал огромную крытую территорию на берегу Токийского залива. Посещение его было неременным атрибутом для тех, кто приезжал в Японию более чем в краткосрочную командировку или турпоездку. Ехать туда надо было не позже 5 часов утра, когда к причалам подходили рыболовецкие шхуны и начиналась разгрузка улова. Пирамиды ящиков с мелкой и среднего размера рыбой всевозможных видов, огромные тунцы, горы еще шевелящихся щупальцами осьминогов, грозно поднимавших клешни крабов... Чего только там не было! Работники рынка на ручных тележках и механических подъемниках развозили товар по различным участкам рынка на шумные аукционы. Маклеры на подиуме предлагали партию товара, выкрикивали цену, а толпившиеся перед подиумом крупные оптовики, перекрикивая друг друга, поднимали фанерки с написанной суммой, стараясь заполучить ту или иную партию. Купив желаемое, они везли товар в многокилометровый лабиринт прилавков, арендуемых менее крупными оптовиками, у которых морепродукты мелким оптом покупали представители токийских рыбных магазинов, ресторанов и закусочных. К 8 часам утра аукционы заканчивались. Продолжалась лишь мелкооптовая торговля с прилавков на улицах вокруг рынка. Зрелище было столь фантастическое, что я отснял десятки метров 8-миллиметровой киноплёнки, несколько катушек фотоплёнки и записал на магнитофон звуки рынка.

В начале октября я получил телеграмму из Москвы, в которой сообщалось о решении руководства «Интуриста» провести накануне нового туристского сезона конференцию туристских фирм-

контрагентов. В телеграмме отмечалось, что если из Японии на конференцию поедут 5 и более фирм, то мне надо будет сопровождать их в Москву. У меня в поездку записалось более десяти фирм. Так что и я собрался ехать. Регулярное прямое беспосадочное авиасообщение Москва–Токио официально открывалось только в апреле 1967 года. На 19 октября 1966 года, насколько я помню, был назначен не то пробный технический, не то рекламный рейс, на котором я планировал вылететь.

Погода и в середине октября по-прежнему стояла летняя. Голубое небо, ясное солнце, тепло, 22–24 градуса, но уже с вечерней свежестью. В предвидении пребывания в Москве ездили по магазинам покупать подарки родным, знакомым и «нужным» людям. Подарков набрался целый картонный ящик.

Перед отъездом в Москву я отправился в отделение транспортной полиции поменять оформленные в Москве международные водительские права на внутренние японские. Полицейский, слегка говоривший по-английски, объяснил мне, что не может поменять мне права. Оказалось, что годичный срок их действия надо было исчислять не с момента прибытия в Японию, а от даты выдачи. Так что срок действия моих прав уже истек. Пришлось идти сдавать экзамены по правилам дорожного движения и практическому вождению на автодроме.

Экзамен по правилам дорожного движения я сдал без проблем. В тестовом режиме надо было из вариантов вопросов на английском языке выбирать правильные ответы. Для сдачи практического вождения на автодроме меня посадили на заднее сидение старенькой «Тойоты». За руль сел тоже сдававший экзамен араб, рядом с ним — инструктор. Араб вел машину ужасно. Дергал несчастную «Тойоту» при начале движения, дважды заглушил мотор, трогаясь с места.

Но получил положительную оценку. По сравнению с ним я был водителем-ассом и уверенно выехал на автодром. При прохождении трассы допускалось две ошибки. Первую я совершил на подъеме с крутым поворотом, задев левым колесом бордюр. Ничего, подумал я — одну ошибку можно. И тут же по советской привычке экономить топливо допустил вторую: на пологом спуске перевел рычаг переключения передач в нейтральное положение и спокойно скатился с горки накатом.

— Стоп, достаточно. — Сказал инструктор. Потренируйтесь и приходите снова через неделю.

— Почему? — удивился я. Ведь у меня только одна ошибка?

— Во-первых, — пояснил инструктор, я должен был остановить вас после того, как вы задели бордюр. Чтобы считать это нарушение ошибкой, вам надо было остановиться, вернуться назад и проехать поворот еще раз, не задев бордюра. Но я решил дать вам еще один шанс, а тут — вторая ошибка с выключением коробки передач на спуске.

Раздосадованный, я уже с недействительными международными правами, поехал на встречу с одним из турагентов. Рассказал ему о неудаче и посетовал на двойные стандарты в отношении к арабу и ко мне.

— Этот араб, очевидно, — предположил мой собеседник, — окончил автошколу при этом автодроме. Думаю, что вам и через неделю не удастся сдать экзамен. У инструкторов есть десятки уловок и ловушек, чтобы проваливать иностранцев, пытающихся сдать экзамен самостоятельно. Они это делают для того, чтобы вынудить вас пройти курс обучения в их автошколе и заплатить за это тридцать тысяч иен.

— Что же делать? Может, просто дать им эти деньги?

— Ни в коем случае, я вам помогу. У меня на другом автодроме есть знакомый инструктор. За пару тысяч иен он даст вам урок, на котором покажет все ловушки и объяснит все уловки.

Так мы и сделали. И через неделю, к изумлению моего экзаменатора, я проехал автодром без единой пометки и получил внутренние японские водительские права. До сих пор я сохраняю их на память среди множества уже ставших ненужными в моем возрасте документов.

18 октября из Москвы в Токио с рекламным рейсом прибыл гигантский «ТУ-114», преодолевший это громадное расстояние без посадки за 11 часов, и произвел в Токио фурор. В токийском аэропорту Ханеда не оказалось достаточно длинного трапа, чтобы достать до двери лайнера. Японские газеты были полны фотографиями и описаниями суеты в аэропорту, чтобы обеспечить экипажу и делегации выход из самолета. С обратным рейсом 19 октября вылетели мои турагенты и я сам.

Уже в воздухе я с ужасом спохватился, что забыл взять с собой медицинский сертификат об обязательных прививках от оспы и холеры. В перспективе вместо участия в празднике мне предстояло провести 21 день в карантине. Но судьба сжалилась надо мной на этот раз. При первой попытке посадки в аэропорту Домодедово у самолета не вышли шасси. Пилоты ушли на второй круг, и пару часов кружили над аэропортом, выжигая горячее перед предстоящей жесткой посадкой на фюзеляж. Тем временем внизу собрались пожарные и санитарные машины, руководство «Аэрофлота» и прочие официальные лица. Перед самым приземлением пилот еще раз попробовал выпустить шасси. Внезапно они вышли и встали как положено, на замок. Посадка была мягкой.

Вошедшей первой в самолет женщине-врачу я признался, что забыл сертификат в Токио.

— Да ладно, — ответила, пощупав мне лоб, еще не пришедшая в себя после пережитых волнений врач, — слава Богу, благополучно сели!

Во время конференции меня попросили зайти в бухгалтерию. Все тетушки-бухгалтеры налетели на меня с требованием прекратить списывать представительское спиртное по 50–100 граммов на встречах.

— Вся бухгалтерия занята подсчетами ваших выпивок, — жаловалась главный бухгалтер Глазкова. — Списывайте бутылками!

— Да что я алкоголик, что ли, — возражал я.

— Ну так составляйте акт за 10–20 встреч, но активируйте бутылками.

Пришлось пообещать увеличить потребление алкоголя.

На обратный путь я получил в поликлинике Минвнешторга дубликат моего сертификата о прививках. Дюков с гордостью приехал встречать меня на «Москвиче», на котором в мое отсутствие учился вождению и здорово его «угрохал». Приехал он на трех цилиндрах, даже не заметив этого. Пришлось везти машину опять в ремонт. Поставив «Москвич» после очередного ремонта под балконом, я написал в Москву, что «Москвич» большую часть своей жизни проводит в ремонтной мастерской, что его ремонт стоит безумно дорого, так как для него приходилось приспособливать запчасти от японских машин. И предложил выделить мне деньги на покупку новой японской машины.

Устроившись в «Сендагая Меншн», я приступили к занятиям японским языком. В смете расходов представительства была предусмотрена статья «Изучение языка страны». Учителя — молодого парня — актера традиционного японского театра «Кабуки» — порекомендовал все тот же мой добрый гений Симидзу. У меня была

тайная мысль, что он будет одновременно давать уроки Сергею. Но это оказалось невозможным: детский японский язык коренным образом отличался от языка взрослых. Не меньше, чем, например, язык подчиненного при разговоре с начальником от языка начальника, разговаривающего с подчиненным. Или женский от мужского. Симидзу подарил мне записанные на магнитофонную пленку два курса японского языка. Купив портативный магнитофон, я все свободное время, воткнув в ухо наушник, посвящал заучиванию этих текстов. Ленина была очень довольна, так как я по вечерам, с магнитофоном на плече и наушником в ухе, мыл посуду, чтобы не сидеть без дела, прослушивая курс.

Осенью получила развитие удивившая меня история с неожиданным опьянением Дюкова во время нашего посещения бара с Преєм. Из Москвы для угощения визитеров при встречах мне прислали набор представительских продуктов на 1967 год: водку, коньяк, черную икру в банках и советские сигареты в эксклюзивной упаковке. Я складировал их в офисе на третьем этаже. Через некоторое время обнаружил, что спиртное стало пропадать. Ключи от офиса были также у уборщицы, но предъявить обвинение без твердых улик я не решался, и просто запер продукты в сейф. Как-то вечером мне срочно понадобился «Москвич». Выйдя на улицу, я увидел машину с ревущим от напряжения двигателем, пытающуюся вписаться в узкий выезд из отеля. Подбежав, я обнаружил за рулем в дым пьяного Дюкова. Буквально вытащив его из машины, я на следующий день рассказал Г. П. о пропажах спиртного и инциденте с «Москвичом».

— Спасибо за информацию, — сказал он, — я с ним разберусь.

На какое-то время Дюков притих. Но, оказалось, ненадолго. Вскоре меня по телефону срочно вызвали к послу. Не успел я открыть дверь в его кабинет, как Виноградов в ярости обрушился на меня:

— Почему не доложили мне, что ваш помощник — пьяница?!.. Да я вас вместе с ним в 24 часа...! — грохотал огромный Виноградов. В этот момент в кабинет вошел также вызванный послом Г. П.

— Он мне докладывал, Владимир Михайлович. Я в курсе дела.

— Ах, так. — Сбавил тон Виноградов. Вы идите, Брагинский, мы тут с Георгием Петровичем разберемся без вас.

Облегченно выдохнув, я вышел из кабинета. Через несколько дней семейство Дюковых было уже на пути в Москву.

Как мне рассказал Г. П., выяснилось, что незадолго до выезда в Японию Дюков лечился от алкоголизма. Незначительная порция алкоголя за знакомство с Преем, видимо, разрушила какой-то барьер. Он опять впал в алкогольную зависимость. Лишенный доступа к представительским напиткам, Дюков взял в японской винной лавчонке в кредит бутылку виски, но платить потом отказался, угрожая владельцу всяческими неприятностями. Японец пожаловался в консульство. В результате больше года, пока готовили замену Дюкову, я с большим удовольствием работал без гебешных «помощников».

В декабре температура все еще оставалась плюсовой (даже ночью 2–4 градуса). В этом месяце при ясной погоде у японцев принято выезжать за город любоваться «момидзи» — осенней листвой в парках. Деревья стоят желтые, красные и зеленые. Красиво необыкновенно. Японцы, несмотря на прохладу, по-прежнему ходили без пальто. Многие дети — в носках с голыми коленками. В воскресенье 18 декабря было даже +16°C, и мы тоже съездили «на момидзи». Заехали в парк развлечений посмотреть местную достопримечательность — необычный цирк под водой. В огромном аквариуме цирковые номера исполняли ныряльщики в масках и ластах.

Ближе к концу года пришло согласие «Интуриста» выделить средства на покупку японской машины. Чтобы перечислить деньги, «Интурист» потребовал списать «Москвича», составив акт технической экспертизы. За его составление японцы потребовали значительную сумму. Тогда Москва предложила сдать «Москвича» в утиль и самим составить об этом акт. Но утилизация тоже стоила довольно дорого. Москве это все надоело и мне предложили отправить «Москвича» в Находку. Чтобы оформить документы на отправку, мне опять требовалась немалая сумма. Тогда все это уже надоело и мне. Договорившись с капитаном «Байкала» и представителем «Интуриста» на борту, я приехал на «Москвиче» прямо на пирс, и команда теплохода загрузила его в трюм. Японцы никак не ожидали такой авантюры и даже не заметили контрабандного отплытия «Москвича». Зато в Находке таможня устроила скандал. Руководительнице отделения «Интуриста» в Находке как-то удалось утихомирить таможенников, и «контрабандный» «Москвич» еще несколько лет поработал в находкинском «Интуристе». Я же, наконец, на вожденные деньги приобрел последнюю модель «Нисана» — великолепный черный лимузин марки «Седрик» — достойный правительственного туристского бюро.

Поставив новую машину на стоянку вместо «Москвича», я засел за квартальный финансовый отчет. Три дня я бился с цифрами, но баланс никак не сходился. Пришлось привлечь Ленину, которая в начале войны в 1941 году поработала в бухгалтерии Министерства танковой промышленности и вообще была «на ты» с математикой. Она быстро нашла, что я ошибся, переводя присланные из Москвы доллары в японские иены по существовавшему тогда курсу, и купил машину в два раза дороже выделенной мне суммы.

Я тут же позвонил на фирму и попросил забрать «Нисан» и заменить его на более дешевую машину. На фирме не возражали, но предупредили, что могут забрать «Нисан» только как подержанную машину, так как она уже зарегистрирована на меня.

— И какова будет разница в цене? — спросил я. — Ведь машина еще не прошла и километра!

— Это не имеет значения, — был ответ. Она уже сменила владельца. Мы вернем вам деньги за вычетом 200 тыс. иен.

Мой месячный оклад составлял 180 тыс. иен. Я написал покаянное письмо президенту «Интуриста» Анкудинову и просил разрешить мне выплачивать долг из моей зарплаты в рассрочку. Просил также не задерживать ответ, так как с каждым днем сумма вычета возрастает. В ожидании ответа машина сиротливо стояла у меня под балконом. Время шло, а ответа все не было. Лишь через месяц я неожиданно получил сообщение, что мне выделены дополнительная сумма на покрытие полной стоимости «Нисана». Так я остался с самым роскошным лимузином не только среди всех иностранных правительственных туристских организаций, но и среди сотрудников посольства и торгпредства. Это, с одной стороны, вызывало у них зависть, но, с другой, повысило мой авторитет.

Во время очередного отпуска я зашел к начальнику оргинспекторского отдела «Интуриста» и спросил, почему так долго решался вопрос о «Нисане». «Анкудинов посмеялся и сразу решил добавить тебе денег. Но надо же было наказать тебя за разгильдяйство», — ответил Михайлов.

42-Й ГОД ЭПОХИ СЁВА

До середины XIX века японские острова, окруженные со всех сторон огромными зеркалами морей, находились в полной изоляции от внешнего мира. «Гайдзинам» — иностранцам — доступ в «Страну восходящего солнца» был закрыт. Вполне естественна поэтому самобытная японская культура, традиции и обычаи, до сих пор удивляющие заезжих иностранцев.

Столь же естественно, что свое летоисчисление японцы не могли вести от Рождества Христова. Современный григорианский календарь был принят в Японии только в 1873 году. Но до сих пор наряду с ним в повседневной и даже в официальной жизни используется традиционный японский календарь. Например, дата выдачи мне водительских прав обозначена в них обоими календарями.

Этот лунный календарь ведет исчисление по срокам правления императоров. Вступая на престол, император должен был выбрать девиз своего правления, по которому получала название эпоха его царствования. Первым годом правления нового императора считается год вступления на престол. Он продолжается только до 31 декабря того же года.

Период, описанный в моих воспоминаниях, приходится на годы правления императора Хирохито. С 25 декабря 1926-го по 7 января 1989 года, когда после смерти Хирохито на престол вступил его сын Акихито.

Девизом Хирохито выбрал слово «Сёва», что означает «Просвещенный мир». Второй год эпохи Сёва начался уже через неделю, с 1 января 1927 года. 42 год эпохи Сёва соответствует 1967-му григорианскому, 43-й — 1968-му.

Новый 1967 год мы встречали в посольстве. Народу было очень много. Уехали домой в 3 часа утра, а многие еще оставались. 2 января была елка для ребят. В школе у Сергея дела шли нормально. Но уровень преподавания там нас не удовлетворял. Как-то в разговоре с женой Г. П. мы узнали, что в 1964 году во время визита в Японию член Политбюро ЦК КПСС Анастас Микоян порекомендовал работникам посольства и торгпредства, имевшим детей младшего школьного возраста, отдавать их в японские начальные школы, чтобы по возвращении в Союз можно было бы готовить из них высококвалифицированных японистов. СССР испытывал в них острую нужду. При всей высокой квалификации преподавателей японского языка в Институте Азии и Африки МГУ обучить всем тонкостям этого языка, а также иероглифике студентов в возрасте от 20 лет не удавалось.

Это подтвердилось после нашего возвращения из Японии. Один из тогда ведущих японистов Института Азии и Африки Стрижак, на нашу просьбу порекомендовать кого-либо из преподавателей для продолжения занятий японским с Сергеем, ответил, что не считает возможным, чтобы с ним занимался кто-либо из них. С Сергеем, утверждал он, может заниматься только натуральный японец. Любой русский преподаватель только испортит его язык, усвоенный в детстве в японской среде. Он рекомендовал, во избежание неприятностей, заключить официально договор на преподавание с его знакомым, сотрудником одной из японских фирм в Москве, гражданином СССР. А заниматься с Сергеем будет его жена-японка.

Несмотря на рекомендацию Микояна, до весны 1967 года никто из посольских работников этой возможностью не воспользовался.

Лишь одна из дочерей сотрудника Торгпредства училась в японской школе. Они много рассказывали нам о преимуществах японской школы для физического и эстетического воспитания детей. По их рассказам, обстановка в японской школе благожелательная, добрая, много веселья. Японцы вообще удивительный народ. За 7 месяцев я не слышал, чтобы кто-то ругался на улице, в магазине, горячился, раздражался. То же самое говорили люди, прожившие здесь годы. Лишь один раз в электричке, прижав нас за американцев, подвыпивший японец орал: «янки — гоу хоум».

Г. П. с женой первыми в посольстве решили отдать свою дочку, ровесницу Сергея, в японскую школу. Мы твердо решили последовать их примеру. Решать этот вопрос надо было в феврале. Учебный год в японской школе кончается в марте и 8 апреля начинается новый. Летние каникулы один месяц в августе, после первого триместра. Начало занятий после каникул — 7 сентября. Зимние каникулы в декабре — январе, по окончании второго триместра.

А с января 1967-го, избавившись на какое-то время от бытовых забот и Дюковых, я мог уделять больше времени расширению своих туристских и рекламно-информационных связей. В этом значительную помощь оказывало членство в FGTO. После официальной регистрации в качестве члена японской туристской индустрии наша организация начала быстро расти. С развитием японского выездного туризма в Токио открывались все новые правительственные туристские представительства. Все они без исключения вступали в ФГТО. Новыми членами в 1967 году стали представители турорганизаций Канады, Гонконга (тогда еще британской колонии), Индии, Мексики, Филиппин и ряда других стран. Обо всех встречах и беседах с ними я должен был писать отчеты Г. П., включая их персональные характеристики. Особое внимание Г. П. рекомендовал

обратить на гонконгского представителя Джека Ревуара и филиппинца (не помню его фамилию). Интерес к Гонконгу был мне понятен: хотя до вооруженного конфликта на острове Даманский оставалось еще почти два года, отношения с Китаем были крайне напряженными. Почему был интересен филиппинец, я не понимал, но внимательно изучал его. И Г.П. оказался провидцем. После нескольких месяцев контактов со мной, филиппинец дал согласие одному из наших профессионалов-разведчиков сотрудничать. После этого мне было велено отойти в сторону. Принесла плоды и моя дружба с Ревуаром. Однажды он вызвал меня на встречу в один из баров и попросил передать в наше посольство, что власти КНР, по данным гонконгской разведки, концентрируют войска на границе с Новыми территориями (часть материкового Китая, входившая в британскую колонию). Если китайцы предпримут военные действия, сказал он, то английские войска высадутся в Гонконге и дадут вооруженный отпор. Естественно, я тут же передал это Г. П. Не знаю, что было предпринято, но вооруженного конфликта вокруг Гонконга не произошло. Джеку Г. П. велел передать благодарность и подарочный сертификат на покупки стоимостью в 10 тыс. иен. Я с опаской вручал его Ревуару, не зная, как он отреагирует на плату за его информацию, но он принял подарок как должное.

Зимой 1967-го в начале февраля погода стояла дивная, солнечная, теплая. Поэтому, по возможности, каждое воскресенье мы продолжали ездить на море. А ночью 9 февраля вдруг выпал снег. Утром он еще лежал на крышах. Но к полудню солнышко высушило последние следы. Как убеждали нас знакомые японцы, это было необычное явление, и снега в Токио вообще не должно быть. Однако 10 февраля 1967 года он опять сыпал весь день, и температура опустилась до -4°C . Такой «суровой» зимы не было 13 лет, утверждали

знакомые японцы. То же самое они говорили нам все четыре зимы, прожитые нами в Японии по случаю выпадавшего все эти годы в Токио «неположенного» снега. А 20 февраля уже в полном разгаре была весна, и владелец небольшой туристской фирмы, который помог мне с получением водительских прав, желая закрепить со мной контакты, пригласил меня поехать с семьей в его сопровождении в японский Диснейленд. Поехали мы туда на моей уже новой автомашине, но там все расходы на проживание, питание и Сережкины развлечения он стал оплачивать сам, категорически отказываясь от моего финансового участия. Чтобы я не переживал, он рассказал, что в Японии существует специальный закон, согласно которому представительские расходы фирмы на угощения и развлечения клиентов, которые способствуют развитию бизнеса и увеличению прибыли фирмы, подлежат вычету из уплачиваемых фирмой налогов при предоставлении соответствующих счетов.

Тогда я понял ту щедрость, с которой еще во время моих временных служебных командировок в Японию проявляли принимавшие меня фирмы. Надо сказать, что этот закон немало способствовал развитию малого и среднего бизнеса, процветанию и постоянному заполнению посетителями бесчисленного количества японских баров, ресторанов и развлекательных центров, повышению занятости населения и вообще благотворно влиял на развитие экономики. Японские фирмы, надо заметить, частенько использовали этот закон, чтобы побаловать и своих сотрудников: как правило, при приглашении в ресторан или бар меня сопровождали два-три, а то и четыре японских служащих.

Зимой 1966–67 года ЯСТБ, например, пару раз в месяц устраивало для нас и семей сотрудников консульства, оформлявших визы для туристов ЯСТБ, поездки на субботу–воскресенье в горный

курорт Хаконе на серном источнике. В поездках нас опекали несколько сотрудников фирмы, которые оплачивали размещение, питание, проезд до города Атами на арендованных представительских лимузинах с водителями в форме и белых перчатках, и даже поезд от Атами до курорта по узкоколейке, петлявшей между горных вершин. На курорте («онсене») мы жили в традиционном японском постоялом дворе — рёкане. По прибытии в рёкан, нам выдавали «юката» — специальные халаты, похожие на кимоно, но более простого покроя и однотонные. В них мы переодевались на время пребывания в онсене. Центрального отопления в рёкане не было. Поэтому юката были из толстого теплого материала. В комнате спали на полу из татами. Японки-служащие, одетые в кимоно, сбрасывая при входе в спальню с ног деревянные гета, раскладывали на татами толстые матрасы (футоны), клали в изголовье японские валики-подушки (чтобы не портить традиционную прическу) и толстые одеяла. Все это утром убрали в огромный стеной шкаф. Чтобы согреться перед сном, следовало сходить в японскую баню. Сначала надо было вымыться с мылом в предбаннике, затем посидеть в деревянной бочке с горячей серной водой. Потом пройти в свою комнату, где под низким столиком, накрытым толстой скатертью, спускавшейся до пола, стояла металлическая жаровня с тлеющими углями. Прикрыв до бедер ноги скатертью надо было посидеть до тех пор, пока тепло не растечется по всему телу. После этого можно было ложиться под одеяло и с комфортом спать в тепле. Прохладный горный воздух в спальне способствовал крепкому спокойному сну и бодрому пробуждению. Наверное, именно так жили сотни лет назад зажиточные самураи. Как рассказал нам учитель японского, в современных традиционных японских домах также отсутствовало центральное отопление, и часто многие

обходились такими же жаровнями (хибати). А во всем доме холодно было всю зиму.

В конце февраля 1967 года Симицзу поручил своей сотруднице Осиме, владевшей английским языком, помочь нам записать Сергея в японскую школу. Японцы без проблем приняли его в первый класс муниципальной школы Хатомори сёгакко, которая находилась в 10 минутах ходьбы от нашего дома рядом с парком Мейдзи Дзингу. Государственная школа в Японии была бесплатной. Домашних заданий в начальной школе не задавали, чему Сережа очень радовался. Однако, напрасно. Дома каждый день после уроков в школе ему предстояло заниматься по программе русской школы и английским языком с Лениной — профессиональной учительницей английского.

6 марта из «Интуриста» пришла телеграмма, которая поручала мне выехать на ежегодную конференцию Туристской ассоциации Тихоокеанского региона (ПАТА), которая на этот раз собиралась в Америке. Одновременно диппочтой прислали заполненное в «Интуристе» на мое имя приглашение на конференцию «от имени президента Соединенных Штатов». В посольстве США в Токио при обращении за визой мне пришлось заполнить длинную анкету, по объему не меньше самых объемных советских анкет. Выезд был намечен на 19 апреля.

В середине марта японцы выезжают любоваться цветением сливовых деревьев. В воскресенье поехали и мы. Ехали по очень красивой дороге с мостиками и водопадами. Первый раз за все время увидели Фудзияму. Она все время была в тумане или смоге. В Японии даже ходила история: один «гайдзин» прожил в Японии несколько месяцев, но так и не увидел гору. Вернувшись домой, он заявил, что «никакой Фудзи в Японии нет». Слива, правда, еще не очень расцвела.

Пришлось для коллекции слайдов ограничиться снимком расцветшего сливового дерева у нас под окном.

6 апреля 1967 года Сережа первый раз пошел в японскую школу. Для первоклашек это был организационный день. Потом весь день мы надписывали все, что выдали в школе: множество всяких книжечек, тетрадей, счетного материала, игрушечные часы, какие-то кубики, кружочки, трехугольнички, палочки и пр. и пр. В подарок первоклассникам от районной администрации — два крохотных пирожных.

7 апреля был первый день занятий. Сергей встал в 6 утра. Боялся проспать. Весь апрель планировалось всего по два часа уроков в день. Во дворе школы были качели, горка, турники, какие-то кубы для лазания, еще какие-то непонятные снаряды, даже бассейн и футбольное поле. Там можно было резвиться сколько угодно и до и после уроков. Обеды в школе надо было оплачивать. Кроме того, оплачивалась часть учебных пособий.

От школы Сергей был в восторге. Ему очень повезло с учительницей 1-го класса — Сакамото была педагогом по призванию. Она очень внимательно, даже с любовью относилась к Сергею и немало сделала для его адаптации в новых условиях. Не без ее рекомендации мальчишки из 6-го, самого старшего класса, опекали Сергея, учили говорить по-японски, играли с ним. (В японской начальной школе шесть лет обучения. Наверное, из-за необходимости изучения огромного количества иероглифов). Его соседке по парте девочке по имени Мариико Сакамото тоже поручила опекать Сергея. Когда класс ходил строем, то мальчишки и девочки выстраивались по росту и составляли пары, держа друг друга за руки. Сергей был в паре с девочкой по имени Хироко, к которой переходила опека. Та вела себя с ним очень строго, сильно дергая за руку, если он делал что-то не то.

Уже став взрослым, Сергей, бывая в Японии по делам, навещал Сакамото, снова встречался с одноклассниками, а Хироко стала его женой.

Осима переводила нам записи учительницы в дневнике Сергея и помогала посещать школьные собрания и мероприятия. Несмотря на то, что на пути в школу ученикам, жившим на нашей тихой улочке, надо было переходить оживленную дорогу, родителям не рекомендовалось провожать детей. Всем ученикам были выданы ярко-желтые панамки, на ранцы надеты ярко-желтые чехольчики. Зонтики рекомендовались тоже желтого цвета. У перехода через улицу на время, когда дети шли в школу и возвращались домой, стояла сотрудница школы с желтыми флажками, которая останавливала движение для перехода детьми улицы. Не было случая, чтобы водитель немедленно не подчинился взмаху желтого флажка.

Интересно, что, не понимая японского, Сергей сумел на уроках выучить наряду с другими учениками-японцами, японскую слоговую азбуку — катакану и хирагану, — которой вместо иероглифов в первом классе печатались тексты для чтения. Уже 9 апреля он принес две пятерки по письму. Хвастаясь перед нами своими успехами в чтении по-японски, он бегло прочитал заданный текст.

— А о чем там написано? — спросила Ленина.

— Не знаю. — Ответил Сергей, даже не понимая, чего от него хочет мама. — Ведь учительница похвалила его за отличное чтение.

В конце мая в школе по итогам первого триместра проводили спортивный праздник (ундокай). Он продолжался с 8 утра до 3 часов дня с перерывом на обед. На празднике выступало 12 классов — 6 параллелей. Каждый класс демонстрировал упражнения художественной гимнастики, бег наперегонки, эстафету с различными

для каждого возраста препятствиями, спортивные игры и т. п. Трудно даже все перечислить. В соревнованиях участвовали также учителя и мамы. В нем Сергей участвовал наряду со всеми с помощью Хироко, но в классе он по-прежнему почти ничего не понимал. Он выучил всего два десятка слов и счет. Правда, этого оказалось достаточно, чтобы приобрести лучшего школьного друга, одноклассника — Такахито. Тот жил на нашей улице в традиционном японском домике и каждый день ходил в школу вместе с Сергеем. Пришлось все же начать дополнительно заниматься дома японским с учителем. Это быстро принесло плоды. Уже в начале июня за контрольную работу по «кокуго» (родному языку) он получил «хьякутен» — 100% — высшую оценку. И вскоре как-то внезапно произошел прорыв в разговорном японском. Однажды, выходя из школы со своими друзьями, он вдруг вмешался в их разговор и очень обиделся, что ребята восприняли этот «подвиг» совершенно естественно. А еще меньше чем месяц он, по заданию Сакамото, давал в школе «интервью» одноклассникам, которое было записано на магнитофон — неоспоримое доказательство, что он уже заговорил по-японски.

Несмотря на то, что жизнь в «Сендагая Мэншн» была вполне комфортной, я все же продолжал поиски более достойного помещения для офиса. Весной к поискам подключился президент крупной торговой фирмы «Японское море» Ногучи. У него лежали деньги, которые мне перечислили из Москвы на аренду и оборудование служебного помещения, после того как бухгалтерия Торгпредства настояла, чтобы я снял их со счета Торгпредства. Ногучи — бывший профессиональный японский разведчик много лет проработал в Москве и, как часто бывает, с теплой ностальгией вспоминал свои молодые годы работы в СССР. Он любил рассказывать,

как московские пожарные спасли его малолетнего сына. В Москве Ногучи жил в гостинице «Националь», в номере, балкон которого глядел на Манежную площадь. Однажды, не то во время майского, не то ноябрьского парада, семейство Ногучи наблюдало за построением войск и военной техники на площади. Его малолетний сын просунул голову в решетку балкона и застрял в ней. Вытащить его голову из тисков было невозможно. Несмотря на то, что Манежная площадь была закрыта для движения, его советским коллегам удалось договориться, чтобы к гостинице пропустили пожарных. Гидравлическими клещами они раздвинули прутья решетки и освободили мальчугана.

Именно Ногучи нашел практически идеальный вариант помещения для офиса «Интуриста». Примерно в 100 метрах вниз от перекрестка Роппонги, у дороги, по которой мы впервые съездили на трамвае до Гиндзы, фирма «Токио Бед», торговавшая элитными кроватями, эксклюзивной мебелью для спален и всякими аксессуарами для них, заканчивала строительство 9-этажного жилого дома. Первые два этажа отводились под демонстрационные залы для продукции фирмы. Ногучи удалось уговорить владельца фирмы уступить мне помещение на первом этаже с большой витриной, выходившей на улицу. Он успешно доказал ему, что витрина советской туристской компании, а также вывеска «Советское правительственное туристское бюро», которая будет висеть между витриной «Интуриста» и витриной выставочного зала его кроватей на втором этаже, будет гораздо больше привлекать внимание прохожих, чем стандартное расположение выставки кроватей в витрине первого этажа. К моей радости, фирмач согласился, и мы заключили договор аренды на офис и жилую квартиру на седьмом этаже. Хозяин дома одновременно владел мебельной фабрикой и предложил

оборудовать квартиру мебелью в соответствии с ее размерами. Позади дома был хороший садик с песочницей, детской горкой, качелями и турником. До посольства — минут 10–15 пешком. Оставалось дожидаться окончания строительства здания.

Приближался день отъезда в США. А из американского посольства в Токио на мои звонки был только один ответ: «из Госдепартамента решения о выдаче вам визы пока нет». Мартин Прей страшно переживал эту ситуацию. Когда он с семьей собрался поехать в отпуск транзитом через СССР в качестве туриста, то по моей просьбе в нашем посольстве им проштамповали визы чуть ли не в день обращения. Когда до отъезда оставалось дней пять и я опять процитировал ему по телефону стандартный ответ американского посольства, он со злостью прошипел: «Ну, я им устрою».

Следующим утром ко мне явился корреспондент американской газеты «Вашингтон пост», которая всегда была в оппозиции любым властям.

— У Вас действительно есть приглашение посетить США от нашего президента? — спросил он.

— Не совсем так, — ответил я. — У меня приглашение на конференцию, которая пройдет в США, и оно от имени президента Соединенных Штатов.

— Неважно, покажите мне его, пожалуйста. Могу ли я до завтра его забрать с собой?

На следующий день журналист снова был у меня, вернул приглашение и положил мне на стол свежий номер газеты. На первой полосе была статья под заголовком: “Russian cools heels in Tokyo with Presidential invitation pending”. В вольном переводе на русский это звучало так: «Русский загорает в Токио с приглашением президен-

та». Буквально на следующий день, 13 апреля, раздался звонок из американского посольства. С трудом сдерживаемым раздражением женский голос произнес:

— Мистер Брагинский? Зайдите, пожалуйста, в посольство США и получите ожидающую вас визу. Через полчаса я сидел в кабинете американского консула. Звонившая мне женщина спросила: являюсь ли я членом коммунистической партии? Поскольку партбилет был оставлен в Москве, я формально имел право ответить, что нет.

— А ранее состояли ли вы в комсомоле или партии?

— Раньше — да.

— В таком случае мы вынуждены отказать вам в выдаче визы.

Буквально задохнувшись от возмущения, я резко встал и направился к выходу.

— Подождите, подождите! — окликнула меня консул. Вы можете обратиться за “waiver”.

— Это еще что такое? — теперь уже я, в свою очередь, с трудом сдерживал раздражение.

— Это просьба об исключении из правил.

— Опять надо 40 минут заполнять разные бумаги и ждать ответа неизвестно сколько времени? У меня до отъезда остается четыре дня!

— Нет, нет. Мы уже составили обращение от вашего имени и получили разрешение. Вам надо только подписать вот эту бумагу. Позвольте ваш паспорт.

— До свидания, — сказал я, забирая паспорт с проштампованной визой.

— Надеюсь, прощайте. — Последовал ответ.

С визой в кармане пиджака я заехал в офис авиакомпании Northwest Airlines, летавшей из Токио на Западное побережье США. К счастью, проблем с билетами не было.

Вечером Мартин рассказал, что после публикации статьи шел бурный обмен телеграммами между американскими посольствами в Токио, Москве и Госдепартаментом в Вашингтоне, а его самого вызвали в посольство в Токио и выясняли, «что за фигура этот ваш коллега, из-за которого возник такой скандал». Не является ли он (то есть я) высокопоставленным членом партии или важным сотрудником КГБ? По поводу членства в партии Мартин, по его словам, отделался шуткой: “Whenever there is a party — he is a member”. (Английская игра слов: «party» означает и партия, и прием, коктейль и вообще тусовку. В переводе на русский это звучало: «Когда бы и где бы ни случалась партия, он — ее член»). Что касается КГБ, то, по его мнению, я слишком большой профессионал в туристском бизнесе, чтобы быть одновременно агентом КГБ.

Несмотря на все эти перипетии, я все же успел к началу конференции, вылетев из Токио 19 апреля. Прилетел я в пункт назначения тоже 19 апреля, так как по пути пересек линию перемены дат.

В АМЕРИКЕ

Пленарные заседания конференции ПАТА проходили в городе Сиэтл, на Западном побережье США. Обычный американский крупный город с небоскребами. Единственной его достопримечательностью был редкий в те времена монорельс. Чтобы завлекать туристов Туристская служба США построила на одном из островов морского залива, по берегу которого раскинулся Сиэтл, индейский поселок XVIII века. Не знаю, постоянно ли жили там в своих вигвамах одетые в национальные костюмы индейцы во главе с вождем племени, который красовался в роскошном головном уборе из орлиных

перьев, или их подвозили к посещению туристов. Во всяком случае, они очень естественно изображали жизнь и быт индейского племени до прихода «белых». После осмотра поселка туристов угощали копченым лососем по-индейски, приготовленным старинным дедовским способом. На открытой площадке, окруженной вигвамами, индейцы на больших кострах душистым дымком какого-то особенного сорта дров коптили разделанные тушки лососей, сдобренные какими-то травами и поливали их каким-то соусом. Прямо с костра на тарелку накладывали куски невероятно вкусной еды.

На тематические семинары участников конференции повезли на Аляску. Вот уж никогда не предполагал, что придется побывать на этом краю света! Аляску открыл в 1728 году русский мореплаватель Беринг. Позже он обследовал значительную часть ее побережья, и с 1741 года началось активное освоение Аляски русскими землепроходцами. Как и при освоении Сибири, русские основывали на Аляске поселения-остроги. В городе Ситка сохранился один такой острог. В 1867 году после долгих переговоров, тогдашний госсекретарь США Сеуард сумел убедить царское правительство России продать США Аляску за 7 млн. 200 тыс. долларов. Аляска стала американской территорией, но статус 49-го штата Америки получила только в 1959 году.

Спецрейс авиакомпании «Аляска Эйрлайнз» доставил делегатов в главный порт Аляски — Анкоридж — уже поздно вечером. Наутро в холле гостиницы делегатов ожидали главы семей жителей Анкориджа, которые пригласили делегации на завтрак в свои дома. Я был единственным советским делегатом, поэтому пригласившая меня семья оказалась в моем безраздельном распоряжении. После завтрака мне показали дом, потом началась долгая беседа в гостиной.

Анкоридж был сильно разрушен мощным землетрясением в 1963 году, после которого многоэтажные здания строились только с применением антисейсмических методов. Характерных для американских городов небоскребов там вообще не было, по крайней мере в то время. Большая часть жилых построек — одно- или двух-этажные коттеджи. Хозяева на машине свозили меня на озеро Худ, недалеко от города. Несмотря на короткое лето, вода в озере успевала достаточно прогреться для купания. На озере базировались сотни небольших частых самолетов, в том числе самолет моих хозяев. Наряду с местной авиакомпанией «Уин Эйр» — это было единственное средство для поездок в отдаленные районы Аляски. После ланча гостеприимные хозяева вернули меня в гостиницу на рабочий семинар.

На следующий день теоретический семинар сменился на практические занятия: самолетом «Уин Эйр» нас повезли в город Ном, расположенный у самого полярного круга. Здесь еще лежал снег, темнело рано, а светало поздно. Всем выдали разноцветные теплые куртки-аляски с капюшонами. Ном знаменит тем, что в 1886 году недалеко от города было найдено золото. Началась знаменитая Клондайкская золотая лихорадка. Город заполнили десятки тысяч золотоискателей. Сюда же приехал Джек Лондон изучать их нравы и обстановку для своих рассказов. Только в окрестностях Номы за 70 прошедших до нашего посещения Номы лет было добыто золота на 100 млн долларов. А Аляску продали за 7 млн 200 тысяч. В конце 60-х Ном сохранял свое прежнее обличие: деревянные дома, деревянные тротуары под деревянными навесами. Но вот питейные заведения в Номе уже были не похожи на салуны Дикого запада из американских кинофильмов. Теперь это были вполне современные бары с современным набором напитков.

Знакомиться с жизнью и бытом эскимосов нас опять самолетом повезли уже за полярный круг, в деревню Коцюбу на самом берегу Берингова пролива прямо напротив советского поселка Уэлен, к восторгу участников поездки, увидевших территорию СССР с американского берега. Эскимосы в Коцюбу жили уже не в чумах из оленьих шкур, а в стандартных деревянных домиках. Но многие продолжали промыслять охотой. Коцюбу, правда, была не рядовой эскимосской деревней. Она стала объектом демонстрации для туристов. В ней самодеятельный ансамбль демонстрировал национальные песни и танцы, в мастерских ремесленники изготавливали местные сувениры из дерева и моржовой кости на продажу туристам. Организовывались катания на собачьих и оленьих упряжках, чем воспользовались некоторые из наших делегатов. Из Коцюбу нас самолетом вывезли в столицу Аляски город Фэрбенкс. Отсюда вылетали международные рейсы по всему миру, и в Канаду вело единственное трансалаяскинское шоссе, а в пригороде располагался обширный кампус Аляскинского университета. Рейса на Токио из Фэрбенкса не было, и мне поменяли билет Сиэтл–Токио на Фэрбенкс–Сан-Франциско–Токио.

В Сан-Франциско мне предстояло провести ночь и на следующий день вылететь в Токио. Но события повернулись иначе. Рано утром в моем номере раздался телефонный звонок. Звонил директор Туристской службы США в Сан-Франциско Салливан.

— Мартин Прей поручил мне связаться с вами и оказать всевозможное содействие. Через полчаса я буду у вас.

Я только успел принять душ и одеться, как в дверь постучали. Вошел высокий симпатичный американец.

— Что я мог бы для вас сделать?

— Большое спасибо, разве что организовать экскурсию по городу.

— Хорошо, но это мы сделаем завтра. Сегодня мне надо вылететь в город Рино, забрать оттуда семью и мою машину. Хотите поехать со мной и немного познакомиться с Америкой?

— Я бы с большим удовольствием, но у меня самолет на Токио вечером.

— Ничего, билет мы поменяем. Вопрос в том, хотите ли вы составить мне компанию.

— Это было бы очень интересно, но мне неудобно вас затруднять...

— Друг Мартина Прея и мой друг. Так что собирайтесь и поехали в аэропорт.

Рино — «самый большой маленький город», так называли его американские рекламщики — это миниатюрный Лас-Вегас. Салливан познакомил меня со своей женой и сыном, показал одно из многочисленных игорных заведений, заставил проиграть несколько долларов «однорукому бандиту» — игорному автомату. После чего мы сели в его огромную машину и по широченной автомагистрали помчались из штата Невада обратно в Калифорнию. Знакомство с Америкой вышло, конечно, мимолетное, но все же по пути я смог кое-что сфотографировать на память. В Сан-Франциско Салливан оставил меня ночевать в своем доме. Наутро он сам повез меня знакомить с городом.

Сан-Франциско — не обычный стандартный американский город. Недаром это самый популярный объект посещения среди американских и иностранных туристов после Нью-Йорка. Центр города, застроенный обычными домами в 6–8 этажей, окрашенных в темно-бежевый цвет, резко отличается от обычных американских небоскрежных стандартов. По центральной улице единственный в своем роде трамвай-фуникулер храбро карабкается с холма на холм.

На трамвайчике можно ехать как в вагоне, так и на подножке, опоясывающей вагон снаружи. Похоже, что пассажиры предпочитают подножку, во всяком случае в жаркую погоду, которую я застал во Фриско, как любовно называют свои город жители. Есть в городе живописные кварталы малоэтажных домов, похожие на испанские. В Калифорнии большая испаноговорящая диаспора, в основном из кубинских иммигрантов, бежавших от режима Кастро. Есть в Сан-Франциско японский сад с деревьями сакуры, доставленными прямо из Японии в дар городу. Свозил меня Салливан и на Рыбацкий причал, так называется там оптовый рыбный рынок. Правда, после токийского Цукидзи он впечатления не производит.

После обеда Салливан отвез меня в аэропорт и как бы между прочим заметил, что поменял мне билет, предусмотрев суточную остановку в Гонолулу за счет авиакомпании. Там меня встретит директор гавайской Туристской службы США Чак (его фамилию, как и имя Салливана, за прошедшие 45 лет я запомнил) и познакомит с Гавайями.

В аэропорту, сдав багаж и зарегистрировав билет, я подошел к стойке «Информация» спросить, куда мне идти на посадку. «Встаньте в очередь», — не «повернув головы качан» буркнул служащий. Развернутый японским сервисом и повышенным вниманием к «гайдзину», я повторил вопрос, заметив, что у меня через 10 минут вылет. «Станьте в очередь», — невозмутимо молвил истукан за прилавком. Стоявшие в очереди никак не реагировали на наш диалог. Пришлось подчиниться. Когда я получил нужную информацию и взмыленный примчался к трапу, ведущему к моему самолету, время вылета уже прошло. Но оказалось, что меня ждали. Поскольку я сдал багаж, если бы я не явился на рейс, пришлось бы по правилам безопасности разгружать весь багаж и отправлять мой

чемодан на проверку наличия в нем взрывчатки. Если бы я знал об этом правиле заранее, то шел бы не спеша, чтобы наказать чванливых американцев. Но весь мой гнев испарился, когда мое появление в самолете, вместо проклятий, пассажиры встретили аплодисментами.

Взлетевший самолет прошел над сан-францисским заливом как бы для того, чтобы показать с птичьего полета знаменитый мост через залив, тогда считавшийся самым длинным мостом в мире.

В Гонолулу — столицу Гавайев самолет прибыл поздно вечером. Несмотря на это, Чак меня встретил и после устройства в гостинице повез в один из экзотических баров со столь же экзотическими напитками. Назавтра мы договорились прокатиться по острову.

На гавайских вулканических островах температура не меняется круглый год, постоянно держась на уровне 26–28 градусов. Роскошная буйная тропическая растительность. Пляжи из белоснежного песка. Обширные и цивилизованные при гостиницах, уединенные в маленьких бухтах, чистейшее прозрачное море... В общем, если на земле должен быть рай, то Гавайи самое для него место.

Д-а-а! Мартин полностью компенсировал мне американскую бюрократическую волокиту с визой!

К моему отчету «Интуристу» Виноградов велел добавить, что, по его мнению, «Интурист» должен вступить в члены ПАТА. «Мы должны влезать всюду, где есть американцы», — резюмировал он. В то время «Интурист» имел статус «наблюдателя».

В начале июня закончилось строительство нового дома. Перегруженный традиционный центр Токио вокруг Гиндзы постепенно развивался как раз в сторону Роппонги и уже добрался

до перекрестка квартала Акасака примерно в полукилометре от Роппонги на той же дороге. На Роппонги старые деревянные строения постепенно сносили и заменяли современными каменными зданиями. Трамвайная линия, по которой в 1966 году мы ездили на Гиндзу, была снята. Движение машин по бывшей трамвайной линии настолько интенсифицировалось, что над ней вторым ярусом была построена платная экспресс-дорога. Роппонги становился перспективным районом торговли и развлечений.

Строительство таких вторых этажей экспресс-дорог с конца 1966 года развернулось по всему городу. За четыре года нашего пребывания в Японии весь Токио покрылся их сетью. Платные экспресс-дороги соединили Токио с Йокогамой и с древней столицей страны — Киото. Теперь на дорогу в Йокогаму вместо двух часов уходило 30–40 минут. Однажды из Киото до токийского аэропорта Ханеда мне пришлось доставлять опаздывавшего на самолет вице-президента «Интуриста» Ходоркова. 500-километровую трассу, включив днем фары, что в те времена в Японии означало чрезвычайную ситуацию, я преодолел за 4,5 часа. Остановившись у входа в аэровокзал, я не смог выйти из машины и проводить Ходоркова на регистрацию — меня не держали ноги. Только через полчаса я смог тронуться обратно в Токио.

СНОВА НА РОППОНГИ

10 июня мы покинули гостеприимную Сендагаю и переехали в новую квартиру. Квартира наша хотя и была трехкомнатной, но весьма миниатюрной, общей площадью в 23,7 м². Из лифтового холла, открыв металлическую входную дверь, попадаешь в двух-

метровую прихожую с каменным полом, где полагалось по японским правилам снимать уличную обувь. Прихожая была немного ниже уровня квартиры. На стенке была вешалка для одежды. У стенки — шкафчик для обуви. На пороге полагалось держать сменные тапочки как хозяев, так и гостей. В глубь квартиры вел небольшой коридорчик.

Квартира, не считая миниатюрности, была целиком европейского стиля. Раздельный туалетный узел. Трубка подачи воды в бачек унитаза не заходила в сам бачок, так что после пользования туалетом можно было тут же вымыть руки. Рядом предусмотрительно была закреплена на стене мыльница. В ванной комнате помещалась только сидячая ванна, были умывальник, душ у противоположной стены и кран для мытья ног, со стоком в полу. Там же уместилась стиральная машина. В туалете и ванной комнате под потолком — небольшие окошки из непрозрачного стекла.

Коридорчик от прихожей выходил в небольшой холл. Из него направо был проход в кухню-столовую. На кухне вдоль стен были компактно смонтированы газовая плита с тремя конфорками и духовкой, зажигающимися от вставляемых батареек, мойка, разделочные панели и холодильник. На стенке висели многочисленные шкафчики. У противоположной стены стояли складной стол и три стула. В собранном виде стол был размером 60х60 см, в раскрытом — 120х60.

Из холла были входы во все три комнаты. Двери в них открывались, скользя по алюминиевым рельсам так, что не занимали при открывании места. Самая большая комната — гостиная, площадью в 9 м² располагалась в центре. В ней стоял диван-кровать с синей обивкой, у окна — журнальный столик с двумя синими креслами еще из феофановского дома и старый телевизор, которым пользо-

вался Сережа, тренируясь в японском языке. Справа была дверь на балкон, около которой стоял кондиционер, конвертируемый на зиму в отопитель. Слева была спальня площадью не более 5–6 м², где поместились заказанная по размеру кровать, тумбочка, зеркало во весь рост и швейная машинка. В окне был вставлен кондиционер. Двух кондиционеров на такую площадь квартиры было достаточно. Справа от гостиной располагалась детская комната размером в 5 м². В ней размещался шкаф-кровать. На день кровать в него убиралась. В собранном виде она занимал всего 40 см в ширину и 2 м в длину, уменьшая площадь комнаты днем всего на 40 см. Над нишей, в которую убиралась кровать, была смонтирована полочка. Так что днем вся комната была свободна для игр. У окна встал верный письменный столик.

Этот столик уехал с нами в Москву и верно служил Сергеем во время пяти лет учебы в советской школе, шести лет в Институте Азии и Африки МГУ, и в аспирантуре Института востоковедения РАН. Теперь он продолжает служить рабочим столом мне, за которым я пишу эти воспоминания.

В каждой комнате были большие встроенные шкафы, так что, несмотря на площадь, в комнатах было довольно свободно. Вся мебель, заказанная для квартиры, была из натурального светлого дерева и точно вписывалась в ее размеры.

Поначалу мы удивлялись, что стены в квартирах в Японии красили темной, а не светлой краской. Потом мы поняли: на островах Японии, со всех сторон окруженных огромными зеркалами водных пространств, очень много света. Несмотря на темные тона стен и цветные паласы, в нашей квартире было очень много света

и воздуха. Все окна в квартире и балконная дверь были из толстого рифленого непрозрачного стекла. Рамы открывались также скольжением по металлически рельсам.

Несмотря на миниатюрные размеры, в этой квартире было очень комфортно. По утрам молочник приносил бутылочку молока, которую с грохотом (вместо будильника) ставил около двери в металлический приемник с крышкой, открывавшейся на площадку этажа. Раз в неделю появлялся «сентакуя» из близлежащей прачечной. Забирал грязное и приносил чистое, аккуратно упакованное в крафт-бумагу, накрахмаленное белье с приклеенным счетом.

Пока шло дооборудование квартиры, я занимался подготовкой офиса. Большим преимуществом было то, что в новом здании мне было сдано под офис не готовое помещение, а просто квадратные метры в правом крыле обширного вестибюля. С помощью дизайнерской фирмы я распланировал офис по своему чертежу.

Из вестибюля в офис вела стеклянная двустворчатая дверь. На правой ее панели было бронзой написано: “Soviet Government Tourist Information Bureau”. На левой — тот же текст японской слоговой азбукой: «Сорен Сейфу Канко Къёку». Примерно две трети помещения было отведено под обширную приемную для посетителей. Слева от входа на стене сверкала огромная, присланная из Москвы, электрифицированная карта маршрутов «Интуриста». Справа, во всю длину офиса, тянулась витрина, глядевшая на улицу, оформленная рекламными материалами. Несколько отступя от двери, был смонтирован закрепленный между полом и потолком стеклянный куб-витрина с национальными сувенирами из советских республик. На ночь между помещением приемной и стеклянными дверями вместо замка опускалась металлическая штора.

Около трети помещения было отделено от приемной стенкой белого цвета. В свою очередь оно делилось на две половины: справа была переговорная и кабинет, куда из приемной вела дверь. Слева — подсобное помещение для хранения рекламных материалов и оргтехники. Там же была оборудована небольшая кухня, где хранились постоянно пополняемые запасы кофе, чая и печенья и представительские продукты, поставляемые из Москвы ежегодно. Там же сотрудники офиса могли готовить себе кофе и ланч. В переговорную из подсобки вела дверь. Выхода в приемную из нее не было. Чтобы утром попасть в офис, закрытый металлической шторой, надо было обойти его слева, зайти сзади и через «черный вход» войти в подсобное помещение. Затем пройти через переговорную в приемную и нажать кнопку подъемного механизма шторы.

Симидзу каким-то загадочным для меня путем, покупая и продавая акции телефонной компании на рынке, оборудовал офис тремя линиями телефонной связи, соединенными в единую систему, подключенную к моему телефону в кабинете. В приемной на всех столах стояли аппараты со своими номерами. Крупная сумма, которую я передал ему для закупки телефонного оборудования и его установки, на 90% вернулась на мой счет. Несмотря на мои пятерки по политэкономии капитализма, эта операция так и осталось для меня тайной.

Симидзу уступил мне в качестве секретарши свою опытную сотрудницу Осиму, а также прислал еще одну девушку по имени Цуруми, которая имела водительские права и могла выполнять работу, связанную с разъездами. Обе японки были необычно высокие для японских женщин, примерно моего роста. Обе очень старательные и добросовестные. Для Осимы у стенки моего кабинета в приемной был поставлен рабочий стол. Стол для Цуруми стоял у стены

со стороны подсобки. Там же стоял еще один, резервный стол. В свой кабинет я перевез прежний большой письменный стол еще из дома Феофанова. Справа от входной двери поставили диван, два кресла и массивный журнальный стол — место для переговоров.

Несколько дней спустя после начала работы в новом офисе ко мне подошла Осима и заявила, что вынуждена уволиться.

— Что случилось? Вас что-то не устраивает?

— Нет, меня все очень устраивает. Но вчера меня вызвали в полицию и велели записывать и сообщать, куда и когда вы ездите, с кем встречаетесь, а я не хочу быть доносчицей.

— Успокойтесь, — ответил я. У меня нет никаких секретов от японских властей, и я не возражаю, чтобы вы сообщали о моих поездках полиции. Я сам всегда буду говорить Вам, куда и к кому я поехал и когда примерно вернусь.

И Осима осталась.

По случаю переезда на новую квартиру и новое место работы президент небольшой фирмы, специализировавшейся на туризме в соцстраны, Кикума пригласил нас на праздник светлячков в загородный токийский парк. Со светлячками я был знаком еще по отдыху в Крыму до войны. Но там в темноте изредка пролетали отдельные особи. А в этом воистину волшебном саду в черном ночном воздухе вокруг нас, над лужайками и водоемами, вокруг пагоды вились тысячи, а может быть десятки, да нет, сотни тысяч маленьких фонариков. Светлячков специально наловили жители соседней деревни и выпустили в парке. Посреди этого феерического зрелища на свежем воздухе был сервирован ужин. В завершение праздника всем детям подарили по плетеной из прутиков клеточке, в которой горели семь светлячков. Все дети, и Сережа конечно тоже, еще ловили залетающих на дорожки светлячков. Сережа привез домой

9 штук. На следующий вечер они снова зажгли свои брюшки-фонарики. Но брачный сезон светлячков недолог, и через пару дней, к великому огорчению Сережки, они погасли уже навсегда.

После завершения оборудования офиса необходимо было организовать его торжественное официальное открытие. И здесь мне несказанно повезло. Владелец «Токио Бед» предложил мне организовать прием по случаю открытия на втором этаже в будущем выставочном помещении его фирмы сразу после его приема в честь открытия здания. Понимая, что многочисленные представители туристской индустрии, японских и иностранных транспортных компаний, японской и иностранной прессы, которые придут на праздник, будут неплохой аудиторией для рекламы его фирмы, он объявил мне, что не будет брать плату за использование его помещения и оставит для моего приема все оборудование зала. Лучшего варианта нельзя было и представить.

Мои японские девушки закупили, заполнили и разослали массу именных и на адреса фирм и средств массовой информации красивых с золотым обрезом приглашений.

Зал на втором этаже, в котором только что прошел прием фирмы «Токио Бед», был декорирован под традиционный японский сад. В центре противоположной витрине стены была смонтирована из настоящих бамбуковых стволов с зелеными листьями бамбуковая роща. Из нее вытекал небольшой водопад. Его вода по каменистому руслу стекала в небольшое озерцо, в котором плавали золотые рыбки. Справа и слева от рощи стояли стилизованные под старину японские таверны. В них готовились и подавались японские блюда: темпура, суси, сасими, якитори (маленькие шашлычки из птицы и мяса) и прочие деликатесы.

Во время наших поездок по Токио мы обнаружили в универсаме «Тохо» замороженные пельмени. Возможно, это были итальянские равиоли, но от традиционных русских пельменей они отличались разве что круглой формой и более мелким размером.

Одну из таверн я попросил дизайнеров переоформить под русскую избу, куда в холодильник сложили закупленный запас пельменей. Туда же пошел весь запас представительской водки и черной икры, из которой помощник повара, варившего пельмени, делал канапе.

Витрина, выходившая на улицу, была задрапирована декоративной тканью с рисунками сакуры, хризантем и прочей японской садовой флоры. Там стоял стол, покрытый белой скатертью, предназначенный под бар. Помимо представительского армянского коньяка, туда пришлось дополнительно закупить виски, джин, соки и воды для коктейлей и нанять двух официантов для подготовки напитков. В центре зала стоял огромный стол, на который были выложены тарелки для еды, европейские вилки и ножи, японские палочки для еды, бокалы для напитков.

Весной 1967 года Виноградова в качестве посла сменил Олег Александрович Трояновский. Он пользовался большой популярностью в Японии, так как его отец в свое время также был там советским послом. Большой эффект оказало бы присутствие и выступление советского посла на церемонии открытия советского правительственного туристского бюро. Посмотрев список приглашенных, Трояновский согласился не только присутствовать на приеме, но и выступить с кратким приветственным словом.

В вечер приема 6 июля 1967 года в вестибюле у дверей офиса мы поставили два стола. Одетые в кимоно Осима и Цуруми регистрировали гостей и в обмен на визитки прикалывали каждому розетку к лацкану пиджака. (Женщин на приеме не было, за исключением

нескольких иностранных журналисток, супруги посла и Ленины). Мы с ней стояли на втором этаже у входа в зал, раскланиваясь с японскими гостями и пожимая руки американцам и европейцам.

Гостей собралось много. Симицзу по своим каналам распространил информацию о присутствии советского посла на предстоящем торжестве. Поэтому почти вся японская центральная пресса прислала своих корреспондентов. Пришли и многие представители туристской прессы, члены FGTO, иностранные журналисты — члены пресс-клуба и, естественно, все представители туристских фирм — контрагентов «Интуриста», паровой компании, обслуживавшей линию Йокогама–Находка и авиакомпаний, занимавшихся туризмом. Всего — 220 человек.

Открыв прием, я предоставил слово Трояновскому, который произнес короткую речь. Переводил его на японский недавно прибывший из Москвы вместо Дюкова новый «мой заместитель». В общем, прием был явным успехом. Мы с Лениной весь вечер, стоя с полупустыми бокалами, я с виски, она с соком, с завистью наблюдали за выпивавшими и закусывающими гостями. И принимали поздравления по случаю открытия офиса и великолепного приема.

По окончании отведенного на прием времени, мы вышли в вестибюль провожать гостей. Последними со второго этажа спустились Мартин Прей, который нес раздобытую где-то корону из золотого картона, и Джеффри Гамильтон, который тащил в руке початую бутылку виски. Мартин возложил корону на голову Ленине и, зайдя ко мне в кабинет, мы плюхнулись в кресла и прикончили бутылку.

На следующий день в японской прессе вышли отчеты о приеме. Большинство газет и журналов опубликовали и выступление Трояновского с фотографией, на которой я и Ленина стояли рядом с послом.

С окончанием праздничных мероприятий началась повседневная работа в новом офисе. Встречи и переговоры с турфирмами, консультации контрагентов по вопросам туризма в СССР, организация рекламных акций и участие в мероприятиях, организуемых турфирмами, подготовка статей и материалов для прессы, приемы, приглашения от фирм на обеды, ужины, развлечения. Прием посещающих офис граждан, которых бывало ежедневно довольно много, вели Осима, Цуруми, обладавшие необходимой для посетителей информации о туризме в СССР еще со времени работы в ЯСТБ.

Единственным неудобством жизни на новом месте была необходимость возить Сережу в школу в Сендагае. Из «Хатамори Сёгакко» мы сочли нецелесообразным его переводить в другую школу. Там он уже был «своим», обзавелся друзьями. Очень повезло и с учительницей. По утрам, до открытия офиса, я отвозил его на машине в Сендагаю. После уроков его забирали на такси Ленина.

Ложкой дегтя в этой бочке меда оказался мой новый заместитель из «смежной организации» Емельянов. Это был коротконогий толстяк, несмотря на молодость, уже с пивным животом и одутловатым лицом с маленькими, окруженными белесыми ресницами глазками и выпирющим толстым носом, испещренным красными прожилками. Он никак не добавлял харизмы нашему офису. Но беда была не в этом, а в том, что он был искренне убежден, что и наш офис, и я существуем только для прикрытия его важнейшей государственной деятельности. И поэтому не мог смириться с тем, что я сижу в отдельном кабинете, а его стол стоит в приемной в одном ряду с японскими служащими. Хотя, по-моему, именно там, куда приходили японцы-посетители, он и должен был сидеть, чтобы выбирать среди посетителей свои контакты и практиковаться в довольно слабом своем японском. Кроме того, его возмущало то, что я отказывался

выделять для его мероприятий, которые не я ему поручал и не контролировал, представительские деньги и продукты. Тем более, что и его руководство от меня этого не требовало. Более того, в отличие от Дюкова, с меня сняли финансирование из средств «Интуриста» его квартиры и транспортной проблемы. Так что отношения наши с самого начала обострились. Единственным положительным моментом его приезда было то, что руководство «Интуриста», посчитав, что теперь есть на кого оставить Представительство, разрешило мне выехать в отпуск.

18 июля, за два дня до начала летних каникул в японской школе, с разрешения директора школы, мы погрузились на теплоход в Йокогаме. 21 июля были в Находке и 23-го — в Москве.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. НОВЫЙ ЭТАП ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ

Обратно в целях экономии времени мы решили лететь прямым рейсом Москва–Токио. Тем более, что багажа у нас практически не было. 5 сентября в аэропорту нас встречал Михаил (новый сотрудник — шофер из семьи русских эмигрантов, принятый на еще одну ставку, выделенную «Интуристом» в связи с ростом объема работы представительства. Переключились на токийскую жизнь, вроде и не уезжали, а Москва только приснилась.

К работе я приступил с понедельника 11 сентября, когда вошел в норму из-за смещения времени. Теперь все организационные и бытовые проблемы были решены. Можно было полностью посвятить время основной деятельности. За время моего отсутствия Емельянов вальяжно расположился в моем кабинете, из которого

в приемную за подготовленный для него стол переместился с большим неудовольствием, которое наглядно мне демонстрировал. Не знаю, какие задачи ему ставило его руководство, но, в отличие от Дюкова, он много времени поводил в офисе, сидя за своим столом в приемной, беседуя с посетителями. Возможно, ему и было поручено там искать свои контакты, тем более что он так и не мог освоить вождение автомашины. С трудом втискивая свой пивной живот в небольшую «Тойоту», которую раньше водил Феофанов, он пыхтел, краснел, покрывался потом, но безрезультатно.

Бюджет на рекламную работу представительства, которая была главной моей задачей, был невелик. И я не мог нанять хорошую профессиональную рекламную фирму для организации полномасштабной рекламной кампании, которую надо было бы только контролировать. Кроме того, роскошный прием в честь открытия представительства не только обнулил мой представительский бюджет, но проделал большую дыру и в рекламном. Поэтому мне предстояло вести рекламно-информационную работу самому, лишь изредка привлекая сторонних рекламщиков для выполнения моих отдельных поручений.

Некоторый опыт рекламной работы у меня сложился в результате участия в нескольких конференциях ПАТА. Я добросовестно сидел на их отчетах о рекламной работе за год, конспектировал лекции, собирал образцы рекламных материалов. В Токио из Москвы мне присылали издаваемые отделом рекламы «Интуриста» буклеты и проспекты о туристских достопримечательностях СССР на японском и английском языках, фотографии для печати в СМИ и большеформатные для выставок, сувениры национальных республик и т. п. Печатные материалы мои сотрудницы регулярно рассылали по турфирмам. Для этого мы купили специальный аппарат для

печатания адресов. Вручную эта работа занимала бы невероятно много времени. Фотоматериалы и выставочные экспонаты передавались турагентствам во временное пользование. Участвовали мы и в организуемых в Японии туристских выставках и семинарах. Иногда удавалось проводить и небольшие собственные выставки для прессы и турагентов.

Например, в октябре в Токио зашел круиз с советскими туристами из Армении, директором которого был начальник Управления по иностранному туризму при СМ Армении Кеворков. До его прибытия я получил запрос из «Интуриста» о том, имею ли я возможность организовать в Токио выставку и семинар о туристских достопримечательностях Армении. Для этого Кеворков привезет на теплоходе фотовыставку, армянские национальные костюмы и сувениры для экспозиции, трех музыкантов с национальными инструментами, набор армянских коньяков для дегустации и армянских сладостей из сухофруктов для небольшого фуршета. Конечно, я подтвердил готовность все организовать.

За неделю до открытия выставки сотрудницы офиса разослали турагентствам и ряду сотрудничавших с нами СМИ приглашения. По прибытии круиза, туристы отправились на экскурсию, а мы с Кеворковым осмотрели снятое мною помещение в одной из гостиниц в центре Токио, смонтировали там выставку из больших цветных фотографий по Армении, витрину с армянскими сувенирами, выставили манекены в национальных костюмах, подготовили место для музыкантов и стол для дегустации. С Кеворковым приехал один из лучших интуристовских переводчиков с японского. Я попросил его перевести на японский подготовленный мною текст вводного слова и написать его на листочке русскими буквами. Выучив текст наизусть, я открыл выставку на японском языке,

после чего предоставил слово Кеворкову. Его речь и последующие вопросы шли через переводчика. Неожиданно один из журналистов спросил:

— Почему Брагинский-сан не желает отвечать на наши вопросы по-японски?

Поначалу я даже растерялся, никак не ожидая такой реакции на мою вводную речь. Пришлось все же через переводчика объяснить, что японский язык я еще только изучаю, что речь я готовил заранее и специально тренировался, чтобы произнести ее. Отвечать же без подготовки на вопросы уважаемой аудитории пока не в состоянии. Легкие аплодисменты показали, что объяснение присутствовавших удовлетворило. Выставка и последующий фуршет прошли с успехом. Она демонстрировалась в одном из залов на первом этаже гостиницы несколько дней. Дежурил на ней, встречая посетителей, наш переводчик. После чего все экспонаты, к сожалению, за исключением коньяков, были складированы в офисе на Роппонги для дальнейшего использования.

Все прошедшее время я продолжал усиленно заниматься японским. На новом месте я нашел профессионального учителя — пожилую японку, которой поставил задачу учить меня без домашних заданий, на которые у меня не было времени, и только стандартному разговорному языку на бытовую и туристскую тематику. Кроме того, я продолжал слушать магнитофонные курсы японского, которыми меня снабжал Симидзу. Своих сотрудниц я попросил, по возможности, говорить со мной по-японски, дублируя непонятное по-английски, которым они обе неплохо владели.

В результате, в 1968–1970 годах я уже мог участвовать в переговорах на профессиональные темы без перевода, свободно ориентироваться в магазинах и ресторанах, спрашивать дорогу и понимать

ответы и даже самостоятельно путешествовать по Японии на любом виде транспорта. Правда, я оставался неграмотным — читать и писать не умел. Я лишь заучил написание и значение пары десятков иероглифов, чтобы ориентироваться на автодорогах и отличить ресторан от книжного магазина.

Такую же выставку о достопримечательностях Грузии позже удалось провести и с приходом круиза с туристами из Грузии во главе с начальником Управления по иностранному туризму Грузии Чибурданидзе.

Основное место занимала реклама в средствах массовой информации. Печатным рупором ФГТО стал туристский журнал «Тревел Джорнал» (Travel Journal), издававшийся параллельно на английском и японском. В нем мы размещали рекламные объявления на льготных условиях и материалы о туристских достопримечательностях наших стран, маршрутах и ценах поездок. Тексты рекламных объявлений и статей я готовил сам. Художественное оформление — дизайнеры журнала. Газета «Джапан Таймс» тоже предложила ФГТО аналогичное сотрудничество. В первый номер газеты, посвященный международному туризму, я не смог дать рекламное объявление, так как весь мой рекламный бюджет был уже расписан. Редакция сообщила мне, что в таком случае, к сожалению, не сможет поместить и статью о туризме в СССР. Узнав об этом, Мартин созвал внеочередное заседание ФГТО, на котором было принято единогласное решение отозвать все рекламные объявления ФГТО из газеты. Чтобы не сорвать начинающееся сотрудничество, руководство газеты согласилось разместить и мои материалы без оплаты рекламного объявления. ФГТО явно набирала авторитет.

Владелец и издатель Travel Journal Джим Моритани был членом Foreign Correspondents Press Club (Клуба иностранных

корреспондентов в Японии). Мартин Прей и Джеффри Гамильтон как непрофессиональные журналисты были ассоциированными членами этого клуба. Они предложили и мне для расширения контактов с прессой тоже вступить в ассоциированные члены, и дали мне необходимые две рекомендации. Это было мудрое предложение. Почти все иностранные журналисты, аккредитованные в Японии, и японские корреспонденты основных газет были членами клуба. Мартин и Джефф знакомили меня со своими знакомыми членами клуба. Джефф сидел в клубе почти каждый вечер. Я бывал там два-три раза в неделю, особенно часто по пятницам, когда напитки стоили в два раза дешевле, во время так называемых happy hours. Это были вечера, когда все расслаблялись после рабочей недели и болтали особенно откровенно. Часто в клубе выступали японские политические деятели, иностранные визитеры. Обо всех интересных беседах и выступлениях я писал обязательные отчеты. Вскоре я стал непременным участником еженедельных служебных совещаний у посла и официальных приемов в посольстве.

В один из осенних дней ко мне в офис на Роппонги зашел высокий худощавый европеец:

— Владелец и издатель туристского журнала Far East Traveler Георгий Петрович, — представился он на чистом русском языке, назвав и фамилию одинаковую с Г. П.

— Нет, нет, — добавил он, увидев мою отвисшую челюсть. — Я не родственник первого секретаря советского посольства. Просто стопроцентный тезка.

Оставив у меня на столе несколько экземпляров красочно отпечатанного журнала, он предложил рассмотреть возможность сотрудничества. Я ответил, что изучу его журнал и предложил зайти через пару-тройку дней. На третий день Г. П.-2 снова был у меня. Он

предложил в каждом из 12 номеров журнала печатать информационные материалы о туризме в СССР. Взамен я ежеквартально размещал бы в журнале цветные рекламные объявления по специальной цене. Журнал читала вся иностранная колония в Японии. Были среди подписчиков и японцы. Цена и условия меня устраивали. И мы ударили по рукам. После этого Г. П.-2 пригласил меня на ланч в ближайший к офису корейский ресторанчик.

За обедом он рассказал, что он сын белогвардейского офицера, который, после того как Красная армия «на Тихом океане свой закончила поход», бежал из Владивостока в Харбин. А когда японцы оккупировали Манчжурию, уже с женой, тоже русской беженкой, и малолетним сыном Георгием перебрался в Японию. Георгий прекрасно владел английским, японским и русским. В период американской оккупации Японии служил у них переводчиком. И, как многие эмигранты, после Победы стал патриотом своей бывшей Родины. С ним у нас установились самые дружеские отношения. Через несколько дней он снова заехал «по пути» в офис и снова пригласил меня не ланч. На следующей неделе — опять. Я посчитал, что пришла моя очередь, и на следующей неделе сам пригласил его на обед. Однако когда официант принес счет, Георгий перехватил и оплатил его. На мои возражения он заявил:

— Разве вы не знаете, кто платит за наши обеды с вами? Я не только тоже обедаю с вами бесплатно, но и снижаю сумму своих налогов! Так что, если вы не против, мы с вами периодически будем изучать окрестные рестораны и бары.

Зимой он однажды пригласил меня на горнолыжный курорт, где арендовал шале. Там я получил первые уроки техники горнолыжного катания.

То, что меня постоянно приглашали на беседы и переговоры то в рестораны, то в бары, а на официальные приемы даже с женой, безмерно раздражало Емельянова, которому такие предложения не поступали. И он начал распространять обо мне в советской колонии придуманные им компрометирующие слухи. Дошел даже до написания какого-то доноса на меня. Об этом Г. П. рассказал мне уже перед своим отъездом из Японии. К тому времени мои позиции в посольстве были достаточно прочными, и инсинуации Емельянова не падали на благоприятную почву. Однако нервы он мне трепал изрядно.

В конце сентября 1967 года в командировку приехал Никитин, зам. начальника Главного управления по иностранному туризму при СМ СССР и Михайлов, начальник оргинспекторского отдела. Ужинали у нас на квартире, а 30 сентября я с ними поехал в Киото.

Киото — средневековая столица Японии — это и сегодня совершенно особый мир. В течение 10 веков город был средоточием японской цивилизации и религии. Рядом с современными кварталами японцы сохранили и тщательно поддерживают особый колорит средневекового города. Эта часть Киото заполнена величественными храмами, дворцами и виллами, знаменитыми японскими садами. Исконным языческим богам синто возводились храмы, часто ярко окрашенные кармином. Перед входом обязательно ставились тории — ярко-красного цвета ворота без дверей характерной изогнутой формы. Когда в середине VI века из Китая пришел буддизм, началось строительство буддийских храмов из натурального дерева. Обе религии мирно сосуществуют. Японцы поклоняются богам обеих, считая богов синто воплощениями Будды. Рождение ребенка отмечают в синтоистском храме, погребальную церемонию

проводят в буддийском. А в конце декабря с большим удовольствием празднуют христианское рождество.

Императорский дворец, построенный в 794 году, не сохранился. Многочисленные пожары постоянно разрушали его, но верноподданные неизменно восстанавливали здание. Лишь после очередного пожара в 1790 году его восстановили на новом месте. Но и там он сгорел. В 1895 году в ознаменование 1100-летия основания Киото на месте сгоревшего императорского дворца построили самый большой в Киото синтоистский храм. Все его здания выполнены в форме сооружений первого императорского дворца, за исключением торий, которых у дворца, естественно, нет.

Вскоре после того как Киото стал столицей, в 798 году было начато строительство комплекса буддийского храма Киёмидзу. Главное его здание поставили на высокой скале над кристальным горным потоком. Это одно из древнейших буддийских святилищ Киото. Вокруг него один за другим возникают все новые и новые буддийские храмы. Растет и расширяется сам Киёмидзу. В 1603 году после трех столетий феодальных междоусобиц, когда власть в стране захватил сильнейший феодал Иеясу Токугава, узурпировавший власть императора, началось возвышение Киото. Императоры продолжали жить в Киото в своем постоянно сгоравшем дворце, а третий сёгун (правитель) из рода Токугава последовательно реставрировал все здания Киёмидзу. В таком виде этот храмовый комплекс дошел до наших дней. Теперь в Киото более 200 синтоистских и свыше полуторы тысяч буддийских храмов.

В самом центре Киото Иеясу Токугава построил укрепленную резиденцию, окруженную мощными каменными стенами с угловыми башнями и глубоким рвом, наполненным водой. Внутри крепости на территории в 28 гектаров стоят пять дворцовых зданий.

Каждое имело свое назначение. Одно — для приема послов, в другом вассальные феодалы — даймё отчитывались перед сёгуном. В одном из зданий были личные покои сёгуна. Полы в этом здании были устроены так, что когда по ним ступают, половицы начинают нежно, по-соловьиному петь, чтобы злоумышленники не могли бесшумно пробраться к правителю.

Вокруг замка сёгуна строили свои дворцы даймё. Самый знаменитый среди них — Золотой павильон (Кинкакудзи), вокруг которого в обширном саду стояли остальные здания дворца. Построенный в 1394 году павильон был действительно отделан золотом и позднее превращен в буддийский храм. В 1950 году он был сожжен японским Геростратом. В 1955 году его восстановили в прежнем виде. Остальные здания поместья не сохранились. В 1482 году с Кинкакудзи намеревался посоперничать Гинкакудзи (Серебряный павильон). Но его владелец даймё Асикага, так и не собрался отделать здание серебром. Именно в Киото расцвело искусство разбивки знаменитых японских садов, которые и сейчас окружают дворцы знати.

К территории дворцов и храмов примыкает квартал развлечений Гион, где по вечерам гейши и их ученицы — майко — развлекали и сейчас развлекают гостей в ресторанах. В Киото же зародился традиционный японский театр «Кабуки» и «Но». Представления в них дают до сих пор все в том же Гионе. В этом районе расположены и все школы японских боевых искусств, центром обучения которым Киото был, да и остался в наши дни. Искусство боя без оружия с вооруженным противником было первоначально изобретено простолюдинами с острова Окинава, им запрещалось иметь оружие. Школы дзюдо, карате, кендо тоже сосредоточены в Гионе. Кендо — старинное искусство владения самурайским

мечом и сейчас считается почетнейшим из мужских достоинств. Все эти достопримечательности — обязательные объекты показа туристам.

За пределами Гиона находится жилой квартал старого Киото. Здесь на узких пыльных улочках, куда не водят туристов, ютятся в своих традиционных деревянно-картонных домиках простолюдины. Мы, однако, бывали и там. Как бы отдельно существуют кварталы современного Киото с каменными строениями, современными магазинами, ресторанами, гостиницами...

В Киото мы бывали несколько раз самостоятельно. Самым удачным было посещение, когда мы поехали туда на машине и на два дня. Тогда мы без спешки осмотрели все достопримечательности, описанные в толстом справочнике «Япония». Сережке особенно понравился старик-гадальщик, сидевший с дрессированной птичкой у одного из храмов. Получив несколько монет, старик открывал дверцу в птичий домик, птичка выпархивала, садилась на край деревянного ящичка и клювиком, достав оттуда рулончик с напечатанной судьбой, клала его в протянутую ладонь. Она была очень доброй предсказательницей — эта птичка. Всем нам троим она обещала долгую и счастливую жизнь.

Во время одной из рабочих поездок с Никитиным по Токио за рулем был Миша, а мы сидели на заднем сидении, беседуя. На светофоре, после того как включился зеленый, Миша продолжал стоять, что-то бормоча себе по нос и шевеля перед лицом руками. Вести машину дальше он не мог. Высадив его, я сел за руль сам. Оказалось, что Миша увлекался наркотиками. Его отец, работой в нашем офисе надеялся отвлечь сына от вредной привычки. Но не получилось и пришлось его уволить. Вместо него я пригласил

на работу бухгалтера — жену заместителя представителя «Аэрофлота» Светлану Селиверстову.

Осень 1967 года ничем не напоминала золотую осень 1966 года. Погода стояла прескверная. Постоянные дожди, холодно и промозгло. Случались, конечно, и теплые дни, но ничего похожего на прошлый год, когда мы так расхваливали японский климат. И цены росли не по дням, а по часам. Особенно на мясо, рис, овощи и фрукты.

В ноябре состоялся официальный визит в Японию британского премьер-министра Гарольда Вильсона. В пресс-клубе было объявлено о его предстоящем выступлении. Получив это извещение, в котором опять было указано — “black tie”, я, умудренный опытом, взял напрокат фрак, лаковые штиблеты, белую манишку и манжеты от форменной рубашки (аренда целой рубашки стоила значительно дороже) и явился на выступление премьера в полном параде. В своем выступлении Вильсон сделал очень важное заявление: объявил о начале нового этапа в английской внешней политике, который он назвал «К востоку от Суэца». Эта новая доктрина предусматривала вывод британских вооруженных сил с территорий, лежавших восточнее Суэцкого канала. Правда, в Гонконге остался демонстрационный полк гурков — отборных индийских солдат на британской службе.

Следующим утром я, как обычно, сидел в кабинете посла на еженедельном служебном совещании. По его окончании Трояновский спросил у присутствовавших: кто был на вчерашнем выступлении Вильсона? Ответом было гробовое молчание. Я тоже промолчал, понимая, что иначе наживу себе немало врагов среди наших журналистов. Но когда все потянулись к выходу из кабинета,

я попросил Трояновского уделить мне 10 минут для решения своего служебного вопроса. Когда мы остались вдвоем, я изложил ему содержание выступления Вильсона. Не знаю, успел ли он сообщить о нем в Москву до того, как средства массовой информации разнесли новость по всему свету, но уважения ко мне этот случай явно прибавил.

С увеличением потока японских туристов японцы согласились выделить третью квоту в мой офис. На нее снова приехал Феофанов. По просьбе Г. П. я провел совещание в своем кабинете, где, скорее всего, находились прослушивающие устройства. На нем я «поручил» Феофанову работать не в офисе, а в консульстве, на территории посольства, помогая организовывать выдачу виз возросшему потоку туристов. Так что в офисе Феофанов практически не появлялся. Емельянов попытался привлечь его к разрешению наших противоречий. Тот, из профессиональной солидарности, старался наладить наши с Емельяновым отношения за счет уступок с моей стороны. Но я твердо стоял на позиции: «мухи отдельно, котлеты отдельно».

Вскоре совершенно неожиданно наши с Емельяновым проблемы сами собой разрешились: однажды поздним зимним вечером Емельянов прибежал ко мне домой в растрепанных чувствах.

— Японцы устроили против меня провокацию! — выпалил он.

— Что случилось? — спросил я.

— Они подбросили жене в сумку неоплаченный товар и обвинили в краже!

— Поехали ее выручать, — предложил я.

— Не надо, ее уже отпустили... что будет, что будет, — бормотал он, убегая еще куда-то жаловаться на коварных политических провокаторов, злоумышлявших против его «важной» персоны.

Утром я заехал в консульство. Шаров рассказал мне, что жену Емельянова охрана универсама остановила на выходе, предложила показать бумажную сумку с покупками и обнаружила неоплаченную кофточку. Мелкое воровство в японских универсамах было рядовым явлением. Поэтому среди покупателей ходили специально обученные агенты, выявляющие воришек. Один из них, видимо, сообщил охране о подозрительной иностранке. Ее отвели в администрацию, где предложили оплатить кофту. Но перепуганная Емельянова, не понимавшая ни японского, ни английского, напичканная инструкциями, как заведенная повторяла одну и ту же заученную на ломаном японском фразу: «Я гражданка СССР, вызовите представителя советского посольства». Приехавшего Шарова попросили, чтобы она оплатила кофту. Но Емельянова отказывалась, повторяя, что кофту ей подкинули, что все это антисоветская провокация. Шаров заплатил за кофту и отвез ее домой.

— Что будем делать? — спросил я.

— А ничего. Подождем пару дней. Если японцы не поднимут скандал в прессе, то, значит, никакая это не провокация, а банальное воровство. Думаю, не та фигура Емельянов, чтобы затевать провокации.

Так и вышло. Под предлогом, что надо дать остыть ситуации, Емельянову дали внеочередной отпуск, из которого он не вернулся. И я опять остался в блаженном одиночестве, так как Феофанов все время был занят в посольстве и со мной не контактировал.

В японских школах принято периодически менять учителей в классах. Во втором триместре 1967 учебного года у Сережи в классе появилась новая учительница, более строгая и требовательная. К Сереже предъявляла требования, как ко всем ученикам. Она не знала его с первого дня и не умилялась его успехам. Ему больше не

было никаких скидок, как при Сакамото. Накануне зимних каникул, которые начались 25 декабря, он получил табель и характеристику за полугодие. По «родному» (японскому) языку — грамматика, речь, чтение — на среднем уровне; внимание и понимание — ниже среднего. Арифметика — выше среднего уровня. Понимание начал геометрии — на среднем уровне. Пение хоровое — средний балл. Игра на гармонике, органе и «моккине» (так и не узнал, что это такое) — низший уровень. Высший балл за музыкальную ритмику. Рисование — рисунок и живость изображения — на среднем уровне; мастерство — ниже среднего. Физкультура: силовые и групповые упражнения — на среднем уровне; прыжки и подтягивание — ниже среднего.

Характеристика: «Удивительно освоил язык; никаких проблем в повседневной жизни, в общении с учителями и товарищами, в составлении предложений, в письме. Трудности в понимании длинных предложений на специальные темы».

43-Й ГОД ЭПОХИ СЁВА

Мне хотелось наряду с традиционными экскурсионными объектами Японии, такими как Киото, Нара и Нико, включить в программу поездок советских туристов места, связанные с путешествием в Японию в середине XIX века экспедиции адмирала Путятина, который подписал первый договор о дружбе и торговле с Японией. Поэтому в новогодние каникулы мы съездили в городок Симода, связанный с важнейшими событиями в истории Японии. Именно в этот порт прибыли американские корабли commodora Пэрри, первым открывшим Японию для внешнего мира, вынудив японцев под

угрозой пушек заключить торговый договор с иностранной державой. Сюда же 22 ноября 1853 года прибыл для переговоров на фрегате «Диана» русский адмирал Путятин.

Отплыв из Кронштадта в октябре 1952 года, фрегат 12 августа 1853 года прибыл в Нагасаки. В ожидании ответа на письмо, которое он передал для вручения сёгуну — военному правителю Японии, Путятин отплыл из Нагасаки и занялся описанием восточного побережья российского Приморья. 22 ноября 1853 года он прибыл в порт Симода и возобновил переговоры. А 22 декабря на Симоду обрушилось мощное землетрясение. Цунами огромной силы выбросило на берег «Диану». Серьезно поврежденный корабль отбуксировали для ремонта в бухту поселка Хэда недалеко от Симоды. Но там «Диана» затонула. Возвращаться домой было не на чем. Сам Путятин с частью команды остался в Симоде. Другая часть разместилась в деревне Хэда, где моряки начали строить новый корабль. Тем временем 7 февраля 1855 года в Симоде Путятин подписал с японцами Трактат о дружбе и торговле. На вновь построенном в Хэде корабле команда во главе с Путятиным отплыла на родину, оставив японцам умение строить мореходные суда и несколько могил умерших в Симоде и Хэде русских моряков. Надгробья на их могилах сохранились до сих пор.

До Симоды от Токио — три часа поездом. Добрались уже поздно и осмотр города и исторических мест, связанных с российско-японскими контактами пришлось отложить на следующий день. Городок как игрушка. Расположен необыкновенно красиво: море, вокруг скалы, лес. Сотрудник местного отделения ЯСТБ, показывавший нам город, кладбище с могилами русских моряков и храмы, в которых жили моряки и где происходили переговоры, и само подписание исторического Трактата, посоветовал в следующий раз

съездить в рыбацкий поселок Хэда. В этот раз на это не хватило времени. Пришлось отложить на осень.

23 марта 1968 года Сережа закончил 1-й класс японской школы с неплохими оценками. 7 апреля начались занятия во 2-м классе. Со второго года учебы началось «трудовое воспитание»: уборка класса — каждый ряд класса раз в неделю убирал класс; вторую неделю дежурил по кухне; третья неделя — помощь учительнице. Приступили к изучению иероглифов. Сергея это почему-то очень увлекло, и он стал учить иероглифы самостоятельно, сверх школьной программы. Даже на пляже все время рисовал их прутиком на песке. Дома весной он приступил к занятиям по программе 3-го класса русской школы.

В 68 году весна, в отличие от нашей первой весны 1967 года в Японии, как и прошедшая осень, оказалась намного хуже. В 10-х числах апреля уже отцвела сакура, а погода оставалась неустойчивой. Частые дожди, постоянное чередование теплых и холодных дней. Иногда приходилось включать отопители. Даже в начале июня, когда уже должна быть жара, постоянно чередовались теплые дни с холодными.

Много времени у меня уходило и на работу с советскими туристами. Надо было со всеми приезжавшими встречаться, инструктировать, оказывать внимание руководителям. Все они, конечно, рассчитывали на мое внимание и помощь при покупках. Круизные теплоходы, которыми прибывала основная часть советских туристов, начинали свой маршрут с посещения Нагасаки. Мне приходилось выезжать туда встречать теплоходы. Скоростные «Синкансены» в Нагасаки тогда еще не ходили. Вначале я летал в Нагасаки самолетом. Затем, когда я уже мог достаточно объясняться по-японски, для экономии средств стал ездить обычным ночным пассажирским

поездом на спальной полке, отделявшейся от прохода в вагоне плотной шторкой. Это тоже был интересный опыт.

В одну из таких поездок я остался в Нагасаки на пару дней и осмотрел второй город, подвергшийся атомной бомбардировке в 1945 году. Как и Хиросима, Нагасаки был уже полностью восстановлен. О прошлой трагедии напоминали только величественные памятники. В том месте Нагасаки, над которым ударил атомный взрыв, разбит обширный Парк Мира. Посреди парка на 4-метровом пьедестале возвышается 10-метровая бронзовая статуя бога Мира. Тихо струится вода в каменных бассейнах мемориала, чистая и прозрачная, как бы для тех, кто не мог тогда найти ее, чтобы утолить последнюю жажду. Самый эпицентр взрыва отмечен черной полированной стелой, вокруг которой вместо черного пепелища теперь растет нежная зеленая травка и яркие цветы.

Обязательным объектом посещения для всех групп советских туристов была, естественно, также Хиросима. Первая в истории человечества атомная бомба взорвалась над этим городом 6 августа 1945 года. При взрыве было сразу убито 70 тыс. хиросимцев. Еще 60 тыс. умерли в течение первых нескольких дней от ожогов и ран. За первые полгода от бомбардировки и ее последствий погибло 140 тыс. Всего из 380 тыс. жителей Хиросимы погибло от взрыва и радиации более 200 тыс. Было разрушено и повреждено 90% зданий города.

В память о погибших в эпицентре взрыва создан мемориальный парк и музей. В музее собраны страшные фотографии города и людей, сделанные в первые дни и недели после взрыва. На обширной площади, покрытой мелкими, как песок, бежевыми ракушками, множество памятников. Главный из них — кенотаф — похоронный памятник из черного полированного гранита, под которым нет

останков погибших. На нем закреплены таблички с именами убитых атомной бомбой и умерших потом от лучевой болезни. Их число ежегодно пополнялось в течение десятилетий, пока умирали ее жертвы. Около кенотафа — ритуальный колокол и фонтан молитвы за тех, кто искал в атомном аду чистую воду, умирая от жажды. Неподалеку — памятник Садако Сасаки — девочке, пострадавшей от бомбы, которая прочитав легенду о том, что человек, сделавший 1000 бумажных журавликов, сможет загадать любое желание, принялась их изготавливать. Она успела сделать 644 к 25 октября 1955 года. В этот день она умерла от лучевой болезни. Напротив мемориала, как бы завершая его, высится выжженные атомным пламенем бетонная коробка и скелет купола бывшего выставочного центра Торгово-промышленной палаты. Построенные с учетом сопротивляемости землетрясениям, бетонные стены выдержали удар взрывной волны, как еще несколько подобных зданий, внутри выжженных огненным смерчем, охватившим город.

В 1968 году в программу посещения Японии для советских туристов добавили экскурсию на могилу Рихарда Зорге. В 1967 году американцы захоронили останки этого великого советского разведчика, казненного японцами в 1944 году, на кладбище «Тама» неподалеку от Токио. На его могиле от имени советского правительства было установлено скромное надгробие из темного камня с выгравированной на нем золотой звездой Героя Советского Союза. Это звание Зорге присвоил в 1964 году Никита Хрущев, после того как посмотрел вышедший еще в 1961 году немецкий фильм «Кто вы, доктор Зорге?».

Летом 1968 года японская жена Зорге — Исия Ханакко была приглашена в Москву. Ее поездка совпала с нашим отъездом в отпуск. В посольстве меня попросили присмотреть за ней во время

путешествия до Москвы. 6 июля вместе в Ханако мы погрузились на теплоход в Йокогаме. Госпожа Ханако вела себя исключительно скромно. Когда бы во время плавания на теплоходе я ни спрашивал, все ли у нее в порядке, не нужно ли чего-нибудь, она с поклонами и благодарностями отвечала, что все хорошо и ей ничего не нужно. В Находке и Хабаровске я проследил, чтобы ее с удобствами посадили в поезд и в самолет. Проводить ее до Москвы я не мог, поскольку по пути в Москву должен был остановиться в Иркутске, Братске и Новосибирске. Ленина с Сережей летели из Хабаровска прямо в Москву, и потом она рассказала мне, что в Домодедово у самого трапа самолета Ханако окружила толпа черных пиджаков и галстуков и увезла ее прямо с лётного поля. Больше мы ее не видели и ничего о ней не слышали ни в Москве, ни в Японии.

Во всех сибирских городах, где я останавливался, я проехал по маршрутам экскурсий для иностранных туристов, снял на слайды все достопримечательности и пейзажи, получил тексты методических экскурсионных разработок для последующей рекламной работы в Японии.

4 сентября 1968 года мы снова были в Находке. На этот раз мы решили возвращаться теплоходом, чтобы постепенно адаптироваться к восьмичасовой разнице во времени с Москвой.

В отпуске нас застало известие о вводе войск Варшавского договора в Чехословакию. И по возвращении в Токио мы оказались в эпицентре антисоветских протестов японской общественности. Никто даже не вспоминал, что наряду с советскими танками в Чехословакию вступили также войска других стран Варшавского договора. Демонстранты с лозунгами протеста осаждали советское посольство и другие советские учреждения. Телефоны нашего офиса раскалились от непрерывных звонков протестующих. Как только

мои девушки снимали трубку, на них изливался поток проклятий. Я перевел все линии на свой телефон. Если поступал рабочий звонок, я переводил разговор на Осиму. На звонки с протестами я не бросал трубку, выслушивал все до конца, а потом произносил дважды «суимасен, суимасен» (извините, извините). Делал я это совершенно искренне, потому что в душе, как и многие советские граждане, был категорически против брежневской агрессии против «Пражской весны». Эта тактика приносила успех. Звонивший умолкал, пауза затягивалась. Продолжать проклинать человека, приносящего извинения? И, как правило, абонент отключался. Может быть, поэтому наш офис не подвергался нападениям, в то время как в находившемся неподалеку офисе «Аэрофлота» несколько раз разбивали витрину и расписывали фасад антисоветскими лозунгами.

В результате чехословацких событий сильно сократился поток японских туристов в Советский Союз. Надо было что-то предпринимать. Так как из-за скромного рекламного бюджета мне с самого начала приходилось вести рекламно-информационную работу самому, лишь изредка привлекая сторонних рекламщиков для выполнения моих отдельных поручений, с 1967 года я занялся изучением рекламного дела в профессиональных рекламных департаментах «Джапан Тревел Бюро» и «Ниппон Экспресс Кампани». На конференции ПАТА в Сиэтле был представлен отчет о рекламной работе организации за 1966–1967 годы с приложением образцов рекламной продукции. Его я использовал как образец. В общем, к лету 1968 года я считал себя достаточно подготовленным, чтобы отказаться от периодических услуг и мелких рекламных фирм и спланировать и организовать рекламную кампанию самостоятельно, сэкономив на комиссионных платежах.

Со спадом японского туризма из-за чехословацких событий у меня появилось больше свободного времени, и я засел за подготовку рекламной кампании на 1969 год. В первую очередь я написал на русском и английском языках общий информационный текст о туристских достопримечательностях СССР — страны, раскинувшейся от Балтики до Тихого океана и от Белого моря за полярным кругом до тропиков Черного моря. Составил список необходимых для изготовления аудиовизуальной презентации 35-миллиметровых слайдов и отправил русский текст и список слайдов в отдел рекламы и печати «Интуриста» с просьбой подготовить для меня набор таких слайдов. Но не копий, имевшихся в широкой продаже, а подлинников, снятых профессиональными фотографами, чтобы можно было делать качественные копии в Японии.

В ожидании этого заказа я разработал несколько макетов и текстов на английском языке рекламных объявлений, написал на английском несколько брошюр с описанием маршрутов «Интуриста», подобрал к ним иллюстрации. В октябре, получив набор слайдов, купил слайд-проектор, портативный катушечный магнитофон и синхронизатор, с помощью которого автоматически переключался проектор при прохождении через синхронизатор магнитной пленки. Подготовленный ранее мною на английском текст аудиовизуальной презентации, записал на магнитофонную пленку в двух экземплярах и попросил Симидзу в ЯСТБ и Канемацу в ДТБ о встрече. Получив согласие, загрузил в багажник «Нисана» все подготовленные материалы, а также наборы рекламных буклетов и брошюр «Интуриста» на японском языке и образцы рекламных плакатов, отправился на переговоры.

Продемонстрировав свои материалы, я предложил провести к сезону 1969 года совместные (с каждой фирмой в отдельности)

рекламные кампании с оплатой расходов 50 на 50. Свои материалы я отдаю безвозмездно, а фирмы переводят их за свой счет на японский, печатают и размножают. И Симидзу и Канемацу согласились.

Симидзу, к которому я приехал в первую очередь, попросил предоставить ему монополию на продажу (сверх общей рекламной программы) разработанного мной тура и брошюры, которые я назвал “Time Tunnel” («Тоннель времени»). Под таким названием по японскому телевидению шел американский сериал. Примитивный сюжет, который, однако, пользовался большой популярностью: молодой американец обнаружил портал, через который он попадал в тоннель времени, выбрасывавший его в различные прошлые эпохи, где он переживал многочисленные приключения. Тоннелем времени я назвал поездку по древним русским городам Золотого кольца. Лозунг сработал, и весной 1969 года начался бум поездок по этому маршруту. К сожалению, бум этот столь же быстро рухнул, как и возник из-за еще одной российской беды, дополнявшей традиционную — «дураки и дороги». Этой бедой оказалось состояние российских туалетов. Отхожие места на стоянках для отдыха на маршрутах у помешанных на гигиене и чистоте японцев, особенно у женщин, вызывали в буквальном смысле рвотную реакцию. Об этом Симидзу написал в Москву. Кое-что «Интурист» смог предпринять. Поездки продолжались, но бума уже не было. Кроме совместных кампаний с ЯСТБ и ДТБ, я продолжал сотрудничать самостоятельно с газетой «Джапан Таймс», журналами «Тревел Джорнал» и «Фар Ист Тревелер» и рядом японских туристских журналов.

В конце октября для женщин посольством была организована поездка в Нару. Город Нара стал первой императорской столицей Японии в 661 году. Центром его был обширный парк-сад, в котором свободно гуляли совершенно ручные лани. Посетителям

продавали специальные лепешки, которыми разрешалось их кормить. Именно здесь сосредоточены основные исторические памятники города. Вход на террасу парка — через синтоистские ворота — тории. Пройдя их, слева увидишь зеркальную гладь пруда, за которым высится пятиэтажная пагода храма Кофукудзи — одной из семи величайших святынь Нары. Интересно, что этот храм был основан в Киото в 669 году и в 710 был перевезен в Нару. Состоял он из 175 зданий, включая пагоду, пристроенную уже в Наре. Большинство из них погибло в пожарах. Пагода горела пять раз, последний раз ее восстановили в 1426 году. В этом виде она дожила до наших дней. Самое древнее из сохранившихся в мире деревянных сооружений — храм Хорюдзи тоже стоит в Наре. Здесь же Дом Великого Будды — огромный, высотой в 50 метров, храм Тодайдзи. В этом самом большом в мире деревянном здании восседает бронзовый Дайбуцу, отлитый в 749 году. Самой значимой синтоистской святыней Нары является храм Касуга, построенный в 768 году. Три тысячи каменных фонарей, стоящих аллеей перед входом в этот синтоистский храм, зажигают два раза в год: в феврале и августе в ознаменование праздника Мандаро.

Вместе с семьями сотрудников представительства «Аэрофлота» мы съездили и в Никко. Японская половица гласит: «Не говори «кек-ко» (прекрасно), пока не побываешь в Никко». Национальный парк Никко, расположенный к северу от Токио, знаменит своими величественными горными пейзажами. Наиболее известен вид на горное озеро Чузендзи, из которого со стометровой высоты низвергается в ущелье водопад Кегон. Скалы, дробящие водопад на десятки струй, и постоянно дующий в ущелье ветер создают тончайшую водяную завесу, на которой образуется радуга. А внизу, в долине — второе чудо Никко, роскошный мавзолей — усыпальница знаменитого

Иеясу Токугавы, стоящая в реликтовом кедровом лесу. К строительству были привлечены лучшие ремесленники и художники страны. На небывало роскошную отделку пошло 2 млн 489 тыс. листов сусального золота по 25 см².

В начале ноября всегда было полно хлопот. 7-го подготовка и участие в официальном приеме в посольстве. 8-го — прием в Обществе японо-советской дружбы, потом — вечер в посольстве. Как всегда, полная насыщенность праздничными мероприятиями, на которых надо обязательно бывать. К счастью, Сережка 8-го на утренник, посвященный Октябрьской революции, идти не захотел. Надо в школу, так как на уроке естествознания они будут пускать мыльные пузыри.

В ноябре, несмотря на московский опыт (ремонт — все равно, что два пожара), мы затеяли ремонт квартиры. Пришел мастер. Осмотрел фронт работ. Сообщил время, необходимое на работу, с точностью до 15 минут, и стоимость. И то и другое было выдержано с абсолютной точностью. Покраску потолка на кухне рабочий сделал, не уронив на пол ни капли краски. Над головой он держал щиток, на всякий случай. А краска высыхала моментально. Тем более не было никаких проблем с окраской стен. Все материалы для ремонта рабочие готовили на лестничной площадке, бегом заносили в квартиру, сбрасывая каждый раз обувь при входе. Ковры и шторы сами сняли, сами принесли из чистки, сами повесили и расстелили, прикрепив к полу. Все за собой убрали, отказались от угощения, получили деньги строго по счету.

В декабре по выходным дням мы перестали ездить на море в Камакуру. Там стало бывать слишком много народа. По пляжу гуляли толпы японцев и иностранцев. Закусочные были переполнены.

Хотя купальный сезон уже закончился, выезжать из загазованного Токио на свежий морской воздух было необходимо. Посетивший Токио Сергей Сергеевич Никитин перед отъездом в приказном порядке велел мне каждое воскресенье «убираться» из города.

Не помню, кто посоветовал нам ездить на берег океана, на пляж Кудзюкури — «девяносто девять ри». (Ри — древняя японская мера длины, примерно 4 км). Немножко далековато от Токио, но чистый и пустынный пляж. Песчаная полоса тянулась вдоль побережья Тихого океана насколько хватало глаз. Открытая океанским ветрам, приливам и отливам, широкая полоса песка, куда доставали приливные волны, была настолько утрамбована, что по ней, как по асфальту, можно было ездить на машине. От прибрежной деревушки через полосу сыпучего песка до утрамбованной полосы местные жители проложили деревянные дорожки, по которым можно было проехать к самому берегу. Там я начал учить Сережку водить машину. Пока он не мог одновременно оперировать педалями и рычагом переключения передач и смотреть в переднее стекло — не хватало роста. Я сидел рядом на левое пассажирское сидение и контролировал руль. Водители редких встречных машин с удивлением смотрели на самодвижущийся автомобиль с одним пассажиром. Кудзюкури стал нашим любимым местом отдыха.

А 26 декабря, на время очередных зимних школьных каникул, мы наконец отправились в Хэду. Так как мы уже побывали в Симодэ ранее, на этот раз мы совершили только морскую экскурсию, из которой вернулись уже под вечер. Однако, согласно маршруту, заявленному в японский МИД, мы должны были ночевать уже в Хэде. Пришлось ехать в темноте по горной дороге. Доехали мы благополучно, поужинали дарами моря, выловленными только сегодня

местными рыбаками, и переночевали в настоящем японском рёкане без каких-либо европейских модернизаций. Наутро пошли осматривать и фотографировать Хэду. Утро было ясное, солнечное и, что редко бывало в это время, воздух был совершенно прозрачным. Выйдя на берег бухты, мы увидели вдали сверкавшую снегом вершину Фудзиямы. На фоне голубой бухты и гряды зеленых гор — зрелище необычайно красочное. Бухта была полна жизни. Отплывали и возвращались рыбацкие шхуны, лодки и лодочки. На берегу выгружали и принимали улов, рыбаки развешивали на шестах сети для просушки. Весь рыбацкий поселок по берегу бухты был застроен традиционными японскими деревянно-бумажными домиками. У части домов крыши были из красной черепицы. У большинства — крытые соломой. Впечатление было такое, что современная цивилизация добралась до Хэды лишь в виде лодочных моторов. Под парусами рыбаки уже не ходили. Побывав на кладбище, где похоронены русские моряки с «Дианы», мы во второй половине дня поехали обратно в Симоду.

Когда я выехал на дорогу, по которой проехал вчера ночью, то просто похолодел от ужаса. Узкая грунтовка вилась между отвесным склоном горы и не менее чем стометровым обрывом. Внизу по берегу моря громоздились острые скалы. Во многих местах две машины не могли разъехаться. Тому, кто был ближе к расширявшейся части дороги, приходилось сдавать назад, чтобы пропустить встречную. Какое счастье, что вчера ночью встречных машин не было. Поэтому я засомневался в возможности включить поездку в Хэду для совтуристов. Но самим нам Хэда очень понравилась. И мы еще раз съездили туда с сотрудниками «Аэрофлота».

31 декабря мы вернулись из поездки. В Токио резко похолодало. Сереже пришлось спать в гостиной на раскладушке. Ночью опасно

было оставлять горящим газовый отопитель, которым обогревались днем. А одного кондиционера-отопителя на три комнаты не хватало. Сережину комнату на ночь закрывали. Как-то той зимой я, выйдя на балкон, обнаружил, что мастера, установив кондиционер-отопитель, не заделали дыру, через которую с балкона шел ввод кондиционера. Оттуда и тянуло холодом, который вынуждал нас съезжаться зимой на ночь в две комнаты. После того как дыру заделали, стало возможно Сереже спать и зимой в своей комнате.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ЯПОНИИ (1969–1970)

Новый 1969 год мы уже традиционно встречали в посольстве. После новогоднего бокала шампанского и фуршета в зале приемов начались танцы под магнитофон. Посольские мужчины и журналисты крутили своих и чужих жен. Я, станцевав пару раз с Лениной, присел на стул около стены, предоставив приглашать ее нашим общим знакомым. Неподалеку также у стены сидели Трояновский с женой. Никто из присутствовавших не рисковал пригласить на танец явно скучавшую «первую леди» посольства. Заметив, с какой грустью, она наблюдала за танцующими, я подошел к Трояновскому и попросил разрешения пригласить его даму. Надо было видеть, как расцвело лицо этой уже не первой молодости, но очень миловидной женщины. После танца я отвел ее к мужу и, приложившись к ручке, щелкнул каблуками, поблагодарил. Запустили следующую пленку и все посольские кинулись наперебой приглашать Трояновскую. Как шутили потом в посольстве, после меня «она пошла по рукам».

А в первое утро нового 1969 года мы вышли посмотреть, как японцы проводят новогодние праздничные дни. Новый год — традиционный праздник, когда японцы спешат в свои храмы. В Токио 1 января главная служба проходит в синтоистском храме Мейдзи Дзингу в Сендагае. В этот день туда стекаются сотни тысяч, если не миллионы жителей города, многие с детьми. Среди них нередко можно увидеть мужчин в строгой одежде средневекового воина, а женщины все, как одна, одеты в лучшие цветные кимоно. Мы тоже отправились в Сендагаю. Громадные наряды полиции с трудом руководили движением толпы, которая, правда, четко выполняла рекомендации шефа полиции, вещавшего в мегафон: «Будьте осторожны. Постарайтесь не превратить самый светлый день в день печали». А вокруг храма, в парке предприимчивые торговцы развернули целое торжище. Предлагали сладкую вату детям, сосиски в тесте, жареных каракатиц, сладкий картофель — бататы, густой суп «Оден», пиво, саке... Посетители активно пользовались услугами торговцев, ведь с 1 по 3 января в городе не купить даже хлеба — все закрыто, все празднуют.

Со 2 по 4 января центром праздника в нашем районе становился квартал Акасака. Правда, уже не для всех, а лишь для тех, у кого есть свободные деньги. А также для гостей и служащих, которым многочисленные фирмы и корпорации, пользуясь законом о налоговых вычетах, устраивали праздничные приемы. Гости, как и столетия назад, развозили по увеселительным заведениям рикши. Стуча по асфальту деревянными гета, бежали туда же развлекать гостей гейши и майко.

Среди плохо знакомых с Японией иностранцев бытует представление о гейшах, как «девушках по вызову». Нет ничего более далекого от действительности. Гейши, как правило, уже немолодые

женщины, обученные в специальных школах всем премудростям светского развлечения гостей. Они знатоки японских традиционных танцев, мастера игры на сямисене — японском национальном струнном инструменте. Умеют поддержать непринужденную светскую беседу с клиентом. Одеты они, как правило, в скромные однотонные кимоно. Они же являются наставниками своих учениц — «майко», которые в роскошных кимоно со средневековыми прическами и украшениями развлекают гостей танцами и, сидя между ними, легкой болтовней, так, ни о чем. Майко могут обзавестись покровителем, который платит за ее проживание с ним и интимные услуги школе, которой принадлежит майко. Гейши тоже нередко имеют своих покровителей.

После новогодних праздников началась наша совместная рекламная кампания. Она развивалась довольно успешно. Острота чехословацких событий спала. Кроме того, весна 1969 года ознаменовалась резким ростом рабочего движения в стране, что отвлекло внимание общественности от чехословацкой проблемы. По улицам одна за другой катились демонстрации профсоюзов, начались столкновения с полицией. На перекрестках в центре города постоянно дежурили наряды спецназа, экипированные в защитные доспехи, с металлическими щитами в руках. Тогда для нас все это было в диковинку.

Однажды, когда демонстрация шла мимо нашего дома, вниз от Роппонги к центру Токио, мы, оставив Сергея дома, пошли параллельно демонстрантам посмотреть, как это бывает. Перед следующим перекрестком — Акасака — демонстрантам преградила путь полицейская цепь. После недолгих переговоров демонстранты атаковали полицию. Началась свалка. На нас и журналистов, стоявших

на тротуаре, никто внимания не обращал. (Я, обвешанный фото- и киноаппаратурой, от остальной прессы не отличался). В один из моментов схватки между полицейским оцеплением и толпой оказался на мостовой замешкавшийся журналист-иностранец. В голову ему попал не то камень, не то брошенная бутылка. Он упал. Тут же драка прекратилась. Стороны разошлись. К упавшему подбежали несколько демонстрантов, подняли его, кланяясь и извиняясь, отвели на тротуар. И... снова пошла стенка на стенку. Вскоре к полиции прибыло подкрепление, в том числе два бронированных грузовика с распылителями слезоточивого газа. Полицейские быстро надели противогазы, а мы, закрыв рот и нос платками, побежали домой промывать глаза.

25 марта закончился учебный год во втором классе. Сережа принес итоговый табель. Оценки за последний триместр были хуже, чем за предыдущий. Правда, по японскому языку по всем аспектам высший балл, в том числе по умению правильно употреблять 160 иероглифов. Но если мы были им недовольны, то в характеристике оказалось, что учительница поражена его успехами и настойчивостью, особо отметив «необычайную способность к пониманию японского языка и к изложению в письменном виде. По итогам контрольных работ по иероглифике оба вторых класса подлежали переформированию в два третьих класса: сильный и слабый. Все Сережины друзья, за исключением Такахито, а также сам Сергей были в числе 6-ти, зачисленных в сильный класс.

Зима 1969 года тоже, как обычно, была весьма необычной. Днем в январе температура понималась до 15–19 градусов. А в начале февраля резко похолодало. Шел снег с дождем. В середине февраля

опять потеплело вплоть до 20 градусов днем. 18 февраля опять пошел мокрый снег и в городе тьма. 4 марта была прямо московская метель, небывалые сугробы намело. 19 марта — самый сильный снегопад за 80 лет. Оба раза мне в офис звонили из школы и велели забирать Сережу домой в связи со «стихийным бедствием». Перед каждым выездом я брал из багажника складную лопатку с киркой, набирал в нашем садике полный пластиковый пакет песка из детской песочницы. В Токио был транспортный коллапс. Автобусы и трамваи просто стояли, легковые машины с воем буксовали даже на минимальных подъемах. Снежные заносы я разгребал лопаткой, под удивленными взглядами японских водителей подсыпал под задние колеса песок и, по российскому опыту, трогался с места на второй передаче на малом газу. Удивленные взгляды сменялись завистливыми, когда я потихоньку проехав мимо них, набирал нормальную скорость. На следующий день уже вовсю светило солнце и журчали ручьи. А прогноз на завтра — опять снег или дождь. 10 апреля в нашем садике расцвела сакура, все деревья зазеленели. Вроде началась настоящая весна. А в ночь на 17 апреля опять был снегопад, и похолодало до +4°C.

Тем временем совместная рекламная кампания с ДТБ и ЯСТБ развивалась успешно. Мне приходилось лишь консультировать рекламных специалистов этих двух фирм, помогать советами и материалами им и другим турагентам периодически участвовать в рекламных мероприятиях, семинарах для представителей туристских фирм. В рекламе не обходилось и без казусов. Однажды ко мне в кабинет сотрудник рекламного департамента ДТБ принес на утверждение макет журнала, посвященного туризму в СССР. На обложке красовалась фотография Красной площади. На фоне мавзолея, наполовину прикрывая его объемным задом, стояла рязанская

бабушка с авоськой. Я попросил заменить фотографию. Через некоторое время позвонил Канемацу и спросил, почему я хочу заменить фотографию: ведь на ней такая теплая и милая русская бабушка, которая вызовет симпатии японцев. Наверное, с японской точки зрения он был прав. Но я представил себе реакцию новых идеологов, пришедших к власти в «Интуристе», и настоял на безликой стандартной фотографии Спасской башни.

Дело было в том, что за время моего пребывания в Японии в «Интуристе» произошли серьезные изменения. Вместо Главного управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР, которое было формальной надстройкой над самостоятельным «Интуристом», был создан Государственный Комитет СССР по иностранному туризму. Председателем его автоматически стал Анкудинов, в заместители по кадрам назначили профессионального бюрократа из ЦК КПСС Васильева. Этот плюгавенький человек в очках с золотой оправой, с редкими седыми волосами, едва прикрывавшими череп, принялся искоренять обнаруженный им в «Интуристе» либерализм и вольнодумство. Для этого он считал необходимым укрепить в нем партийное влияние и идеологическую работу. Эти его намерения соответствовали общему тренду наступления в стране реакции во второй половине 60-х годов. «Либерал» (по тому времени) Анкудинов его не устраивал, и он развернул против него настоящую кампанию травли и с помощью своих связей в ЦК добился его снятия. Не выдержавший удара Анкудинов слег с инфарктом и вскоре скончался. Председателем комитета был назначен заместитель Анкудинова, профессиональный внешторговец Никитин Сергей Сергеевич, которого с течением времени Васильев полностью подмял под себя. «Интурист» как самостоятельная организация был сведен до уровня Коммерческого

управления — одного из многих других управлений комитета. В них были превращены все подразделения, обеспечивавшие ранее деятельность ВАО «Интурист», и ему подчиненные. Так, отдел гидов-переводчиков стал управлением, во главе которого, наряду с профессионалом — начальником поставили группу ветеранов-отставников КГБ, которые должны были контролировать работу переводчиков с иностранцами. Отдел рекламы и печати был включен во вновь созданное Управление информации наряду с новым отделом информации, который разрабатывал методические установки по пропаганде и культурному обслуживанию иностранных туристов. Во главе Управления информации поставили уволенную из аппарата ЦК КПСС за развал семьи генерала КГБ, ставшего ее мужем, бывшую передовую ткачиху «Трехгорной мануфактуры». Мария Лаврентьевна Ситкина свой любимый отдел информации укомплектовала партийными тетушками, уже вступившими в климактерический возраст. Отдел капитального строительства стал управлением, не починенным «Интуристу», и так далее...

До загранпредставительств «Интуриста» мертвящая васильевская длань еще не добралась, и я вел свою работу, как и прежде. Поздняя весна продлила «мертвый» туристский сезон. По сравнению со временем его пиков у меня были свободны все субботы и воскресенья. В приличную погоду мы обязательно выезжали за город проветрить легкие от токийского смога. С 1 по 5 мая в японские праздники так называемой Золотой недели мы с целью изучения новых достопримечательностей совершили большое путешествие по морскому побережью к югу от Токио. Побывали в местной Венеции — городке, скорее деревне, на воде. Туристов там катают по каналам — улицам, застроенным традиционными японскими

домиками, в больших деревянных, как в старину, лодках. Управляют лодками большим веслом на корме японки в старинной традиционной одежде. Прогулялись по парку с целым комплексом храмов и маленьким зоопарком. Сделали массу снимков. 5 мая вернулись в Токио. Об этой поездке и осмотренных достопримечательностях, как и о всех других, я ежемесячно писал отчеты в «Интурист».

Конечно, наша жизнь отличалась от пребывания в Японии большинства работников посольства и торгпредства. Как и журналисты корпунктов главных советских газет, мы жили вне стен советской колонии. Непосредственных начальников у меня не было. Офицер безопасности посольства за меня не отвечал и поэтому мною не интересовался. Моя профессия требовала частых поездок по стране, о которых я лишь ставил посольство в известность. Мне ни разу не запретили какой-либо выезд, а брать с собой семью даже поощрялось. Автомшины в личном распоряжении были лишь у небольшого числа советских работников. Как результат — мы значительно лучше многих, в том числе с помощью туристских фирм, познакомились с Японией и японцами.

По вечерам я возобновил посещение пресс-клуба, которое временно за всеми заботами забросил. Мои связи в нем значительно расширились благодаря забавному происшествию. В издаваемой пресс-клубом газете № 1 Shimbun была опубликована статья американского корреспондента газеты Los Angeles Times в Японии о поездке в СССР через Находку–Хабаровск. В статье резко критиковалась организация транзита и качество обслуживания. Некоторые замечания человека, привыкшего к западным стандартам обслуживания, можно было бы принять, если бы не злобно-предвзятый тон статьи. В ней автор возводил различные мелкие недостатки

до глобальных политических и национальных проблем. Это вызвало у меня резкое неприятие, и я решил написать ответ. Примерно в том же стиле я описал свое путешествие в Америку через Аляску. Отметил все недостатки в оборудовании аэропортов, в работе таможи, в обслуживании и т. п. Но, в отличие от статьи американца, все это я описывал в понимающем, благожелательном тоне. Оправдывая отмеченные недостатки тем, что въезжая в страну через «черный вход», каковым были Находка и Аляска, вряд ли можно ожидать того же, что встречаешь, если въезжаешь через «парадный подъезд»: в Москву или Нью-Йорк. За бутылкой армянского коньяка Джеф несколько отшлифовал мой английский, и я сдал мое произведение в редакцию. Статью напечатали и в следующем номере один из членов редколлегии опубликовал комментарии к нашей, по его выражению, “Lively polemics”. Комментарии к моей статье были благожелательными, а к тону статьи моего оппонента ядовито-иронические. Все три материала прочитали многие члены клуба. Как правило, меня поздравляли с удачным ответом, а лосанжелевца замучили вопросами: чем же ему так досадили «эти русские». В конце концов он не выдержал и однажды вечером принес мне публичные извинения за тон своей статьи, объяснив его тем, что во время поездки очень плохо себя чувствовал и поэтому его все раздражало.

Однажды вечером в клубе, закончив разговор с одним из своих знакомых, я в одиночестве допивал кампари с содовой и уже собирался домой. В этот момент к моему столику подошел пожилой, лет за пятьдесят китаец и попросил разрешения присесть. Познакомились, обменялись визитками, китаец заказал еще по напитку мне и себе. Он оказался журналистом из Тайваня, недавно прибывшим в Японию. Разговор, естественно, пошел о советско-китайских, китайско-тайваньских, американско-тайваньских отноше-

ниях. Мои познания по этим проблемам были весьма поверхностными и ограничивались публикациями в советской и зарубежной прессе. Так что я больше слушал, чем говорил. Было уже поздно, клуб закрывался, и мы вскоре распрощались.

Дома, перед сном, я перебирал в памяти нашу беседу, чтобы завтра написать отчет. Чем больше я размышлял, тем больше мне казалось, что тайванец не случайно сел за мой столик. Мои знания проблемы явно не могли его интересовать. Я неоднократно был вынужден просить его повторять китайские имена и названия, которые он упоминал. И он делал это без малейшего раздражения или нетерпения. И вдруг, у меня в мозгу вспыхнуло одно упомянутое им китайское имя: Цзян Цзинго! Как я мог не обратить внимание на то, что тайванец (не помню его имя) как бы мимоходом, ненавязчиво, но дважды упомянул, что знаком с этим легендарным человеком?! Я ведь читал о нем еще во время учебы на истфаке МГУ! Это был старший сын Чан Кайши, главы Гоминдана — правящей китайской партии в 20–40-х годах. В 1925 году отец послал его учиться в СССР. Первое время он жил в квартире сестры В. И. Ленина Марии Елизаровой-Ульяновой и для советского паспорта взял ее фамилию и русское имя Николай Владимирович. После окончания учебы он работал, в том числе простым рабочим, на одном из уральских заводов, в 1935 году женился на русской. В 1937 году был арестован НКВД, но вскоре освобожден и уехал с женой в Китай. В 1949 году вместе с отцом, руководством Гоминьдана и остатками чанкайшистской армии бежал на Тайвань, где при папе-президенте занимал различные министерские посты. Впоследствии он сам стал президентом.

На следующее утро Г. П. подтвердил мои подозрения, что встреча не была случайной. Предложил продолжить знакомство, но

проверить мои соображения тем, что не проявлять инициативы для новых встреч. Днем я в библиотеке пресс-клуба прочитал в подшивках американских и японских (издаваемых на английском) газет за последний месяц всю информацию по американо-китайско-тайванским проблемам. Вечером направился в пресс-клуб. Мой китаец сидел за столиком. Проходя мимо, я поздоровался не останавливаясь. Но он жестом предложил мне присесть за его стол. Я спросил, что он будет пить, на что тайванец ответил, что проголодался и, поскольку кухня пресс-клуба «оставляла желать...», намеревается пойти в китайский ресторан, и спросил, не хотел бы я продегустировать китайскую кухню под его экспертным руководством. Конечно, я хотел бы...

С тех пор наши встречи стали регулярными и продолжались до моего окончательного отъезда из Японии. Было очевидно, что тайваньский журналист хотел использовать меня как канал доведения информации до советских властей. Почему он выбрал меня? Полагаю, потому, что контакты с советскими журналистами или с сотрудниками посольства носили бы явно выраженный политический характер и не исключали его прямого попадания на сотрудников КГБ. Знакомство же с руководителем туристского рекламного бюро выглядело нейтрально. Тем более, что мои контакты насчитывали десятки журналистов из самых различных стран и еще один терялся в их множестве.

В связи с обстановкой в Китае мы не стремились афишировать наши контакты. Там бушевала «культурная революция»; до предела обострились отношения КНР с СССР; Советский Союз не признавал легитимной гоминдановскую власть на Тайване и не поддерживал (во всяком случае, официально) с Тайванем никаких отношений; власти КНР разместили на берегу Тайваньского пролива

ракеты средней дальности; американский флот курсировал вдоль Тайваньского пролива. В пресс-клубе мы ограничивались дежурными приветствиями. Для подробных бесед выбирали удаленные от центра рестораны и бары, особенно после того, когда однажды, в ожидании своего собеседника в кафе в центральном районе, мне показалось, что севшие за соседний столик двое китайцев, а может быть, японцев, слишком интересуются моей персоной. Наскоро проглотив свой кофе, я предпочел ретироваться.

Во время одной из встреч мы попали в весьма щекотливую ситуацию, к счастью закончившуюся просто фарсом. Мы беседовали в одном из удаленных от центра баров. Посетители, видимо служащие, забежавшие после рабочего дня промочить горло, тут же исчезали. Так что мы большую часть времени оставались вообще одни. Неожиданно в бар ввалилась шумная компания — человек пять молодых, стриженных «под ежик» спортивного сложения японцев в одинаковых черных спортивных костюмах.

— Не обращайтесь на них внимания, — вполголоса сказал тайванец. — Это «якудза».

Мы-то внимания не обращали, а вот старший группы радостно приветствовал моего тайваньца как старого знакомого. Видимо, тот не впервые приехал в этот раз в Японию. Пожав ему руку, он, насколько я понял его японский, спросил с кем это его «друг» выпивает? Услышав, что я «сорен» (советский) туристский деятель, главарь мафиози необычайно развеселился и заявил, что такую встречу необходимо отметить. Тут же были сдвинуты столы, и главарь заказал на всех первый раунд выпивки. Разговор при помощи тайваньца пошел об СССР, о возможностях поехать туда, о том, куда поехать интереснее, как это сделать и т. д. и т. п. Второй раунд выпивки заказал тайванец, третий, по правилам — я. Четвертый,

пятый, шестой — опять по кругу. На седьмом я понял, что уже не смогу расплатиться. Тогда я попросил тайваньца, хорошо владевшего японским, как можно вежливее объяснить главарю бандитов, что мне очень приятно и интересно с ними беседовать и я бы хотел еще подольше поговорить. Для этого я прошу у них любезного согласия быстро съездить домой на такси за деньгами и вернуться через полчаса. Это опять вызвало приступ безумного веселия у всей компании. Со всего размаха хлопнув меня по плечу, главарь воскликнул:

— Ничего не надо! Сегодня вы оба мои гости!

И заказал очередной раунд выпивки. Опустошив последние бокалы, мы встали и, не переставая кланяться и благодарить щедрого хозяина, стали задом пятиться к двери под приветственные крики компании в черных костюмах. Толкнув дверь своими задами, мы с облегчением вдохнули прохладный ночной воздух.

Информация, которую передавал через меня тайванец, по-видимому, была интересной. Так как вскоре Г. П. выдал мне немалую сумму и предложил купить тайваньцу подарок, что я и сделал. Подарок он принял, но в долгу оставаться не захотел и на очередной встрече преподнес мне старинный китайский археологический артефакт, весь покрытый патиной, назначение которого так и осталось для меня тайной.

Весне 1969 года наша рекламная кампания стала давать результаты. Японский туризм в СССР начал восстанавливаться. И из Москвы мне опять поручили выехать для участия в ежегодной конференции Pacific Association of Travel Agents (PATA) в Гонконге. Перед поездкой Г. П. просил меня обратить внимание на процедуру выхода из самолета в аэровокзал и далее из аэропорта

в город. А также подготовить доклад о ситуации в Гонконге. Кроме того, один из его ведущих сотрудников попросил попробовать добыть ему телефонный справочник американского посольства в Гонконге. Английскую визу в британском посольстве я получил без проблем, предъявив приглашение на конференцию. Джек Ревуар порекомендовал мне купить билет в сотрудничавшей с его конторой гонконгской авиакомпании Cathay Pacific. По телефону я заказал билет экономического класса на нужную мне дату. Когда я явился в офис компании за билетом, мне вручили бесплатный гостевой билет в первый класс. Видимо, постарался Джек. В салоне первого класса я оказался единственным пассажиром. Не успел я опуститься в кресло, как передо мной возникла молоденькая стюардесса-китаянка, приколола на лацкан пиджака живую орхидею и предложила обширный список напитков. Весь полет меня непрерывно поили и кормили, так что по прибытии в Гонконг я еле-еле выбрался из кресла.

Помимо присутствия на заседаниях ПАТА, я посетил все три китайских туристских фирмы — наших контрагентов в Гонконге. Президент одной из них, самой крупной, одновременно владевший сетью ресторанов «Максим», раздобыл мне телефонный справочник американского посольства. В другой китайской турфирме работала англичанка, пылавшая гневом против гонконгских властей за то, что по прибытии в Гонконг на работу при таможенном досмотре ее заставили раздеться догола. Хотя прошло уже много лет, но этого унижения она никак не могла забыть и раскрывала мне всю подноготную деятельности английской администрации Гонконга. После конференции я еще задержался на 3 дня, побродил по Гонконгу, побеседовал с продавцами и посетителями кафетериев. И, как обычно, читал местные газеты на английском. Одновременно со мной

на конференции был сотрудник «Аэрофлота» из Москвы. Он познакомил меня с владельцем фирмы по изготовлению сувениров, с которой «Аэрофлот» работал. Тот пригласил нас на экскурсию вокруг острова на собственной джонке. Целый день мы провели в море, останавливаясь в живописных местах острова. Повар подавал нам всяческие яства и напитки. Фирмач предложил мне заказать у него партию сувенирных детских фотоаппаратов с эмблемой «Интуриста» по весьма приемлемой цене, что я и сделал. Владелец фирмы и его приятель тоже много рассказывали о политической и экономической ситуации в Гонконге.

В последний вечер перед отлетом в Токио мне позвонил владелец английской турфирмы, который только что прилетел из зарубежного вояжа. Помимо туристского бизнеса он занимался спекуляцией валютами. Скупал деньги там, где был выгодный курс обмена, и летел в другую страну, где курс был более выгодным. Он пригласил меня провести с ним этот вечер. Было уже поздно, в 7 утра мне надо было выезжать в аэропорт.

— Ничего, — заявил он. — Сейчас мы поедem в одну лавчонку и выпьем специальный напиток. После него будет такой запас бодрости, что до утра не захочется ни спать, ни отдыхать.

Я соблазнился. На автомашине он повез меня на гору в китайские трущобы. Остановившись около соломенного навеса, завел меня внутрь, что-то сказал по-китайски продавцу. Тот вытащил из плетеной корзины живую кобру, вспорол ей брюшко и выдавил в пиалу желчь. Разбавил ее какой-то желтоватой жидкостью и подал нам. Заметив мое колебание, мой спутник (фамилию и имя не помню) первым проглотил свою порцию. То же вслед за ним сделал и я. Ощущение было — будто в желудок упал булыжник. Но буквально через пять минут все рассосалось, и я ощутил необыкновенную

легкость. Действительно всю ночь, которую мы с ним провели в ресторане и барах, мне совершенно не хотелось спать.

К шести часам утра он вернул меня в гостиницу, а в семь я на такси отправился в аэропорт. Погода резко ухудшилась, начинался ураган и ливень. Было опасение, что рейс отменят. Но летчик все же решил взлетать. На взлете огромный самолет швыряло как щепку. Казалось, его вот-вот сбросит обратно на взлетную полосу или вообще в море. Но все обошлось, и мы вовремя приземлились в Токио.

Мой отчет для Г. П. вышел очень содержательным, а заказчику телефонного справочника здорово влетело от Г. П. за то, что он дал мне поручение без его ведома. Но справочник, видимо, пригодился, не знаю уж для чего. После этой командировки я окончательно был признан «своим» элитой «среднего класса» посольства.

В 3-м классе, судя по контрольным работам, учился Сергей хуже, чем во 2-м. Большинство оценок — 80–90%, редко 100 или 95. С июля начались на физкультуре уроки плавания в новом большом бассейне. И его весьма неважные оценки по этому предмету сразу пошли вверх. Он ведь начал учиться плавать еще в 1966 году в торгпредском бассейне, а потом совершенствовался в море. Перед летними каникулами он даже получил почетный диплом по плаванию. Вообще, он физически окреп, стал более ловким.

Шел третий год моей работы в Японии — обычный срок длительной загранкомандировки советских работников. Мы решили не ездить в 1969 году в отпуск, отложив его до окончательного возвращения в Москву. На мой взгляд, трехгодичный срок был крайне нерациональным правилом. Именно с третьего года начинался самый эффективный период работы полностью освоившегося сотрудника. Но советская бюрократия считала, что дольше

оставлять советского человека под тлетворным влиянием капитализма рискованно. Вместо отпуска я решил отправиться в предложенное Симидзу путешествие по портовым городам побережья Японского моря. В обращенные в сторону советского Приморья портовые города побережья постоянно заходили советские торговые и рыболовецкие суда. Матросы, сходя на берег, оставляли в местных магазинах и питейных заведениях свои небольшие валютные суточные, и посему СССР пользовался там определенной популярностью. Все портовые города пестрели вывесками на русском языке, хозяева магазинчиков и баров с порога по-русски зазывали клиентов. Так что Симидзу считал, что там имелся неохваченный нашей рекламной работой туристский потенциал. Отъезд был намечен на 18 июля. Возвращение — на 4 августа.

Но неожиданно из Москвы сообщили, что «Интурист» продлил мне работу в Японии еще на год, до конца августа 1970 года. Это было связано с тем, что в 1970 году Всемирная выставка «EXPO-70» должна была проводиться в Осаке. Менять уже опытного представителя, которому предстояло готовить участие в выставке «Интуриста» в составе Советского павильона и встречать высокопоставленных гостей, приезжающих по линии «Интуриста», видимо, сочли нецелесообразным.

Менять планы было уже поздно. И, погрузив рекламные материалы и аппаратуру в машину, мы все поехали в Киото по скоростной дороге. Ехали не спеша, останавливаясь на площадках для отдыха. Из Киото, после ночевки в гостинице, нам предстояло повернуть на север и уже по региональным дорогам двигаться к побережью Японского моря. На въезде в Киото за нами пристроилась черная машина наружного наблюдения, по-видимому, чтобы проконтролировать соблюдение мною заявленного МИДу маршрута, из

которого, непонятно почему, МИД вычеркнул один из запрошенных мною пунктов — деревню, где ныряльщицы-амма добывали натуральный жемчуг.

Чтобы найти заказанную гостиницу, я долго колесил по городу. Неоднократно останавливался и спрашивал дорогу у прохожих, но никак не мог ее отыскать. «Наружка» не отставала. Возможно, контрразведчики решили, что я пытаюсь оторваться. Наконец, я остановился и направился к остановившейся за мной машине полицейских. Они поспешно позакрывали окна. Пришлось постучать в стекло. Им ничего не оставалось, как опустить одно из стекол. Я назвал наименование гостиницы и попросил объяснить мне дорогу.

— Поезжайте за нами. Нам по пути.

Через 10 минут мы были у входа в отель. Выйдя с вещами из машины и проходя мимо полицейских, я нарочито громко сказал по-английски, якобы обращаясь к Ленине:

— Завтра будем выезжать не раньше 10 часов.

Зайдя в номер, я выглянул из окна. Полицейский машины не было. Не знаю, оставили ли они кого-нибудь для скрытого наблюдения, или поверили мне, но утром, хотя мы собрались раньше десяти, вышли к своей машине ровно в десять. «Наружка» была на месте. Помахав мне рукой, они предложили мне следовать за их машиной и вывели меня из города на нужную мне дорогу, после чего пропустили вперед. Примерно через полчаса я обнаружил, что свернул не в ту сторону. Полицейские следовали за мной. Остановился и, сверившись с картой, вернулся назад и выехал на нужное шоссе. Последив за мной еще минут двадцать, полицейские приветственно посигналили и повернули обратно в Киото.

В первый порт, где мне предстояло провести пресс-конференцию и семинар для турагентов — Цуругу — мы добрались уже во

второй половине дня. Оставив Ленину и Сергея в гостинице, я поехал в помещение, арендованное для проведения этих мероприятий. С помощью переводчика развесил плакаты и фотографии, установил аппаратуру для показа видеофильма и стал ждать. Но мой семинар в этот раз сорвали, сами того не ведая, американцы. Было 21 июля 1969 года. Именно в этот день американцы умудрились высадиться на Луну. Телекомпаниями всего мира, кто в прямом эфире, кто в записи, демонстрировали это эпохальное событие. Естественно, что не только Цуруга, но вся Япония прилипла к телевизорам и на мое мероприятие никто не пришел.

В остальных городах семинары и пресс-конференции прошли успешно. В Майдзуру переводчица — молодая девушка — явно не справлялась. И я попробовал подключить к работе Сергея. Опыт оказался удачным. Перевод Сергея встретили аплодисментами. И я дальше его использовал. Вообще, то, что малыш-иностранец хорошо говорит по-японски, вызывало умиление, а то, что я старался почаще использовать свои, хоть и ограниченные знания японского, вызывало уважение аудитории и способствовало успеху.

Поездка по этому региону позволила нам познакомиться с японской глубинкой, не причесанной под иностранных туристов, которые сюда не заезжали. По пути мы проезжали японские деревушки и отдельно стоящие хутора зажиточных крестьян, которые выглядели, как и 100 лет назад — старые потемневшие от времени молельни, древние кладбища с надгробьями, которых не было на кладбищах Тихоокеанского побережья. Пересекая горный хребет «японских Альп», который как бы отделял Японию, тяготеющую к побережью Японского моря, от тихоокеанской ее части, мы посетили одно из крупнейших синтоистских святилищ Харуна дзиндзя. Добираться до него пришлось по длинному

крутому подъему, совершенно не оборудованному специально для туристов. При входе во внутреннюю часть храма у каменного водоема надо было совершить очистительное омовение с помощью деревянного черпачка с длинной ручкой. Затем предстояло подняться еще выше по длинной деревянной лестнице. И только тогда открывалось главное здание храма — обитель богов синто. И природа здесь была несколько другая... И ночевали мы в обычных, не приспособленных под иностранцев рёканах. Так что впечатлений была масса.

ВТокио меня ожидали многочисленные новости. Уехал в США Мартин Прей. Со сменившим его директором Туристской службы США в Японии у меня сложились только чисто служебные отношения. Правда, он очень недолго проработал в Токио. Директором стал молодой его заместитель Фриц Шмиц, с ним и его женой-тайландкой у нас еще при Прее сложились дружеские отношения. Сменился и мой куратор в посольстве Георгий Петрович. Сменившему его Юрию Петровичу Г. П., по-видимому, положительно охарактеризовал меня. Через некоторое время тот даже попросил меня, выезжая по воскресеньям за город, иногда захватывать его жену. Сам он почему-то из Токио никуда не выезжал, а жена его ни с кем из посольских дам как-то не сошлась и страшно скучала. Конечно, отказать в такой просьбе было невозможно. Так что, выезжая на уик-энды, мы нередко приглашали и ее. Надо сказать, что она не злоупотребляла этими приглашениями. В основном мы ездили на море, так как основные достопримечательности были уже осмотрены.

Летом 1969-го с «Интуристом» начал сотрудничать владелец американской туристской фирмы, базировавшейся в Японии,

американец литовского происхождения Гричавичус, переименовавший свою литовскую фамилию на Грейс. Для укрепления связи, будучи к тому же скучавшим в одиночестве холостяком, он часто приглашал нас на уик-энд в свое загородное поместье на берегу моря. Поместье это он арендовал у одного из принцев императорской семьи. Обширный дом из благородных пород темного дерева стоял в окружении большого густого парка. Пока мы с Грейсом, иногда и с супругой Ю. П., после завтрака сидели на террасе за коктейлями и прохладительными напитками, Сережка носился по парку с недавно купленным ему ружьем, стрелявшим пластиковыми пулями. По японскому закону все пляжи на морском побережье, в том числе и примыкавший к территории поместья принца, были открыты для общего пользования.

Чтобы не злоупотреблять гостеприимством Грейса, мы нашли еще одно уютное и уединенное место для выездов к морю. Это был небольшой пляж в заливе Ойсо. На берегу стоял старенький, всегда свободный рёкан, где довольно дешево мы снимали на уик-энд комнату с японским завтраком. Вторую половину дня субботы и первую половину воскресенья проводили на пляже, где никогда, кроме рыбаков из близлежащей деревушки, тоже называвшейся Ойсо, никого не бывало.

Во время одной из таких поездок к морю я попал в единственное за четыре года серьезное ДТП. По дороге нас обогнала веселившаяся компания японских молодчиков на двух машинах. Затем они пропустили меня вперед и снова пошли на обгон, подрезали мою машину, заставляя меня резко тормозить, чтобы избежать столкновения. В общем, развлекались как могли, доведя меня до белого каления. Перед небольшим тоннелем они снова на большой скорости обогнали меня и нырнули в темноту. Въехав за ними в тоннель,

я на несколько секунд отвлекся от дороги, увидев на выезде из тоннеля мигалку полицейской машины. Этого оказалось достаточно, чтобы не успеть затормозить перед остановившейся второй машиной хулиганов. Оказалось, что первая машина, врезалась в выезжавшую из тоннеля машину дорожной полиции, а я ударил сзади вторую машину, к тому же выключившую задние габариты.

Полицейские по рации вызвали эвакуаторов, вывезли участников ДТП из тоннеля и, с помощью Сергея, опросив меня, составили протокол. Ко мне они отнеслись сочувственно, но наезд сзади автоматически, независимо от обстоятельств, делал меня виновником ДТП, как и водителя первой автомашины, ударившей сзади полицейскую машину. Пострадавшими были признаны сидевшие во второй машине. Не знаю, на самом деле или чтобы увеличить мою ответственность и последующую компенсацию, обе девицы, сидевшие сзади во второй машине, пожаловались на боли в шеех и были отправлены в больницу. Мой «Нисан» отбуксировали в мастерскую, а нас отвезли домой в Токио. Я доложил о происшествии консулу.

— Постарайся уладить все сам, — предложил Шаров. — Если что, обращайся, поможем.

По неписанным японским правилам требовалось бы навестить пострадавших в больнице с гостинцами. Но я был настолько зол на этих хулиганствовавших на дороге беспредельщиков, что сказал Осиме, которая вела переговоры с пострадавшими девицами, что не буду с ними общаться. Бедная Осима безуспешно пыталась образумить пострадавших и договориться о приемлемой компенсации. Но те закусили удила, считая, что поймали на крючок богатого иностранца. Наконец, мое терпение иссякло, и я попросил Осиму передать им, чтобы они обращались в суд. Через несколько дней

меня вызвали в суд в Йокогаму — по месту жительства пострадавших. Разговор происходил в кабинете мирового судьи, один-на-один на английском языке.

— Вы признаете свою вину? — спросил судья.

— Да, признаю. Формально я виноват. О произошедшем искренне сожалею. Но прошу вас учесть, что в значительной мере опасная езда пострадавших спровоцировала инцидент.

— Нам это известно из протокола дорожной полиции. Поскольку вы признаете вину и раскаиваетесь, я решил ограничиться штрафом. Вы готовы добровольно уплатить штраф?

— Да, если сумма не будет превышать мои финансовые возможности.

— Не будет, — улыбнулся судья и вручил мне постановление об уплате 20 тыс. иен. Вполне разумную сумму.

На том инцидент был исчерпан, о чем я сообщил Шарову.

— Ну и отлично. Забыли. — И он не стал выносить инцидент за стены своего кабинета.

С осени 1969 года мне приходилось часто ездить в Осаку для подготовки участия «Интуриста» в «ЭКСПО-70» в составе советского павильона. Надо было передать габариты стенда в Москву, где готовились экспозиции участников, подобрать помещения для размещения сотрудников, которые приедут на выставку, заключить договоры и осуществить массу других дел. К сожалению, в это же время по состоянию здоровья была вынуждена уволиться Осима, а за ней ушла и Цуруми. Правда, Симидзу снова выделил мне двух своих сотрудниц, знакомых с туризмом в СССР, так что отлаженный офис в Токио продолжал функционировать эффективно и в мое отсутствие. Продолжалась и совместная

с ЯСТБ и ДТБ рекламная кампания, которой я теперь мог уделять значительно меньше внимания.

Той же осенью прибывал очередной круиз с советскими туристами, директором которого ехал начальник Управления кадров Госкомитета по инотуризму, непосредственный подчиненный пресловутого Васильева. Выехав в Нагасаки, я зашел на борт прибывшего теплохода, помог организовать экскурсионную программу для туристов. После ужина со Старцевым — директором круиза покинул корабль. Пройти до Токио с маршрутом круиза я не имел права, так как это означало бы выезд с территории Японии без возвратной визы. Поэтому я возвращался в Токио опять на ночном поезде.

В Токио я снова поехал на теплоход. На один из дней была запланирована экскурсия к могиле Зорге. Это мероприятие сыграло роковую роль в моей намечавшейся карьере в «Интуристе» в качестве вице-президента (по официальному штатному расписанию — заместителя начальника Коммерческого управления, в которое был официально превращен «Интурист»). Но свершиться этому было не суждено. В вечер накануне экскурсии в то время, когда я был на борту теплохода, у одной из переводчиц случилась почечная колика. Судовой врач ничем, кроме поглаживания девушки по животу, помочь не мог. Мне пришлось взять ее в больницу. По существующему положению я не имел права оставлять ее в больнице одну. Пришлось полночи просидеть там, ожидая, пока не купируют приступ. После обильного ужина на борту страшно хотелось пить, и я выпил, наверное, половину металлического бачка с водой, стоявшего около операционной из общей металлической кружки. Доставив больную обратно на теплоход, я поехал домой.

На следующее утро проснулся с температурой за 38 и больным горлом. Позвонил Старцеву на теплоход. Объяснил ситуацию,

сказав, что в таком состоянии просто опасно вести машину в токийском трафике. Старцев молча выслушал мои извинения и молча положил трубку. Менталитет ветерана-партработника не мог представить себе, что помощь «какой-то переводчице» способна оказаться для будущего номенклатурного работника более важным мероприятием, чем обслуживание руководителя. Ведь из-за этого ему пришлось ехать в автобусе с обычными туристами! В Москве он, по-видимому, соответствующим образом охарактеризовал меня Васильеву. В результате, вместо должности вице-президента меня после возвращения в Москву поставили заместителем начальника отдела рекламы и печати. Но до всех тех событий оставался еще год.

Не помешал на этот раз моей работе и приезд еще одного «заместителя». Это был совсем зеленый мальчишка, которого в посольстве так загрузили водительской работой, что он в офисе вообще не появлялся. Лишь изредка приходил ко мне жаловаться на свою долю.

Подготовка к «ЭКСПО-70» отнимала у меня так много времени, что я совсем перестал бывать в пресс-клубе и встречаться с интересными людьми. Естественным путем сошли «на нет» мои доклады и отчеты Юрию Петровичу. Надо отдать ему должное: он понимал ситуацию и не оказывал на меня никакого давления. Зима 1970 года тоже была заполнена заботами о подготовке участия «Интуриста» в «ЭКСПО-70». Мне удавалось лишь изредка встречаться с моим тайваньским приятелем.

Выставка открылась в марте 1970 года. С ее открытием по линии «Интуриста» в качестве туристов начали прибывать различные высокопоставленные советские номенклатурные работники второго эшелона. Первый эшелон приезжал официально по линии посоль-

ства и торгпредства. Не знаю, как первый эшелон, но второй гораздо больше самой выставки интересовали достопримечательности Японии и магазины. Приходилось организовывать для них экскурсии, походы за покупками. Причем, чтобы они не разочаровались в советской действительности, от меня потребовали показывать им оборотную сторону блестящих витрин капиталистического мира. Поездки в токийские трущобы, каковые тоже имели место быть, требовали согласования с полицейским департаментом Токио для обеспечения безопасности посетителей. Искренне не понимая странного желания туристов посещать такие неблагополучные районы города, полицейские власти очень неохотно давали разрешение на такие экскурсии и, наконец, вообще отказались их обеспечивать. Пришлось объяснить ЦК, что японские власти запретили такие поездки, не желая компрометировать японскую действительность перед представителями социалистической державы. Такое объяснение удовлетворило Москву. Еще больше удовлетворило оно и самих членов групп, которым заменили поездки в трущобы посещением значных мест Токио, где за кружкой пива они смотрели канкан и стриптиз.

Приезжал в Японию и пресловутый серый кардинал Госкомитета СССР по иностранному туризму Васильев. Почему-то ему, помимо положенных суточных, выдали еще некую сумму валюты на личные расходы. Поэтому значительную часть времени он проводил в универмагах. Также почему-то несколько раз ему не хватало денег на выбранную покупку. Мне приходилось добавлять ему их из своего кармана. Он принимал это как должное, даже не говоря «спасибо».

В марте 1970-го Сережа успешно закончил 3-й класс и перешел в 4-й. К сожалению, из-за занятости на ЭКСПО, я не смог присутствовать на этих событиях. За всеми этими заботами незаметно

подошел и август 70 года — время нашего отъезда. Грустно было расставаться с интересной работой, отлаженным офисом и сотрудниками. Трогательным было прощание Сережи с его классом. 4-й класс он закончить не успел. Наш отъезд совпал с окончанием только первого семестра. Соученики проводили его дружным «сай-о-ооо-нара» (до свидания). Сережка подарил девушкам-сотрудницам офиса на прощание изготовленную им на уроке труда в школе керамическую пепельницу, а они ему — керамическую вазу для цветов.

По традиции последние недели перед отъездом были заняты прощальными банкетами, на которые меня приглашали туристские фирмы. Все личные друзья водили в бары на традиционный прощальный так называемый bar-crawling, предусматривавший «переползание» из одного бара в другой.

Из посещений ресторанов мне особенно запомнился подвальный ресторан, куда меня пригласило ЯСТБ. Он был оформлен в виде старинной японской деревни, где мы сидели в крестьянском доме на татами за традиционными японскими блюдами. Дом, как и деревенская улица, на которой он стоял, были освещены стилизованными под старину фонарями. За время обеда в «вечерней» деревне я совершенно забыл, что наверху еще день, и был поражен, когда мы вышли на освещенную солнцем улицу Токио. На прощание Симидзу спросил, какой подарок я бы хотел получить, уезжая из Японии. Я попросил японскую куклу. Такие куклы в различных национальных костюмах и позах массой стояли во всех универмагах. Однако Симидзу не смог подарить мне подобный ширпотреб. Кукла для меня была изготовлена, по-видимому, по индивидуальному заказу, так как таких я ни в одном универмаге за все четыре года не видел. Сегодня эта средневековая аристократка в роскошном

расшитом золотом кимоно стоит у меня в кабинете, с надменным выражением лица наблюдая за моими стараниями адекватно описать нашу жизнь на другой планете Солнечной системы, называемой Ниппон, цивилизация которой очень напоминает земную.

Из bar-crawling наиболее забавным стал вечер с директором английской турфирмы «Томас Кук и Сын» Стивом. В одном из баров он всерьез предложил мне не уезжать из Японии, а стать его партнером по бизнесу.

— Но я же совершенно не подготовлен к ведению бизнеса в капиталистическом обществе.

— Зато у тебя рождается много идей. Ты будешь их генерировать, а я — осуществлять.

В заключение, совсем незадолго перед отъездом, произошло, по словам консула Шарова, нечто беспрецедентное: он получил от начальника русского департамента МИД Японии для меня и себя официальное приглашение на прощальный обед. То есть японские власти признали, что я действительно занимался развитием японо-советских связей через туризм, а не был агентом КГБ под прикрытием. За обедом начальник департамента как о большой любезности сообщил, что ради меня МИД не стал выдерживать полагающийся срок выдачи визы моему сменщику, а выдал ее сразу по обращению, чем доставил мне немалое огорчение.

ЯСТБ взяло на себя заботы о покупке нам билетов на теплоход. Я передал Симицзу деньги на положенную нам каюту 2-го класса. На борту нас встретил пассажирский помощник капитана и повел на верхнюю палубу в единственную на теплоходе каюту люкс — последний подарок Симицзу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ошибется тот, кто, прочитав мои воспоминания, решит, что пережитое и познанное заставило меня перестать быть патриотом своей страны. Я всю жизнь был и остаюсь патриотом страны Россия, независимо от того, какое государство существовало на ее земле. Именно этой своей Родине я принес воинскую присягу в 1944-м. Именно ее выходил защищать к Белому дому в 1991-м и на Тверскую в 1993-м.

Проблема в том, что в своем зомбированном советской пропагандой детстве, да и позже, во время войны, я отождествлял страну с государством. Лишь постепенно, во время военной службы, пришло понимание, что страна и государство не тождество. Государство и власть чаще противостоят стране и народу, чем составляют единство. Более того, государство и власть могут быть враждебны стране и народу.

Таким было советское государство, возглавляемое генеральными секретарями КПСС от Сталина до Черненко с его бездарной партийно-советской номенклатурой, которая привела страну к краху, а народ — к нищете. Таким стало новое Российское государство, когда после недолгого периода сорванной ими перестройки нечестивый союз Ельцина с гайдарами и чубайсами отдал страну и народ на разграбление так называемым олигархам, а потом незаконно передал государственную власть старой элите КГБ во главе

с Путиным и прочим так называемым силовикам, которые тащат мою страну назад, вместо того чтобы вести ее вперед.

Я и теперь остаюсь патриотом моей Родины — страны Россия. И живу надеждой, что, когда, как по Библии у древних израильтян, естественно уйдет из жизни поколение россиян, столетиями воспитанное режимами российских царей, советских генсеков и российских президентов в рабском почитании любой власти, среди которого, по экспертным данным, каждый седьмой в возрасте от 15 до 24 лет нигде не учится и не работает.

А среди молодежи в сельских населенных пунктах уже 20% исключено из сферы занятости, образования и профессиональной подготовки, и даже тот из них, кто хотел бы что-то изменить, не может этого сделать. И придет новое, свободное от идеологии рабов молодое поколение. И оно построит новую Россию, свободную, счастливую, процветающую, воистину Великую Державу, в которой государство и власть, страна и ее народ будут не противостоять, как ныне, а составят несокрушимое единство.

«Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется...».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Детство	13
Война. Эвакуация	63
Моя война	84
После войны	111
В Германии	113
Корейская кампания	151
Конец военной карьеры	173
На «гражданке»	179
На планете «Ниппон»	187
Заключение	300

Владимир Михайлоович Брагинский

АВТОБИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Редактор

Ю. А. Здоровов

Корректор

И. М. Осипова

Дизайн, макет, верстка

О. Б. Филиппова

Подписано к печати 10.09.2018

Формат 70х90/16

Тираж 100 экз.

Усл. печ. л. 20

Издание отпечатано в типографии

ООО «Галлея-Принт»

111024, г. Москва, 5-я Кабельная ул. 2 Б

Тел. +7 (495) 673-57-85

